

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

Тема номера:
К 150-летию
со дня рождения И. А. Бунина

2020 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 10.01.01 – Русская литература; 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья; 10.02.01 – Русский язык.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: 10.01.01 – Russian literature; 10.01.03 – Literature of the peoples of foreign countries; 10.02.01 – Russian language.

ISSN 2072-8522 (print)

2020 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN
OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета.

Серия: Русская филология»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Шаповалова Т.Е. — д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель главного редактора серии:

Герасименко Н.А. — д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Леденёва В.В. — д.филол.н., проф., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Аврамова В.Н. — доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария);

Алексеева Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Аношкина В.Н. — д.филол.н., проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Воропаев В.А. — д.филол.н., проф., МГУ имени М.В. Ломоносова;

Гусман Т.Р. — д.филол.н., проф., Гранадский университет (Испания);

Киселёва И.А. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Колларова Э. — д. философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия);

Копосов Л.Ф. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Моторин А.В. — д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого;

Нагорный И.А. — д.филол.н., проф., Цзилиньский университет (Китайская Народная Республика);

Норман Б.Ю. — д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Беларусь);

Петров А.В. — д.филол.н., проф., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск);

Рацибурская Л.В. — д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского;

Супрун В.И. — д.филол.н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет;

Титаренко Е.Я. — д.филол.н., доц., Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского;

Шаталова О.В. — д.филол.н., проф., МГОУ;

Шеншина В.А. — д.филол.н., науч. сотр., Хельсинкский университет (Финляндия);

Щедрина Н.М. — д.филол.н., проф., МГОУ

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» — печатное издание, публикующее статьи по языкознанию (лексико-грамматический строй русского языка, язык художественной литературы); литературоведению (исследование творчества русских и зарубежных писателей, сопоставительный анализ их произведений).

Журнал адресован учёным, преподавателям, докторантам, аспирантам и всем, кто интересуется достижениями филологической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73348.

Индекс серии «Русская филология»
по Объединённому каталогу «Пресса России» 40718

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. — 2020. — № 4. — 128 с.

© МГОУ, 2020.

© ИИУ МГОУ, 2020.

Адрес Отдела по изданию научного журнала «Вестник Московского государственного областного университета»

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University.
Series: Russian Philology»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Deputy editor-in-chief:

N.A. Gerasimenko – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU

Executive secretary of the series:

V.V. Ledenyova – Ph.D. in Philological sciences, Associate Professor, MRSU

Members of Editorial Board:

V.N. Avramova – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria);

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philological sciences, Professor, honored science worker of the Russian Federation;

V.A. Voropayev – Doctor of Philological sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University;

R. Guzmán Tirado – Doctor of Philological sciences, Professor, University of Granada (Spain);

I.A. Kiseleva – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, MRSU;

E. Kollarova – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia);

L.F. Kuposov – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

A.V. Motorin – Doctor of Philological sciences, Professor, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University;

I.A. Nagorny – Doctor of Philological sciences, Professor, Jilin University (China);

B.Yu. Norman – Doctor of Philological sciences, Professor, Belorussian State University (Belarus);

A.V. Petrov – Doctor of Philological sciences, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk);

L.V. Ratsiburskaya – Doctor of Philological sciences, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod;

V.I. Suprun – Doctor of Philological sciences, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University;

E.Y. Titarenko – Doctor of Philological sciences, Associate Professor, Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky;

O.V. Shatalova – Doctor of Philological sciences, Professor, MRSU;

V.A. Shenshina – Doctor of Philological sciences, Helsinki University (Finland);

N.M. Shchedrina – doctor of Philological Sciences, Professor, MRSU

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

The reviewed scientific journal "Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology" is a printed edition that publishes articles on linguistics (lexicogrammar system of the Russian language, the language of literature); literature study (study of the works of Russian and foreign writers, a comparative analysis of their works).

The journal is addressed to scientists, teachers, doctoral students, PhD students and all those interested in the achievements of philological science.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С 77 - 73348.

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (<https://cyberleninka.ru>), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow Region State University» is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology. – 2020. – № 4. – 128 p.

© MRSU, 2020.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2020.

The Editorial Board address:

Moscow Region State University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии 6

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Герасименко Н. А.</i> Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина.....	7
<i>Леденёва В. В., Симашко Т. В.</i> Особенности отражения концепта «Женщина» в лирике и. А. Бунина периода «романтического реализма»	15
<i>Малинская Т. В.</i> Темпоральные синтаксемы с лексемой <i>вечер</i> в произведениях И. А. Бунина	26
<i>Николина Н. А.</i> Метаязыковые комментарии в прозе И. А. Бунина	35
<i>Фадеева Т. М.</i> Образ дома и средства его создания в поэтических текстах И. А. Бунина .	43
<i>Халикова Н. В.</i> Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина	51
<i>Шапалова Т. Е.</i> Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина.....	60

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Алексеева Л. Ф.</i> Поэзия И. А. Бунина в творческом восприятии В. А. Сумбатова: поэма «Листопад» и стихотворение «Тризна (памяти Бунина)»	68
<i>Белукова В. Б.</i> Два юбиляра: И. А. Бунин и А. Т. Твардовский	76
<i>Бердникова О. А., Голицына Т. Н.</i> При «дороге» жизни: о модификациях одного сюжета в произведениях И. А. Бунина	85
<i>Гудзова Я. О.</i> «Русский художник пишет о русском естестве»: И. А. Бунин и И. С. Шмелёв о загадке русской души	93
<i>Кознова Н. Н.</i> Литературный портрет И. А. Бунина в воспоминаниях современников .	101
<i>Новикова Е. А.</i> Москва в произведениях Ивана Бунина	109
<i>Яковлев М. В.</i> И. А. Бунин о М. А. Волошине: за и против	116

CONTENTS

<i>From the Editorial Board</i>	6
---------------------------------------	---

SECTION I. LINGUISTIC STUDIES

<i>N. Gerasimenko</i> . Syntax of I. Bunin's Diary Records.....	7
<i>V. Ledeneva, T. Simashko</i> . Features of The Reflection of The Concept «Woman» in the Lyrics of I. Bunin of the Period of «Romantic Realism»	15
<i>T. Malinskaya</i> . Temporal Syntaxemes with the Lexeme <i>Vecher</i> in the Texts of I. Bunin	26
<i>N. Nikolina</i> . Metalanguage Comments In I. Bunin's Prose.....	35
<i>T. Fadeeva</i> . House Image and the Means of Its Creation in the Poetic Texts of I. Bunin	43
<i>N. Khalikova</i> . Formal And Semantic Structure Of The Artistic Image "The Wind Blows" in I. Bunin's Fiction.....	51
<i>T. Shapovalova</i> . Nominative Sentences with Determining Word Forms in I. Bunin's poetic texts	60

SECTION II. LITERARY STUDIES

<i>L. Alekseeva</i> . Poetry Of I. A. Bunin In The Creative Perception of V. A. Sumbatov: the Poem "Listopad" And the Poem "Trizna" (In Memory of Bunin)	68
<i>V. Belukova</i> . Two anniversaries: I. Bunin and A. Tvardovsky	76
<i>O. Berdnikova, T. Golitsyna</i> . On the «Road» of Life: on Modifications of One Plot in the Works of I. Bunin	85
<i>Ya. Gudzova</i> . «The Russian Artist Describes the Russian Character»: I. Bunin and I. Shmelev on the Mystery of The Russian Soul.....	93
<i>N. Koznova</i> . Literary Portrait of I. Bunin In The Memoirs of Contemporaries	101
<i>E. Novikova</i> . Moscow in the Works of Ivan Bunin	109
<i>M. Yakovlev</i> . I. Bunin about M. Voloshin: Pros and Cons.....	116

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Четвёртый номер нашего журнала тематический. Он посвящён юбилару этого года – Ивану Алексеевичу Бунину, первому русскому Нобелевскому лауреату, которому 22 октября 2020 года исполняется 150 лет.

Юбилей писателя отмечается очень широко и в России, и за рубежом. Проводятся конференции, выставочные проекты, литературно-художественные вечера, фестивали, круглые столы, конкурсы и другие встречи почитателей великого литератора, нацеленные на осмысление того, какое место занимает Иван Бунин в мировом культурном пространстве.

Современная научная буниниана обширна, но даже неоднократно подвергавшиеся анализу тексты произведений по-прежнему привлекают внимание исследователей, ставят немало новых вопросов перед филологией, ряд которых решают публикации номера.

Для лингвистов и литературоведов, которые пытаются без навешивания разных ярлыков, объективно представить мир его героев, показать его любовь к родной русской речи и языку, постичь совершенство словесной бунинской формы, сохранившей классическую ясность и верность традициям XIX века, известную смелость раскрытия характеров персонажей в ярких поэтических и прозаических произведениях о любви, необыкновенные по эмоциональному накалу порывы человеческой души и пейзажные зарисовки, взаимоотношения с современниками, – это нелёгкая, но приятная задача.

Мы не стали нарушать привычную композицию номера журнала, выделили те же рубрики: языкознание и литературоведение – и привлекли к участию в нём не только учёных нашего университета, но и известных исследователей из других вузов страны. Предлагаем вниманию вдумчивого читателя материалы, которые для каждого из авторов журнала стали важным этапом осмысления личности, творчества и художественного мастерства русского гения.

*Шаповалова Татьяна Егоровна,
доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского
языка имени профессора П. А. Лебанта Московского государственного областного универси-
тета, академик Международной академии наук педагогического образования,
главный редактор научного журнала «Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Русская филология»*

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-7-14

СИНТАКСИС ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ И. А. БУНИНА

Герасименко Н. А.

Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 34, Российская Федерация

Аннотация.

Цель работы – исследовать, как синтаксическое устройство дневниковых записей отражает прогностическое мышление И. А. Бунина по отношению к будущим произведениям.

Процедура и методы исследования. В статье анализируются наиболее продуктивные синтаксические конструкции в аспекте их тематического функционирования. Основным методом является структурно-семантический метод, позволяющий выявить соответствие между синтаксической структурой и выражаемыми смыслами в разных типах текста.

Результаты. Установлено, что дневниковые записи И. А. Бунина являются для писателя художественной мастерской, в которой собираются наблюдения, заметки, обобщения, позволяющие в будущем реализовать накопленный материал в художественных произведениях.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования уточняют некоторые положения грамматики в области функционирования синтаксических единиц в тексте, дополняют сведения об идиостиле И. А. Бунина.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, дневники, идиостиль И. А. Бунина, номинативные предложения, оценка, прогностическое мышление, синтаксис, субстантивно-адъективные предложения

SYNTAX OF I. BUNIN'S DIARY RECORDS

N. Gerasimenko

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim is to investigate how the syntactic structure of diary entries reflects the predictive thinking of I. Bunin concerning future works.

Methodology. The article analyzes the most productive syntactic constructions in terms of their thematic functioning. The main method is the structural-semantic method, which identifies the correspondence between the syntactic structure and the expressed meanings in different text types.

Results. It has been established that the diary entries of I. Bunin are an art workshop for the writer, in which observations, notes, generalizations are collected, allowing to realize the accumulated material in works of art in the future.

Research implications. The research results clarify some provisions of grammar in the field of the functioning of syntactic units in the text and elaborate information about the idiosyncrasy of I. Bunin.

Keywords: diaries, idiostyle of I. Bunin; nominative, bisubstantive, substantive-adjective sentences; predictive thinking, assessment, syntax

Введение

Юбилейный год, год 150-летия со дня рождения И. А. Бунина, снова привлёк особое внимание общества к его личности, произведениям, жизненному пути. Так уже повелось, что юбилейные даты обостряют интерес к жизни и творчеству деятеля русской культуры.

Конечно, интерес к лауреату Нобелевской премии, выдающемуся русскому писателю, тонкому стилисту и человеку с собственным взглядом на исторический путь России и русской литературы не утихает никогда. Сотнями исчисляются литературоведческие статьи, книги, воспоминания современников о И. А. Бунине. Описывается жизненный путь [9; 13; 16], исследуется проблематика произведений автора [15], их жанровое и стилистическое своеобразие, мотивы и творческая переключка с другими писателями¹ [16]. Есть среди богатейшей бунинианы и работы лингвистов, посвящённые особенностям языка писателя² [10]. Иначе не может быть, потому что писатель – это уникальный язык, неповторимый идиостиль, по которому он и узнаётся. Значительная часть работ имеет лингвометодический характер и посвящена анализу отдельных произведений И. А. Бунина [4; 11]. Но лингвистических работ в целом значительно меньше, хотя традиция изучения языка писателя, языка художественной литературы у нас давняя, идущая от работ В. В. Виноградова [3]. Развитие лингвистической теории в сторону интеграции с другими гуманитарными дисциплинами привело к возникновению особой дисциплины – теории художественного текста, вобравшей в себя достижения современной лингвистики, литературоведения, истории и

других наук. Работы в этом направлении объединяют исследование художественных образов с языковыми средствами, отражающими своеобразие текста [1; 14 и др.].

Языковедческие исследования преимущественно анализируют лексику в художественных произведениях И. А. Бунина. Так, особенностям бунинских цветообозначений посвящено множество работ, потому что не обратить внимание на богатство представленных в его текстах наименований цвета, колоративов, невозможно [10; 6 и др.]. Синтаксис текстов И. А. Бунина исследовался в минимальной степени [12; 7], а синтаксические особенности дневниковых записей вообще не исследованы. Всё сказанное определяет актуальность темы данной статьи и выявляет направление исследования.

Процедура и методы исследования

Анализ синтаксиса дневниковых записей И. А. Бунина произведён на материале дневников (1881–1953 гг.), которые автор вёл постоянно, хотя и непоследовательно, и которые время от времени редактировал, что не характерно для дневника как формы текста³: «Переписываю с клочков дневниковые заметки. Многие рву»⁴. Сбор языкового материала производился методом направленной выборки в соответствии с основными темами дневниковых записей и был ориентирован на перспективы реализации определённых синтаксических конструкций в художественных произведениях И. А. Бунина. Для этого были выявлены основные темы, развиваемые в дневниках, и произведён анализ продуктивных синтаксических конструкций, отражающих эти темы. Темы, которым в дневниковых записях уделено много внимания,

¹ См. Белокова В. Б. Два юбиляра: И. А. Бунин и А. Т. Твардовский. С. 76–84.

² См. Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина. С. 60–67.

³ Здесь и далее цитаты и примеры из дневников И. А. Бунина приводятся по: И. А. Бунин. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6. М.: Художественная литература, 1988. 719 с.

⁴ Там же. Т. 6, с. 458.

можно представить следующим списком: любовь, состояние человека, состояние природы, оценка человека, явления, события и др. Понятно, что это не исчерпывающий список, но он позволяет провести соотношение между темой и синтаксическим устройством отражающего эту тему фрагмента текста в аспекте прогностического мышления писателя.

Исследование показало, что стилистическая система И. А. Бунина складывалась в течение всей его жизни, но тематические и грамматические предпочтения проявились очень рано. Дневниковые записи, конечно, изменялись с течением времени. Для юношеских записок характерна высокая эмоциональность, развёрнутые описания, обилие восклицательных предложений: *Потребность любви! Но кого?!*¹; *Сердце у меня чуть не выскочило из груди! Она моя! Она меня любит!*² Тема любви естественно была одной из главных в мыслях будущего писателя, но уже в самых первых дневниковых записях появляются и любимые образы И. А. Бунина – луна, облака, ветер: *полная луна, мягкий бледный свет луны; ночь летняя, свежая и лунная*³; *пора прелестных облаков*⁴; *холодный резкий ветер*⁵; *солнечный ветреный день*⁶.

Высокая степень эмоциональности, проявившаяся в дневниковых записях в раскрытии темы любви, заметно сглаживается с течением времени. Описания становятся строже, но и глубже: *Милый, тихий, рас-сеяннно-задумчивый взгляд Веры, устремлённый куда-то вперёд*⁷. На основе пережитого опыта писатель приходит к обобщениям: *Любить значит верить*⁸. Биинфинитивное предложение позволяет поднять личный опыт до уровня афоризма, максимально обобщённого высказывания.

Тема любви останется в числе главных тем художественных произведений автора,

и полученные в юности впечатления, отражённые в дневниках, будут развиваться и уточняться. Раскрывая или, скорее, намечая эту тему в дневниках, писатель использует оценочные синтаксические конструкции. Впоследствии аксиологические высказывания часто используются писателем в дневниковых записях, но выражают преимущественно негативную оценку и относятся к разным аспектам жизни: людям, общественному устройству, окружающей среде, к самому себе: *А что в деревне?! Что в России?! Москву расстреливают – и ниоткуда помощи!*⁹ *Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего!*¹⁰ *Боже, как я живу!*¹¹ *Вместо Немецкой улицы – исторического, давнего названия – улица Баумана! О! И этого простить нельзя!*¹² Риторические вопросы, использование эмоциональных частиц и междометий характерны для дневника И. А. Бунина. Оценочность – яркая черта дневников вообще, потому что этот жанр обладает высокой степенью субъективности. Личность автора проявляется не только в отражении жизненных событий, но и более всего в оценивании всего, о чём пишется. Однако уже в начале творческого пути И. А. Бунин понимал: «Плохие писатели почти всегда кончают рассказ лирически, восклицанием и многоточием»¹³, – и сам использовал экспрессивный синтаксис дозированно.

Тесно связаны в произведениях писателя тема состояния человека с темой состояния природы. Истоки таких описаний обнаруживаются в дневнике. Начиная с самых первых записей, И. А. Бунин кратко и необыкновенно ёмко описывает природу. Она привлекает внимание писателя, и почти в каждой дневниковой записи мы видим пейзажную зарисовку – описание неба, сада, моря, гор – в зависимости от того, где в это время он находится. Не раз отмеченные исследователями особенности

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6, с. 310.

² Там же. Т. 6, с. 311.

³ Там же. Т. 6, с. 312.

⁴ Там же. Т. 6, с. 327.

⁵ Там же. Т. 6, с. 313.

⁶ Там же. Т. 6, с. 315.

⁷ Там же. Т. 6, с. 358.

⁸ Там же. Т. 6, с. 451.

⁹ Там же. Т. 6, с. 398.

¹⁰ Там же. Т. 6, с. 399.

¹¹ Там же. Т. 6, с. 398.

¹² Там же. Т. 6, с. 410.

¹³ Там же. Т. 6, с. 409.

колористики произведений писателя [7], описания звуков, вкусовых ощущений характеризуют неповторимый авторский стиль [10]. Сам И. А. Бунин пишет, продолжая мысль Л. Н. Толстого, который говорил о физическом чувствовании людей: «Я всё физически чувствую. Я настоящего художественного естества. Я всегда мир воспринимал через запахи, краски, свет, ветер, вино, еду – и как остро. Боже мой, до чего остро, даже больно!»¹ Множество дневниковых заметок подтверждает эту особенность писателя, которая реализовалась в великолепных описаниях природы: *Утро, тишина, мокрая трава, тень, блеск, птицы и цветы. Преобладающий тон белый. Среди него лиловое (медвежьих ушки), красное (кашка, гвоздика, иначе Богородицына трава), жёлтое (нечто вроде жёлтых маргариток), мышинный розовый горошек... А в поле, на косогоре, рожь ходит зыбью, как какой-то великолепный сизый мех, и дымит, дымит цветом*². Состояние природы, зафиксированное в дневнике, – это момент, предназначенный для будущего, для актуализации памяти в художественных произведениях, где эта «актуализированная память», в терминологии Б. В. Аверина [2], заработает и заставит читателя оказаться в тех условиях, в которых был писатель. Но память, даже память писателя, отличающаяся особой цепкостью, может подвести. Тем важнее становятся дневниковые записи, в которых сохраняются мысли, ощущения, впечатления, которые так или иначе будут воплощены в художественном тексте. А язык позволяет сохранить всё это в определённой форме. Синтаксическая конструкция как форма существования смысла ограничивает его, делает возможным его понимание.

Так, И. А. Бунин активно использует для описания природы номинативные предложения. Их грамматическая сущность отражает интенцию автора сделать читателя своим вторым я. Читатель должен оказаться на месте автора и ощутить те же впе-

чатления, что и писатель. Грамматическое значение бытийности, свойственное номинативным предложениям, способствует передаче этого смысла – здесь, сейчас, вокруг меня: *Неясное, слабо пригревающее солнце, чуть слышимый горьковатый запах воздуха – уже осенний*³; *Груды кремных курчавых облаков (снизу серых), навалившихся на собачью гору над М.-Карло*⁴; *Синяя муть (грядой) на западе, над ней муть красно-оранжевого неба, выше небо зеленоватое*⁵. Обращает на себя внимание распространённость номинативных предложений, что в целом не характерно для этого типа высказываний, потому что обилие второстепенных членов предложения ослабляет семантику непосредственного восприятия, размывает её. Однако для И. А. Бунина важно с максимальной точностью передать то, что видит он, зафиксировать на бумаге эти яркие впечатления, которые в будущем превратятся в художественные образы. В стремлении как можно точнее описать ситуацию, писатель вводит в номинативные предложения осложняющие компоненты (вставные конструкции, однородные ряды, обособленные члены предложения), что представляется в дневнике как заметка на память – запомнить, чтобы потом использовать.

В описании природы И. А. Бунин наряду с номинативными предложениями широко использует двусоставные неглагольные предложения со связочно-субстантивным и связочно-адъективным сказуемым [5]: *Всё утро все долины и горы в светлом пару*⁶; *И опять все долины и горы в дымке*⁷; *День серенький*⁸.

Неглагольные односоставные и двусоставные предложения, объединённые в единую синтаксическую конструкцию, передают семантику состояния окружающей среды с одновременной оценкой этого состояния, в следующем примере – отри-

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6, с. 437.

² Там же. Т. 6, с. 333.

³ Там же. Т. 6, с. 468.

⁴ Там же. Т. 6, с. 483.

⁵ Там же. Т. 6, с. 485.

⁶ Там же. Т. 6, с. 468.

⁷ Там же. Т. 6, с. 468.

⁸ Там же. Т. 6, с. 527.

цательной: *Туман, дорога вся в ухабах из застывшей грязи, лошади ужасные*¹. В сложном бессоюзном предложении объединены следующие предикативные конструкции: номинативная (*туман*), бисубстантивная (*дорога вся в ухабах*) и субстантивно-адъективная (*лошади ужасные*). Все эти конструкции фиксируют непроцессные характеристики, что важно для их объединения при описании состояния природы, окружающей среды: *Избушки, дома, река – всё было в белых покровах*².

Для дневниковых записей И. А. Бунина характерна фиксация состояния человека, прежде всего собственного состояния: физического, психического, эмоционального: *Сегодня опять 37 – я почти всю зиму болел в этой яме*³ – физическое; *Остальное время вечера я был как в тумане*⁴ – психическое; *Тоска до слёз*⁵ – эмоциональное состояние. И в таких случаях автор использует преимущественно неглагольные предложения, которые в русском синтаксисе приспособлены для выражения этой семантики.

Важную роль играют в дневниковых записях И. А. Бунина предложения, передающие ценностное отношение автора к описываемым фактам, событиям, людям. Как показывает проведённый анализ, здесь тоже преимущественно используются неглагольные предложения: *Пасхальные номера газет – верх убожества*⁶; *Продолжал перечитывать Чехова. За некоторыми исключениями, всё совершенно замечательно по уму и таланту. «Иванов» совершенно никуда*⁷; *Перечитывал «Петра» А. Толстого вчера на ночь. Очень талантлив!*⁸ Оценки И. А. Бунина, часто экспрессивные, отражают собственное мнение писателя, а не общепринятую точку зрения. Особенно

это заметно в оценках творчества других писателей. Здесь субъективное отношение проявляется иногда в жёсткой форме: *Вчера ещё читал «Вечерние огни» Фета – в который раз! <...> Почти всё из рук вон плохо. Много даже противно – его старческая любовь*⁹; *Читаю Блока – какой утомительный, нудный, однообразный вздор, пошлый своей высокопарностью и какой-то кощунственный*¹⁰. Субъективность оценки отражает личные пристрастия и предпочтения И. А. Бунина.

Следует остановиться на небольших заметках, которые в дневнике представляют частные наблюдения, сделанные писателем в обычной жизни, которые И. А. Бунин предполагал использовать в будущих произведениях. Это обычно словосочетание, описывающее запомнившуюся деталь: *мужик с култышкой (уродливый большой палец) и узким когтем вместо ногтя*¹¹. Словосочетание может сопровождаться пометкой автора: *Хорошо для рассказа: донской казак Харулин*¹²; *Для рассказа: сильно беременная с синими губами*¹³. Это как значок для памяти: в нужный момент вспомнится.

Результаты проведённого исследования

Проведённый анализ синтаксического устройства дневниковых записей И. А. Бунина показал, что дневник является для писателя художественной мастерской, в которой происходит предварительная работа, готовящая автора к будущему творчеству. Здесь собираются наблюдения, которые в прогностическом сознании писателя уже могут найти своё место в творческом процессе. И эти наблюдения приобретают языковую форму, наиболее подходящую для выражения уловленного смысла: *Опять думал о том необыкновенном одиночестве, в котором я живу уже*

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6, с. 396.

² Там же. Т. 6, с. 310.

³ Там же. Т. 6, с. 409.

⁴ Там же. Т. 6, с. 312.

⁵ Там же. Т. 6, с. 440.

⁶ Там же. Т. 6, с. 409.

⁷ Там же. Т. 6, с. 481.

⁸ Там же. Т. 6, с. 481.

⁹ Там же. Т. 6, с. 466.

¹⁰ Там же. Т. 6, с. 440.

¹¹ Там же. Т. 6, с. 336.

¹² Там же. Т. 6, с. 455.

¹³ Там же. Т. 6, с. 356.

столько лет. Достоинно написания (выделено автором. – Н. Г.)¹.

Дневниковые записи И. А. Бунина содержат также описание событий в жизни писателя, поступков и действий автора и других людей, в основном краткие, фиксирующие только сам факт происходящего заметки. Во многих случаях и здесь писатель использует номинативные предложения: *Письмо от Гребенщикова об Америке*². Особую функцию высказывания-напоминания могут выполнять номинативные предложения с пространственно-временными детерминантами³: *Семь лет тому назад весть о Нобелевской премии*⁴. Эти напоминания касаются личной и социальной жизни писателя, а не его художественного опыта, как и описания событий жизни, выраженные глагольными предложениями: *Уехали на дачу в Севр Куприны*⁵; *Позавчера с Верой и Колей приехали на Капри*⁶. Имеющие большое значение для биографов и литературоведов сведения не отражают постоянной внутренней работы творца, поэтому в этой статье не рассматриваются.

Заключение

«Дневник – одна из самых прекрасных литературных форм. Думаю, что в недалёком будущем эта форма вытеснит все прочие»⁷, – писал И. А. Бунин. Если писатель и ошибся в определении путей развития литературных форм, то своё отношение к дневнику в этом высказывании он выразил вполне определённо.

Исследование синтаксиса дневниковых заметок И. А. Бунина показало, что в течение всего времени ведения дневника писатель неуклонно вёл прогностическую творческую работу, которая заключалась в записывании

словосочетаний, предложений, заметок, которые автор уже в момент записи предполагал использовать в будущих произведениях. Прогнозирование ещё не существующих текстов характеризует творческое мышление И. А. Бунина как прогностическое, а отражение этого типа мышления реализуется в дневниках. Дневники И. А. Бунина являются для писателя художественной мастерской, в которой собираются наблюдения, заметки, обобщения, позволяющие в будущем реализовать накопленный материал в художественных произведениях.

С точки зрения синтаксического устройства записи в дневнике И. А. Бунина представляют собой преимущественно короткие заметки, в которых отражаются не происходящие события, а наблюдения писателя за окружающей средой, природными явлениями, сезонными и суточными изменениями в природе. Поэтому в них преимущественно используются простые предложения, чаще неглагольные, позволяющие представить описание как существующее здесь и сейчас. Бытийное значение номинативных предложений позволяет И. А. Бунину использовать их в этой функции. Идиостиль писателя отличает значительная распространённость номинативных предложений. Он нагружает бытие предмета добавочными смыслами, что позволяет детализировать описание. Среди других неглагольных предложений важное место занимают бисубстантивные и субстантивно-адъективные предложения, в которых предмет характеризуется и оценивается [6]. Эти предложения позволяют выразить отношение автора к описываемому.

Анализ синтаксиса дневниковых записей И. А. Бунина позволил сделать некоторые предварительные выводы о реализации творческой личности в дневниковом тексте, выявить прогностический тип мышления писателя, охарактеризовать записи как «актуализированную память» [2], как мастерскую писателя, в которой постоянно происходит творческая работа.

Статья поступила в редакцию 26.07.2020.

¹ Бунин И.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 6, с. 475.

² Там же. Т. 6, с. 473.

³ См. Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина. С. 60–67.

⁴ Там же. Т. 6, с. 478.

⁵ Там же. Т. 6, с. 432.

⁶ Там же. Т. 6, с. 361.

⁷ Там же. Т. 6, с. 359.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдевина О. Ю. «... Царапина на стекле, намазанном ртутью»: художественная деталь и тема творчества в прозе И. А. Бунина // Русская словесность. 2011. №2. С. 51–59.
2. Аверин Б. В. Память как собрание личности. 2-ая лекция // Программа «Академия» на телеканале «Культура». 14.07.2020 [Электронный ресурс]. URL: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20898/ (дата обращения: 20.07.2020).
3. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 366 с.
4. Геймбух Е. Ю. Рассказ И. А. Бунина «Руся» как пример орнаментальной прозы // Русский язык в школе. 2000. №4. С. 56–62.
5. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №1. С. 14–20. DOI: 10.18384/2310-72782017-1-14-20.
6. Жемчужный И. С. Цвет как явление художественного подтекста в прозе И. А. Бунина // Культура и текст, 1999. СПб., 2000. С. 188–198.
7. Капленко В. Н. Роль синтаксиса в организации поэтического текста на примере стихотворения И. А. Бунина «Собака» // Русский язык в школе. 2001. №5. С. 52–56.
8. Михайлов О. Н. Послесловие и комментарий к 6-му тому собрания сочинений И. А. Бунина в 6-ти т. М.: Художественная литература, 1988. 719 с.
9. Муромцева–Бунина В. Н. Жизнь Бунина, 1870–1906; Беседы с памятью / сост., предисл. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1989. 508 с.
10. Павлюченкова Т. А. «Я вижу, слышу, счастлив. Всё во мне». Лексика поэзии И. А. Бунина: монография. Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2008. 381 с.
11. Романов Д. А. Поэтика движения: (И. А. Бунин. «Новая дорога») // Русский язык в школе. 2015. №9. С. 38–43.
12. Селеменова О. А. Синтаксический концепт «состояние природы» в языковой картине мира И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. №3. С. 34–37.
13. Смирнова Л. А. Иван Алексеевич Бунин: Жизнь и творчество: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1991. 192 с.
14. Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А. Г., Папуша И. С., Беглова Е. И., Бойцова О. Ю., Ширинянц А. А., Гуторов В. А., Халикова Н. В., Симашко Т. В., Швецова В. М., Герасименко Н. А., Шаповалова Т. Е., Муратова Е. Ю., Акулова А. А., Леденёва В. В., Артамонова Ю. Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. №2. С. 29–32. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/View/806> (дата обращения: 22.07.2020).
15. Творчество И. А. Бунина и русская литература XIX–XX веков: Статьи и тезисы докладов международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения И. А. Бунина, 12–14 сентября 2000 г. Вып. 2. Белгород: Изд-во Белгородского университета, 2000. 200 с.
16. Эпштейн М. Н. Бунин Иван Алексеевич // Эпштейн М. Н. «Природа, мир, тайник вселенной...»: Система пейзажных образов в русской поэзии. М.: Высшая школа, 1990. С. 234–235.

REFERENCES

1. Avdevnina O. Yu. ["... A scratch on glass smeared with mercury": artistic detail and theme of creativity in the prose of I. Bunin]. In: *Russkaya slovesnost'* [Russian literature], 2011, no. 2, pp. 51–59.
2. Averin B. V. *Pamyat' kak sobiranie lichnosti* [Memory as a collection of personality]: 2nd lecture. In: [The program "Academy" on the TV channel "Culture". 14.07.2020]. [Electronic resource]. Available at: https://tvkultura.ru/brand/show/brand_id/20898/ (accessed: 20.07.2020).
3. Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi prozy* [On the language of fiction]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 366 p.
4. Geimbukh E. Yu. *Rasskaz I. A. Bunina «Rusya» kak primer ornamental'noi prozy* [I. Bunin's story "Rusya" as an example of ornamental prose]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2000, no. 4, pp. 56–62.
5. Gerasimenko N. A. *Otazhenie cheloveka v yazyke: svyazochno-substantivnoe skazuemoe* [A person's reflection in the language: auxiliary verb-noun predicate]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2017, no. 1, pp. 14–20.
6. Zhemchuzhnyi I. S. *Tsvet kak yavlenie khudozhestvennogo podteksta v proze I. A. Bunina* [Color as a

- phenomenon of artistic implication in I. Bunin]. In: *Kul'tura i tekst*, 1999 [Culture and text, 1999]. St. Petersburg, 2000, pp. 188–198.
7. Kaplenko V. N. [The role of syntax in the organization of a poetic text on the example of a poem by I. Bunin "Dog"]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2001, no. 5, pp. 52–56.
 8. Mikhailov O. N. *Posleslovie i kommentarii k 6-mu tomu sobraniya sochinenii I. A. Bunina v 6-ti t.* [Afterword and commentary to the 6th volume of the collected works of I. Bunin in 6 volumes]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1988. 719 p.
 9. Muromtseva–Bunina V. N. *Zhizn' Bunina, 1870–1906; Besedy s pamyat'yu* [The life of Bunin, 1870–1906; Conversations with memory] / comp., preface and note A. K. Baboreko. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1989. 508 p.
 10. Pavlyuchenkova T. A. «Ya vizhu, slyshu, schastliv. Vse vo mne». *Leksika poezii I.A. Bunina* ["I see, I hear, I'm happy. Everything is in me." The vocabulary of I. Bunin poetry]: monograph. Smolensk, Smolensk State University Publ., 2008. 381 p.
 11. Romanov D. A. [Poetics of movement: (I. Bunin. "New road")]. In: *Russkii yazyk v shkole* [Russian language at school], 2015, no. 9, pp. 38–43.
 12. Selemenova O. A. [The syntactic concept "state of nature" in the linguistic picture of the world I. Bunin]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2010, no. 3, pp. 34–37.
 13. Smirnova L. A. *Ivan Alekseevich Bunin: Zhizn' i tvorchestvo: Kniga dlya uchitelya* [Ivan Alekseevich Bunin: Life and Work: A Book for a Teacher]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1991. 192 p.
 14. [Bunin and Russian literature of the 19–20th centuries: Articles and abstracts of reports of the international scientific conference dedicated to the 130th anniversary of the birth of I. A. Bunin, September 12–14, 2000]. Issue 2. Belgorod, Belgorod University Publ., 2000. 200 p.
 15. Khalikova N. V. [Categories of literary text in their relation to language categories]. In: *Text remains text? (round table)* / Loshakov A. G., Papusha I. S., Beglova E. I., Boytsova O. Yu., Shirinyants A. A., Gutorov V. A., Khalikova N. V., Simashko T. V., Shvetsova V. M., Gerasimenko N. A., Shapovalova T. E., Akulova A. A., Ledeneva V. V., Artamonova Yu. D.]. In: *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*, 2017, no. 1, pp. 29–32. Available at: <http://evestnik-mgou.ru/Articles/View/806> (accessed: 20.07.2020).
 16. Epshtein M. N. [Bunin Ivan Alekseevich]. In: Epshtein M. N. «*Priroda, mir, tainik vselennoi...*»: *Sistema peizazhnykh obrazov v russkoi poezii* [Epshtein M. N. "Nature, the world, the secret of the universe...": The system of landscape images in Russian poetry]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, pp. 234–235.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Герасименко Наталья Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: nataly@lsm.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia A. Gerasimenko – Dr. Sci. (Philology), Prof., Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;
e-mail: nataly@lsm.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология*. 2020. №4. С. 7–14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-7-14

FOR CITATION

Gerasimenko N. A. Syntax of I. Bunin's Diary Records. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 7–14.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-7-14

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-15-25

ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ КОНЦЕПТА «ЖЕНЩИНА» В ЛИРИКЕ И. А. БУНИНА ПЕРИОДА «РОМАНТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА»

Леденёва В. В.¹, Симашко Т. В.²

¹Московский государственный областной университет

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске

164500, Архангельская область, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6, Российская Федерация

Аннотация.

Цель статьи – изучение основных средств репрезентации концепта «Женщина», проявляющих особенности его отражения в образной ткани лирических произведений И. А. Бунина 1887–1907 гг.

Процедура и методы исследования. Осуществляются наблюдения над лирическими текстами И. А. Бунина, в которых возникают женские образы, в том числе благодаря портретированию поэтических впечатлений. Применяются методы интерпретации, лексикографического анализа средств экспликации избранного концепта, обобщения – с учётом контекстуальных особенностей семантики лексических единиц.

Результаты. Выявлены средства и особенности репрезентации концепта «Женщина» в лирических текстах И. А. Бунина, созданных до 1907 г., в период «романтического реализма», когда девиации в творческом методе оказались связанными с переменами в личной жизни поэта. Показано, что И. А. Бунин, представлявший в жанрах прозы различные женские типы широко и разносторонне, в поэзии рассматриваемого периода использовал такие образы как инкрустации (за немногими исключениями), очевидно, потому, что находился «на пути к себе», что обуславливает выраженную мускулиность текста. Утверждается, что средства репрезентации концепта «Женщина» выступают также экспликаторами главенствующего в бунинской лирике концепта «Красота».

Теоретическая и / или практическая значимость. По итогам исследования можно расширить представление о специфике мировосприятия И. А. Бунина как языковой личности, особенностях его концептосферы, оценить своеобразие репрезентации концепта «Женщина» с учётом средств его экспликации, указывающих на ведущие черты идиостиля в лирическом фрагменте творчества периода 1887–1907 гг. Результаты исследования вносят определённый вклад в методику лингвистического анализа бунинского текста.

Ключевые слова: язык И. А. Бунина, лирика периода «романтического реализма», концептосфера, концепт «Женщина», средства репрезентации, портретирование

FEATURES OF THE REFLECTION OF THE CONCEPT «WOMAN» IN THE LYRICS OF I. BUNIN OF THE PERIOD OF «ROMANTIC REALISM»

Ledeneva V. V.¹, T. Simashko²

¹Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Severodvinsk branch

6 Kapitana Voronina ul., Severodvinsk 164600, Arkhangelsk Region, Russian Federation

Abstract.

Aim is to study the basic means of representing the concept of "Woman", showing the features of its reflection in the figurative fabric of the lyrical works of I. Bunin in 1887–1907.

Methodology. Observations are carried out on the lyric texts of I. Bunin, in which female images arise, including through the portrayal of poetic impressions. Methods of interpretation, lexicographic analysis of the means of explication of the chosen concept, generalization are used, taking into account the contextual features of lexical units' semantics.

Results. The means and features of the representation of the concept "Woman" in the lyric texts of I. Bunin, created before 1907, during the period of "romantic realism", when deviations in the creative method turned out to be associated with changes in the poet's personal life, were revealed. It is shown that I. Bunin, who represented various female types in prose genres in a wide and versatile manner, in the poetry of the period under consideration, used such images as inlays (with a few exceptions), obviously, because he was "on the way to himself," which causes pronounced muscularity of the text. It is argued that representing the concept "Woman" also acts as explicators of the concept "Beauty", which is dominant in Bunin's lyrics.

Research implications. Based on the results of the study, it is possible to expand the understanding of the specifics of I. Bunin's worldview as a linguistic personality, the peculiarities of his conceptual sphere, to assess the originality of the representation of the concept of "Woman," taking into account the means of its explication, indicating the leading features of idiosyncrasy in the lyrical fragment of the work of the period 1887–1907. The research results make a certain contribution to the method of linguistic analysis of Bunin's text.

Keywords: language of I. Bunin, the lyric poetry of the period of "romantic realism", concept sphere, concept "Woman", means of representation, portraiture

Введение

Любовь к творчеству И. А. Бунина и обращение к его текстам как образцам художественного мастерства – это одно из ключевых папуществ всем, кто стремится служить Литературе, быть причастным к искусству Слова [9, с. 7] и познанию его силы, а также заповедь для формирующихся в сфере русской ментальности языковых личностей.

Актуальные исследования языка и стиля, эволюции художественного метода И. А. Бунина направлены на осмысление в различных аспектах его творчества: формирование бунинской поэтики [6], определение ведущих мотивов, следовательно, и концептов ментально-лингвального комплекса автора [20, с. 20] в их репрезентации вербальными средствами из ресурсов идиолекта, среди которых едва ли не главенствующий «Природа» [3; 4; 15; 22] и сопредельный с ним в картине мира влюбленного во всё земное художника – «Красота» [11; 21], с чем связана и константная тема любви, и мотив созер-

цательности, обусловленный стремлением автора к самопознанию, «потребностью в самоопределении» [7, с. 36].

Выбор материала для анализа мотивирован важностью в творческой судьбе поэта двадцатилетия 1887–1907 гг., когда формировался его «автобиографический авантекст, представляющий собой дискретный комплекс значимых для писателя мотивов и образов» [6, с. 54], среди которых также отмечены и одиночество, и пустыньность, и холод [7, с. 37], а не только проникновенная любовь к живому на земле [16]. Исследователи, однако, подчёркивают, что к концу XIX века «в основном завершается путь Бунина к самому себе, достигает зрелости его дарование, поражающее внешней изобразительностью, феноменальной наблюдательностью и цепкостью памяти писателя» [19, с. 18] (ср.: [13]), и это было ознаменовано появлением завоевавших успех прозаических публикаций, где данные особенности проявили себя как константы идиостиля.

Но Бунин рубежа веков – это, безусловно, прежде всего признанный поэт [19; 23; 24], лирические тексты которого несут информацию о ментально-лингвальном комплексе автора как эволюционирующей личности.

В языковой репрезентации текстов стихотворений отражается и система авторских ценностей, и специфика оценок, что позволяет выявить анализ средств предикации – ядерных для выражения суждений лирического субъекта, образующих оценочный пласт концепта, проявляющих индивидуальное в его объёме; подход актуален для исследований языка художественной литературы, идиостилей, образов в специфике их воплощения (например: [8, с. 16–18; 17; 26, с. 31]). Выдвинув данный тезис в качестве векторного, обратимся к анализу лексических средств репрезентации концепта «Женщина» [ср.: 28] в образной ткани лирических произведений И. А. Бунина периода «романтического реализма», что составляет цель данной статьи и обуславливает её новизну.

Об особенностях репрезентации женских образов как фрагмента картины мира лирического субъекта текстов И. А. Бунина

Как показывает обзор бунинианы, перед исследователями XXI века поэзия И. А. Бунина, как и прежде, предстаёт уникальным феноменом, требующим пристального изучения, постижения, разгадки [2, с. 216; 10; ср.: 18, с. 3]. Один из аспектов связан с осмыслением гендерного плана текстов [ср.: 1, с. 34–36; 5] и может быть раскрыт на основе анализа средств репрезентации концепта «Женщина» в формате той картины мира, которая отражается в её причастности лирическому субъекту.

Отметим, что рассматриваемый концепт в произведениях 1887–1907 гг. не отличается масштабностью средств его эксплицитного воплощения. Это объясняется тем, что женские образы не являются частотными: они представлены примерно в 20 стихотворениях и создаются путём об-

рисовки или формируются по оценкам лирического субъекта, причём их основная функция – сопровождать и поддерживать центральные образы, воплощающие основной мотив, задающие тему какого-либо произведения.

Предпочтительным для идиостиля И. А. Бунина назовём, поддерживая исследователей его художественного мастерства и методов творчества [11, с. 92–93; 12, с. 152–153], приём введения женских образов с помощью создания портретных зарисовок (портретирования), в том числе тонких набросков-намёков, штрихов («Не угас ещё вдали закат...», 1900), фиксации впечатлений («Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»), <1903>), отражения чувств и их перемены («Как светла, как нарядна весна!...», 1899), тогда как детальные описания внешнего вида в его лирике сравнительно немногочисленны [21, с. 50–51]. См.: *Пустыня, грусть в степных просторах. / Синеют тучи. Скоро снег. <...> Но я увижу на пороге / Дочь молодую лесника: / Малы её босые ноги, / Мала корявая рука* («Пустыня, грусть в степных просторах...», 1888)¹; ср.: *Смугла, ланиты побледнели, / И потемнел лучистый взгляд. / На молодом холодном теле / Струится шёлковый наряд* («Купальщица», 1906).

Поэт запечатлевает женщину (девочку, девушку, старуху) как яркую, хотя и не всегда доминантную точку во вбирающем её природном пространстве, состояние которого лирический субъект осмысливает, отражая впечатления от увиденного, ощущаемого, создавая картины, исполненные любви к красоте, донося возникающие ассоциации в прямых и имплицитных оценках натурфактов: *Вся эта сумрачная ширь / И нестрога лесов по скатам / Угрюмы, дики, как Сибирь* («Пустыня, грусть в степных просторах...», 1888). См. указы-

¹ Цитирование контекстов по источнику: Бунин И. А. Собрание сочинений в шести томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1987. [Электронный ресурс]. URL: <https://ruslit.raumlibrary.net/book/bunin-ss06-01/bunin-ss06-01.html#s003> (дата обращения: 05.06.2020).

вающие на главенство мотива природы предикаты *дики* (*дикий* – ‘сохраняющий первоначальный, первозданный вид; не тронутый, не преобразованный деятельностью человека’); *угрюмы* (*угрюмый* – ‘перен. Производящий гнетущее впечатление своим безрадостным внешним видом, неприветливостью (о местности, пейзаже, строении)’)¹. Этим же способом – в образных зарисовках – вводятся средства экспликации концепта «Женщина» в стихотворениях «Цыганка» (1889), «Бродяги» (1902), «Старик у хаты веял, подкидывал лопату...» (1903).

В пространстве стихотворения образ женщины может быть отделён от сферы стихий, благодаря чему И. А. Бунин подчёркивает силу внутреннего противостояния внешней среде и борениям бытия, красоту духа: *И дни и ночи до утра / В степи бураны бушевали <...> И мать всю ночь ходила там, / Глаз до рассвета не смыкая* («Мать», 1893; ср.: «Диза», <1903>) – семы ‘борьбы’ и ‘преодоления’ как способность женщины эксплицируются секундарным предикатом *глаз не смыкая*, где *не смыкать* (*сомкнуть*) *глаз* означает ‘не спать’, ‘перебарывать сон’.

Женщина присутствует в текстах этого периода и как объект чувственного влечения, возлюбленная, когда главенствует тема любви и свойственные ей мотивы умиления, страсти, блаженства, разлуки, печали и т. д. («Беру твою руку и долго смотрю на неё...», 1898; «Как светла, как нарядна весна!...», 1899; «Спокойный взор, подобный взору лани...», 1901; «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»), 1903). В таких случаях в бунинском портретировании проявляется особенность, которая справедливо признаётся новаторской: поэт «может вообще не давать никаких портретных черт, а лишь разные впечатления от их созерцания» [12, с. 152]. См.: *И твой образ, милый и далёкий...* («Не угас ещё вдали закат...», 1900). Восхитительны

у И. А. Бунина портреты скульптурные, статические – в пресуппозиции таких портретирующих текстов мужское любовное женской статью с его чувственным началом («Я к ней вошёл в полночный час...», 1898).

Автором используется в стихах и так называемое фотопортретирование [11, с. 92–94; 12, с. 152–154; 21, с. 50–51], ставшее выпуклой идиостилевой чертой его прозы XX века, особенно когда он избирает волнующие лики ушедших в иной мир: *И в раме, перевитой креном, – / Большие ясные глаза* («Портрет» («Погост, часовенка над склепом...»), 1903?).

В стихотворениях И. А. Бунина рассматриваемого периода доминируют визуальные образы, а женскому голосу (воссозданию речи героини) автор редко предоставляет текстовое пространство («Эпитафия» («Я девушкой, невестой умерла...»), 1902; «Жена Азиса», 1903; «Песня» («Я – простая девка на баштане...»), <1903–1906>), хотя использует немногочисленные предикаты с семантикой ‘речь’, ‘голос’: *молчать* (‘ничего не говорить, не издавать звуков голосом’); *напевать* (‘петь (обычно тихо, вполголоса)’)².

Концепт «Женщина» в поэзии И. А. Бунина периода «романтического реализма» по данным средств экспликации

Ядром сложного, многогранного концепта «Женщина» в национальной концептосфере служит комплекс представлений, отображённый лексикографически [27, с. 69–71, с. 75, 79]. Однако в индивидуальной картине мира, как известно, существуют девиации объёма и средств репрезентации любой единицы, не исключая исследуемую. Безусловно, это имеет научный интерес и способствует уточнению представлений о языковой личности конкретного автора.

В рассматриваемых стихотворных текстах И. А. Бунина изучаемый концепт репрезентируется не столько его именем *женщина* (*Но для женщины прошлого нет...*),

¹ Словарь русского языка АН СССР / под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1981–1984. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.06.2020).

² Там же.

сколько апеллятивами, представляющими возрастные ипостаси (*девочка, девочка-подросток, девушка, старуха*) и гендерно обусловленные традиционные социальные роли женщины (*девка, дочь, жена, мать, невеста, цыганка*). См.: *И девочка-подросток у дороги / Сидит себе одна...* В роли предиката эти слова имеют квалифицирующую силу: *Я – простая девка на баиштане* (девка – ‘работница из социально низких слоёв населения’); *Ты мне стала казаться женой...* (жена – ‘замужняя женщина (по отношению к своему мужу)’¹).

В значениях перечисленных экспликативов концепта «Женщина» уже встроены семантические компоненты ‘лицо’, ‘пол’, ‘не мужчина – противоположного пола’.

Отмечаем среди репрезентантов концепта необходимые автору для воссоздания колорита антропонимы *Диза, Зейнаб*. Интересно в этом отношении употребление поэтом местоимений *ты, она*, осмысляемых в объёме каждого конкретного его произведения как интимные обозначения возлюбленных: *И скажи: отчего ты грустна? / Отчего ты так ласкова стала?; Я к ней вошёл в полночный час. / Она спала, – луна сияла / В её окно...* Подчеркнём, что у И. А. Бунина местоимения *ты, она* в качестве средств экспликации концепта «Женщина» обладают широкой гаммой индивидуально, субъективно считываемых коннотаций, детерминированных мускулиностью текста, авторской позицией чувственного охвата мира, а потому наделяются в контекстах ценностным значением (‘дорогая сердцу женщина’, ‘возлюбленная’) и, несомненно, мощным ореолом положительной оценки [ср.: 14].

По данным нашего анализа, средством, эксплицирующим концепт «Женщина», оказывается стилистически разноплановая лексика, что не противоречит тенденциям «романтического реализма» [25] бунинской лирики. Используемые в портретировании имена существительные

раскрывают художественно значимые, волнующие автора черты внешности героини (*волосы, глаза, губы, зрачок, коса, ланиты, лоб, очи, щёки*), пленяющее своеобразие женского тела в его гендерной специфике (*грудь, нога, пальцы, плечо, рука, спина, стан, тело*). Например: *Я всю тебя чувствую – душу и тело; На бронзу волос, на ланиты, / На пальцы и руки широко / Вечернее льётся сиянье...* Можно констатировать, что круг употребляемых поэтом соматизмов неширокий и, кроме традиционных поэтизмов (*ланиты, очи*), не включает в свой состав каких-либо специфических элементов-идиолем.

В создании бунинских женских портретов и экспликации концепта «Женщина» участвуют также немногочисленные номинации обуви (*башмачок*) и одежды: *наряд* (‘то, во что наряжаются, одежда’²), *пелеринка, плахта* (‘четырёхугольный кусок <...> ткани, обёртываемый поверх длинной рубахи вокруг стана и носимый в качестве юбки’³), *сорочка, юбка*.

Анализ позволяет убедиться, что концепт «Женщина» в лирике И. А. Бунина 1887–1907 гг. последовательно репрезентируется антропоцентрически ориентированными и имеющими дифференциальную гендерную сему в значениях именами существительными, которые участвуют в визуализации женских образов, прежде всего – в статических, скульптурных портретах, при так называемом фотопортретировании. Следовательно, в ментально-лингвальном комплексе ядро концепта (если взять его пласт «Кто женщина?») составляют вполне определённые и зафиксированные в текстах поэта гендерные признаки, качества, которые наличествуют у женщин разного возраста, и представления о выполняемых в соответствии с ними социальных ролях, формирующие обобщающий смысл ‘не мужчина, лицо противоположного пола’.

Проанализируем пласт концепта «Какая/какова женщина?», исследуя состав его вербализаторов – адъективную лексику.

¹ Словарь русского языка АН СССР / под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1981–1984. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.06.2020).

² Там же.

³ Там же.

Так, характеризуя зеркало души – глаза (взгляд, зор), поэт использует имена прилагательные, передающие ощущение духовной силы, душевности, эмоциональности, и большая часть данных предикатных единиц транслирует положительную оценку обладательницы таких глаз, взгляда (*большие ясные глаза; лучистый взгляд – ср.: усталый зор / спокойный зор, подобный зору лани*) или создаёт загадку на контрасте (*зрачок яркий угольный <...> бесстрастен и далёк*).

В бунинском портретировании уделено внимание описанию ног, рук и их частей. Обращаясь к характеристике их вида и состояния, автор доносит информацию о возрасте, социальном положении женщины: *рука корявая, маленькая (мала), пальцы прозрачные, тонкие; плечо круглей; ноги босые, малы*. Содержание бунинских характеристик прозрачно и коррелирует с русской языковой картиной мира: корявая маленькая рука принадлежит работающей с малолетства на земле крестьянской девочке.

Имена прилагательные подчёркивают гендерные особенности торса: *грудь – девичьи, стоячие, нагие; тело – молодое, холодное, худое, чёрное ('загорелое')*. См.: *Говорят, гречанки на Босфоре / Хороши... А я черна, худая; От выреза льняной сорочки / Её плечо ещё круглей, / А под сорочкою – две точки / Стоячих девичьих грудей*.

Адъективный ресурс идиолекта в роли предиката И. А. Бунин использует при указании на особенности натуры, склада характера, душевной организации женщины, чем обеспечивается нацеленная характеристика героини, возлюбленной и отражение оценки: *И скажи: отчего ты грустна? / Отчего ты так ласкова стала? / Но молчишь ты, слаба, как цветок...; Ты строга и горда; Он говорил, что я была прекрасна...* Установленную закономерность можно причислить к идиостилевым константам рассматриваемого периода развития языковой личности писателя, благодаря которой проявляются устойчивые ментальные связи в процессе концептуализации, при осуществлении акта предикации.

Дополнить представление об объёме концепта «Женщина» в бунинской концептосфере в период «романтического реализма» позволяет также рассмотрение пласта «Что делает женщина?», взаимосвязанного с пластом «Кто женщина?» ('лицо'), обусловленного последним в текстовой репрезентации.

Немногочисленные акциональные предикаты обозначают возможность участия женщины в созидательной деятельности: *белишь (хату), обводишь (каймой): Старуха в чёрной плахте белила мелом хату*. Выявлены глаголы, указывающие на объектное (бросить) и субъектное перемещение в пространстве (*выходить, ходить* – с семантикой 'движения'): *Выйду к морю, брошу перстень в воду...* Репрезентируют концепт «Женщина» глаголы ментальной / интеллектуальной деятельности, основанной на природных способностях человека (*грезить, мечтать*), в том числе восприятия (*следить, смотреть*), речи: ... *то молчит, / То будто грезит, – что-то напевает...*

В числе глаголов состояния выделяются как вербализаторы концепта «Женщина» бытийные *жить, уйти* (перен. 'умереть' – семантика прекращения бытия: *В апрельский день я от людей ушла...*; ср. акциональный со значением 'лишить себя жизни' *удавиться*) и представляющие физическое состояние (*спать*).

Реляционные глаголы вербализуют пласт 'чувство' (*любить, разлюбить*), констатируют наличие частных состояний, обусловленных любовью (*дождаться, ждать* – 'переживать чувство ожидания; пребывать некоторое время, оставаться на месте в ожидании появления чего-н., прибытия кого-н.'; 'рассчитывать на приход, прибытие, появление и т. п. кого-, чего-л. или совершение чего-л.'¹), а также социальные и трудовые отношения (*расчестся* – 'то же, что *рассчитаться*: уволиться, взять расчёт'²), которые, по Бунину, оказывают

¹ Словарь русского языка АН СССР / под ред. А. П. Евгеньевой: В 4 т. М., 1981–1984. [Электронный ресурс]. URL: <https://rus-academic-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 05.06.2020).

² Там же.

ся для женщины непосредственно связанными с её переживаниями в личной жизни: *Буду ждать в погоду, в непогоду... / Не дождусь – с баштана разочтусь, / Выйду к морю, брошу перстень в воду / И косою чёрной удавлюсь*. Глагольные предикаты поддерживают реалистичность бунинских женских образов.

Благодаря глаголам как средству предикации, использованному в лирическом фрагменте творчества периода 1887–1907 гг., в содержании концепта «Женщина» у И. А. Бунина становятся выпуклыми немногие компоненты: она живёт, используя обычные человеческие способности, участвует в коммуникативной и интеллектуальной деятельности, может работать, погружена в сферу чувств, и они ценны для мужчины.

Немногочисленностью глаголов и использованием их преимущественно в изобразительной функции, как показал анализ, подтверждается важность для экспликации изучаемого концепта портретирования – художественного приёма, благодаря которому становится ясно, что женщина (девочка, девушка, старуха; живая или ушедшая в мир иной) в ментально-лингвальном комплексе автора есть прежде всего создание (независимо от возраста и статуса), задерживающее взгляд созерцающего, осваивающего мир в красках и проявлениях красоты лирического субъекта. Это детерминировано мускулиным началом языковой личности автора, что подтверждает рассмотренная лексика, которая фиксирует прежде всего гендерно обусловленные особенности женщины.

Заключение

И. А. Бунин, представлявший в жанрах прозы различные женские типы широко и разносторонне, в поэзии рассматриваемого периода использовал такие образы как инкрустации. Образы обрисованы фрагментарно, что позволяет подтвердить в качестве авторской идиостилевой доминанты тенденцию к чувственному охвату мира, которая проявляется в любовании природой, созерцании, в оценке красоты жизни, величия мироздания, где женское существо – его достойный рассмотрения фрагмент.

При анализе средств экспликации концепта «Женщина» в центре внимания была предикатная лексика, прежде всего слова в роли предиката с их предназначенностью транслировать в тексте индивидуальную позицию, доносить имплицитную или прямую оценку. Подтвердилась большая значимость имён прилагательных в плане концептуализации языковой личностью автора женщины: как контекстуальный партнёр репрезентантов-существительных, данная лексика стала инструментом характеристики, обеспечив рельефность портретов, написанных с гендерных позиций. Это позволило И. А. Бунину в небольших текстовых объёмах запечатлеть тонкое, исполненное любования красотой, но во многом реалистичное понимание женщины, отразив представление о различных особенностях не только её внешности, но и души. Концепт «Женщина» в бунинской лирике 1887–1907 гг. репрезентируется средствами, которые способны вербализовать и концепт «Красота».

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимова И. Ю. Гендерный подход при изучении рассказов И. А. Бунина «Тёмные аллеи» и «Чистый понедельник» в школьной практике (из опыта работы) // Сборники конференций НИЦ Социосфера. Прага, 2016. № 29. С. 33–37.
2. Бердникова О. А. Поэтика адресованных жанров в творчестве И. А. Бунина // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. №4. С. 215–241.
3. Бердникова О. А., Нестерова Е. В. Особенности весеннего хронотопа в поэтическом творчестве И. А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2014. №2. С. 22–25.
4. Богданова Н. В. Лексическая экспликация концепта «Природа» в раннем творчестве И. А. Бунина:

- автореферат дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 19 с.
5. Богданова О. В., Лю Цзыюань. Образ героини в рассказе И. А. Бунина «Чистый понедельник» // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 3. №1. С. 10–16.
 6. Болдырева Е. М. Формирование автобиографической поэтики И. А. Бунина в мемориальном аспекте // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 54–56 [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.net/editions/1.html (дата обращения: 05.07.2020).
 7. Владимиров О. Н. Роль сонета «В Альпах» в самоопределении Бунина-поэта // Сибирский филологический журнал. 2015. №1. С. 36–42.
 8. Герасименко Н. А. Отражение человека в языке: связочно-субстантивное сказуемое // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. №1. С. 14–20. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-1-14-20.
 9. Гурленова Л. В. Русская литература рубежа XX–XXI вв.: классическая традиция как художественный ориентир: монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2018. 112 с.
 10. Двинятина Т. М. Предъюбилейное: Буниниана последних лет // Русская литература. 2019. № 3 С. 252–256 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950006862-2-1> (дата обращения: 22.07.2020). DOI: 10.31860/0131-6095-2019-3-252-256.
 11. Дмитриевская Л. Н. Словесная живопись в русской прозе XIX – начала XX вв.: дис. ... докт. филол. наук. М.: Литературный институт имени А. М. Горького, 2013. 354 с.
 12. Жорникова М. Н. Портрет героини ранней прозы И. Бунина: традиции романтизма // Вестник Бурятского государственного университета. 2015. №10–1. С. 151–154.
 13. Захарова В. Т. Тема созерцания в лирике И. А. Бунина // Орловский текст российской словесности: Материалы Всероссийской научной конференции. Орел: Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева, 2018. С. 51–58.
 14. Колесникова С. М. Субъективная градуальная оценка действия и теория «степеней совершенности» русского глагола // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №4. С. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-49-58.
 15. Колоколова Л. П., Евсеева Г. Р. Репрезентация концепта «Осень» в художественном тексте (на материале произведений И. А. Бунина) // Перспективы развития современного гуманитарного знания: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор Л. В. Климина. Стерлитамак, 2018. С. 92–94.
 16. Куницын О. И. О поэзии Ивана Бунина // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2017. №4 (4). С. 105–126.
 17. Леденёва В. В. Предикатный «конвой» в персонажной зоне повести «Островитяне» Н. С. Лескова // Русский язык в славянской межкультурной коммуникации: сборник научных трудов по итогам Международной научной конференции, посвященной памяти докт. филол. наук профессора Войловой К. А. (г. Москва, 25 февраля 2019 г.) / отв. ред. О. В. Шаталова, ред. колл.: И. А. Иванова, Т. М. Фадеева, Е. Д. Звукова, Т. В. Степаненкова. М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 128–134.
 18. Марченко Т. В. Диалогическая поэтика любовной прозы И. А. Бунина: резервы интерпретации // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2014. Т. 73. №2. С. 3–19.
 19. Михайлов О. Н. Путь Бунина-художника // Литературное наследство. 1973. Т. 84. С. 7–56.
 20. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем) / Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М.: Б. и., 1997. 414 с.
 21. Павлюченкова Т. А. Язык поэзии И. А. Бунина и русская классическая проза // Известия Смоленского государственного университета. 2018. №2 (42). С. 42–55.
 22. Руднева О. В. Лингвостилистическая репрезентация художественного концепта «Зима» в произведениях И. А. Бунина // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы. Материалы V Международной научно-практической конференции. Ответственный редактор А. В. Коричко. Нижневартоск: Изд-во Нижневартоского государственного университета, 2016. С. 288–292.
 23. Смирнова Л. А. Бунин И. А. [Электронный ресурс]. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/smirnova-bunin.htm> (дата обращения: 22.07.2020).
 24. Смирнова Л. А. Русская литература конца XIX – начала XX века. М.: Лаком-книга, 2001. 400 с.
 25. Фохт У. Р. Пути русского реализма. М.: Советский писатель, 1963. 262 с.
 26. Халикова Н. В. Категории художественного текста в их отношении к категориям языка // Текст остаётся текстом? (круглый стол) / Лошаков А. Г., Папуша И. С., Беглова Е. И., Бойцова О. Ю.,

- Шириянц А. А., Гуторов В. А., Халикова Н. В., Симашко Т. В., Швецова В. М., Герасименко Н. А., Шаповалова Т. Е., Муратова Е. Ю., Акулова А. А., Леденёва В. В., Артамонова Ю. Д. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. №2. С. 29–32. URL: www.evestnik-mgo.ru (дата обращения: 22.07.2020).
27. Черникова Н. В. Лексикографический портрет концепта ЖЕНЩИНА // Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины»: коллективная монография / под ред. В. В. Леденёвой. М.: Изд-во МГОУ, 2013. С. 69–80.
28. Шаповалова Т. Е. Миг и вечность в женской судьбе: возможности презентации темпоральной семантики в тексте // Фрагмент русской языковой картины мира «Жизнь женщины»: коллективная монография / под ред. В. В. Леденёвой. М.: Изд-во МГОУ, 2013. С. 154–169.

REFERENCES

1. Akimova I. Yu. [Gender approach in the study of I. Bunin "Dark Alley" and "Clean Monday" in school practice (from work experience)]. In: [Collections of conferences of SIC Sociosphere]. Prague, 2016, no. 29, pp. 33–37.
2. Berdnikova O. A. [Poetics of addressed genres in the works of I. Bunin]. In: [Problems of historical poetics], 2019, vol. 17, no. 4, pp. 215–241.
3. Berdnikova O. A., Nesterova E. V. [Features of the spring chronotope in the poetry of I. A. Bunin]. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* [Bulletin of the Voronezh state University. Series: Philology. Journalism], 2014, no. 2, pp. 22–25.
4. Bogdanova N. V. *Leksicheskaya eksplikatsiya kontsepta «Priroda» v rannem tvorchestve I. A. Bunina: avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Lexical explication of the concept "Nature" in the early works of I. Bunin: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. St. Petersburg, 2007. 19 p.
5. Bogdanova O. V., Liu Ziyuan. [The image of the heroine in the story of I. Bunin "Clean Monday"]. In: *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Achievements of modern science and education], 2017, vol. 3, no. 1, pp. 10–16.
6. Boldyreva E. M. [Formation of autobiographical poetics by I. Bunin in the memorial aspect]. In: *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. Tambov: Gramota Publ., 2008, no. 2 (9): in 3 parts, part I, pp. 54–56 [Electronic resource]. Available at: [HYPERLINK "http://www.gramota.net/editions/1.html"](http://www.gramota.net/editions/1.html) www.gramota.net/editions/1.html (accessed: 15.06.2020).
7. Vladimirov O. N. [The role of the sonnet "In the Alps" in the self-determination of Bunin the poet]. In: *Sibirskii filologicheskii zhurnal* [Siberian journal of Philology], 2015, no. 1, pp. 36–42.
8. Gerasimenko N. A. [Human reflection in language: a connective-substantive predicate]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2017, no. 1, pp. 14–20.
9. Gurlenova L. V. *Russkaya literatura rubezha XX–XXI vv.: klassicheskaya traditsiya kak khudozhestvennyi orientir: monografiya* [Russian literature at the turn of the 20–21 centuries: classical tradition as an artistic landmark: monograph]. Syktyvkar: Syktyvkar state University named after Pitirim Sorokin Publ., 2018. 112 p.
10. Dvinyatina T. M. [Pre-jubilee: Buninian of the last years]. In: [Russian Literature], 2019, no. 3, pp. 252–256 [Electronic resource]. Available at: <http://ras.jes.su/rusliter/s013160950006862-2-1> (accessed: 22.07.2020).
11. Dmitrievskaya L. N. *Slovesnaya zhivopis' v russkoi proze XIX – nachala XX vv.: dis. ... dokt. filol. nauk* [Verbal painting in Russian prose of the 19th – early 20th centuries: D. thesis in Philological sciences]. Moscow, Institute of literature named after A. M. Gorky Publ., 2013. 354 p.
12. Zhornikova M. N. [Portrait of the heroine of early prose by I. Bunin: traditions of romanticism]. In: *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat state University], 2015, no. 10–1, pp. 151–154.
13. Zakharova V. T. *Tema sozertsaniya v lirike I. A. Bunina* [The theme of contemplation in the lyrics by I. Bunin]. In: *Orlovskii tekst rossiiskoi slovesnosti: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Orel text of Russian literature: Materials of the All-Russian scientific conference]. Orel: Turgenev Orel State University, 2018, pp. 51–58.
14. Kolesnikova S. M. [Subjective gradual assessment of action and the theory of "degrees of perfection" of the Russian verb]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2019, no. 4, pp. 49–58. DOI: 10.18384/2310-7278-2019-4-49-58.
15. Kolokolova L. P., Evseeva G. R. [Representation of the concept "Autumn" in a literary text (based on the

- works of I. Bunin]). In: [Prospects for the development of modern humanitarian knowledge: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Responsible editor L. V. Klimina], Sterlitamak, 2018, pp. 92–94.
16. Kunitsyn O. I. [On the poetry of Ivan Bunin]. In: *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of the East Siberian state Institute of culture], 2017, no. 4 (4), pp. 105–126.
 17. Ledeneva V. V. *Predikatnyi «konvoi» v personazhnoi zone povesti «Ostrovityane» N. S. Leskova* [The predicate "convoy" in the character zone of the story "The Islanders" by N. Leskov]. In: [The Russian language in Slavic intercultural communication: a collection of scientific papers following the results of the International scientific conference dedicated to the memory of Dr. Sci. (Philology) Professor Voilova K. A. (Moscow, February 25, 2019) / responsible ed. O. V. Shatalova, editorial team: I. A. Ivanova, T. M. Fadeeva, E. D. Zvukova, T. V. Stepanenkova]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2019, pp. 128–134.
 18. Marchenko T. V. [The dialogical poetics of love prose by I. Bunin: reserves of interpretation]. In: *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Literature and language series], 2014, vol. 73, no. 2, pp. 3–19.
 19. Mikhailov O. N. *Put' Bunina-khudozhnika* [The path of Bunin the artist]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary heritage], 1973, vol. 84, pp. 7–56.
 20. Morkovkin V. V., Morkovkina A. V. *Russkie agnonimy (slova, kotorye my ne znaem)* [Russian agnonyms (words we don't know)] / Pushkin Russian language Institute, Vinogradov Institute of Russian language of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Without publication, 1997. 414 p.
 21. Pavlyuchenkova T. A. [The language of poetry by I. Bunin and Russian classical prose]. In: *Izvestiya Smolenskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, no. 2 (42), pp. 42–55.
 22. Rudneva O. V. *Lingvostilisticheskaya reprezentatsiya khudozhestvennogo kontsept «Zima» v proizvedeniyakh I. A. Bunina* [Linguistic-stylistic representation of the artistic concept "Winter" in the works of I. Bunin]. In: [Culture, science, education: problems and prospects. Materials of the V International Scientific and Practical Conference. Executive editor A. V. Korichko]. Nizhnevartovsk, Nizhnevartovsk State University Publ., 2016, pp. 288–292.
 23. Smirnova L. A., Bunin I. A. [Electronic resource]. Available at: HYPERLINK "<http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/smirnova-bunin.htm>" <http://bunin-lit.ru/bunin/kritika/smirnova-bunin.htm> (accessed: 22.07.2020).
 24. Smirnova L. A. [Russian literature of the late 19 – early 20th century]. Moscow, Lakom-kniga Publ., 2001. 400 p.
 25. Fokht U. R. *Puti russkogo realizma* [The paths of Russian realism]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1963. 262 p.
 26. Khalikova N. V. [Categories of fictional text in their relation to language categories]. In: Text remains text? (round table) / Loshakov A. G., Papusha I. S., Beglova E. I., Boytsova O. Yu., Shirinyants A. A., Gutorov V. A., Khalikova N. V., Simashko T. V., Shvetsova V. M., Gerasimenko N. A., Shapovalova T. E., Muratova E. Yu., Akulova A. A., Ledeneva V. V., Artamonova Yu. D. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2017, no. 1, pp. 29–32. Available at: HYPERLINK "<http://www.evestnik-mgou.ru>" www.evestnik-mgou.ru (accessed: 22.07.2020).
 27. Chernikova N. V. *Leksikograficheskii portret kontsepta ZHENSCHINA* [Lexicographic portrait of the concept WOMAN]. In: *Fragment russkoi yazykovoi kartiny mira «Zhizn' zhenshchiny»* [Fragment of the Russian language picture of the world "Woman": the collective monograph / under the editorship of V. V. Ledeneva [Fragment of the Russian language picture of the world "Woman"]. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2013, pp. 69–80.
 28. Shapovalova T. E. *Mig i vechnost' v zhenskoi sud'be: vozmozhnosti prezentatsii temporal'noi semantiki v tekste* [Instant and eternity in female destiny: possibilities of presentation of temporal semantics in the text]. In: *Fragment russkoi yazykovoi kartiny mira «Zhizn' zhenshchiny»* [Fragment of the Russian language picture of the world "Woman": the collective monograph / under the editorship of V. V. Ledeneva. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2013, pp. 154–169.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Леденёва Валентина Васильевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Симашко Татьяна Васильевна – доктор филологических наук, профессор, доцент кафедры общего и германского языкознания Гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, филиал в г. Северодвинске;

e-mail: simashkovt@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valentina V. Ledeneva – Dr. Sci. (Philology), Professor, Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University;

e-mail: ledenevavv@yandex.ru

Tatyana V. Simashko – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of General and Germanic Linguistics, Humanitarian Institute, Branch of Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov in Severodvinsk;

e-mail: simashkovt@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Леденёва В. В., Симашко Т. В. Особенности отражения концепта «Женщина» в лирике И. А. Бунина периода «романтического реализма» // *Вестник Московского государственного областного университета*. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 15–25.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-15-25.

FOR CITATION

Ledeneva V. V., Simashko T. V. Features of the Reflection of the Concept «Woman» in the Lyrics of I. Bunin of the Period of «Romantic Realism». In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 15–25.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-15-25.

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-26-34

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СИНТАКСЕМЫ С ЛЕКСЕМОЙ *ВЕЧЕР* В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА

Малинская Т. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Целью статьи является анализ и выделение специфических черт темпоральных синтаксем с лексемой *вечер* в произведениях И. А. Бунина.

Процедура и методы исследования. Автором проанализировано Собрание сочинений И. А. Бунина в 4-х томах. Основное содержание исследования составляет рассмотрение темпоральных синтаксем с лексемой *вечер*, для выявления которых был использован метод сплошной выборки, а также структурно-семантическое описание языкового материала с использованием функционального подхода.

Результаты. Проведённый анализ показал, что в произведениях И. А. Бунина наиболее употребляемыми являются синтаксемы, содержащие в себе указание на совпадение с обозначенным временем. Выводы статьи выделяют одну из черт идиостиля писателя, репрезентируют его специфическое отношение ко времени событий, а именно к вечеру.

Теоретическая и / или практическая значимость. Разработанная теоретическая методика анализа темпоральных синтаксем может быть использована для исследования творчества других писателей.

Ключевые слова: темпоральная синтаксема, предшествование обозначенному времени, совпадение с обозначенным временем, следование после обозначенного времени, диминутив

TEMPORAL SYNTAXEMES WITH THE LEXEME *VECHER* IN THE TEXTS OF I. BUNIN

T. Malinskaya*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim is to analyze and highlight specific features of temporal syntaxemes with the lexeme *vecher* in the works of I. Bunin.

Methodology. The author analyzes the Collected works of I. Bunin in 4 volumes. The main content of the research is the consideration of temporal syntaxemes with the lexeme *vecher*, for which the method of continuous sampling was used and the structural and semantic description of the language material.

Results. The analysis has shown that in the works of I. Bunin the most used syntaxemes contain an indication of the coincidence with the designated time. The article's conclusions highlight one of the writer's idiolect features and represent his specific attitude to the time of events, namely, to the evening.

Research implications. The developed theoretical method of analyzing temporal syntaxemes can be used to study other writers' work.

Keywords: temporal syntaxeme, preceding a designated time, coinciding with a designated time, following a designated time, diminutive

Введение

Рассмотрение темпоральной синтаксемы с лексемой *вечер* в качестве черты идиостиля И. А. Бунина представляется актуальным. С позиции антропоцентрической парадигмы современной лингвистики минимальная единица синтаксиса поможет раскрыть специфику восприятия времени автором.

В Толковом словаре С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой лексема *вечер* содержит семантику части суток, сменяющую день и переходящую в ночь¹. П. А. Лекант отнёс её к одному из разрядов *имён времени*, которые обозначают ограниченный класс слов, категориально и формально представляющих имя существительное, называющих отрезки времени, определяемые природой планеты Земля и календарным делением времени, а также периферией, которая детализирует основные две группы [5, с. 42].

Опираясь на работы Г. А. Золотовой, считаем синтаксему элементарной единицей синтаксического уровня, характеризующейся «морфологическим оформлением, категориально-семантическим значением и определённым набором синтаксических функций» [1, с. 432]. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* относим к синтаксемам с абсолютным временным значением [10], так как их семантика детерминирована конкретным указанием времени суток.

В текстах И. А. Бунина выявлено 289 примеров использования темпоральных синтаксем с лексемой *вечер*.

Совпадение с обозначенным временем

Совпадение с обозначенным временем характерно для синтаксем с предлогами *в, по, при, на, за*.

1. Наибольшее количество темпоральных синтаксем – 78 примеров – организовано непроизводным предлогом *в*: **В**

холодный тёмный вечер истопила она и хижину Чарны, тёплую от костра, пылающего красным пламенем² («Велга»). Препозитивная темпоральная синтаксема *в холодный тёмный вечер* распространена согласованными неоднородными определениями. Она может образовать антонимический ряд с такими синтаксемами, как *в это милое утро, в солнечное утро* и другими. Предлог *в*, служащий актуализатором семантики одновременности, не имеет антонимичной пары, так же, как и предлоги *по, при, на, за*, указывающие на совпадение с обозначенным временем.

2. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в форме дательного падежа с предлогом *по*: *И Настасья Петровна надевала по вечерам очки, катала из воска шарик и начинала кидать его на круги оракула* («Деревня») – служат не только указанием на совпадение с обозначенным временем, но и для передачи повторяемости действия, производимого одним и тем же лицом на протяжении некоторого времени.

3. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в форме предложного падежа с предлогом *при*: *«Как у нас при вечеру-вечеру, При последнем конце вечера, При Авдотьином девишнику...»* («Деревня») – содержат устаревшие предложно-падежные формы, относящиеся к фольклорному жанру, а именно к песенному зачину.

4. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в форме винительного падежа с предлогом *на*: *«Особливо же прошу, не уезжайте на вечер. Как дело на вечер, я сам не свой: такая тоска, такая жуть»* («Суходол»). В первом предложении предлог *на* указывает на совпадение с обозначенным временем, а во втором, где словоформа синонимична синтаксеме *к вечеру*, – на близкое предшествование обозначенному времени. Архаичные словоформы ярко и ёмко отражают разговорную речь героев, чётко определяя грань между старой эпохой, к которой относится старик и которая

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт рус. яз. имени В. В. Виноградова. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 77.

² Здесь и далее примеры приводятся из произведений Бунина по: Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х тт. М.: Правда, 1988.

отходит в прошлое, и временем и устоями нового поколения.

Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в форме винительного падежа с предлогом *за*: «*А меня никто за весь вечер не взял*» («Мадрид») – репрезентируют длительность временного отрезка, а местоимение *весь* в толковом словаре отсылает к семам ‘полный’, ‘без изъятия’, ‘целиком’¹. Данный распространитель вносит оттенок непрерывности события, охватывающего весь временной интервал.

Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер*, с предлогами *по*, *при*, *на*, *за* встречаются в произведениях И. А. Бунина в ограниченном количестве, являются стилистически отмеченными, архаичными. Наибольшее число анализируемых синтаксисом содержит предлог *по*.

Для указания на совпадение с обозначенным временем Буниным используется беспредложная падежная форма в составе так называемых *синтагм* – форм имён времени, в которых грамматически выражено «добавочное значение полноты» [5, с. 46]: *Весь вечер они строили на постели «кутки», были «нарочно разбойники», разглядывали и вырезывали картинки...* («Вести с родины»). «Подчёркнуто-непрерывная длительность» [8, с. 117] передаётся взаимодействием темпоральной синтаксемы *весь вечер*, указывающей на конкретный неделимый временной отрезок протекания данных процессов, с глаголами-сказуемыми несовершенного вида *строили*, *разглядывали*, *вырезывали*. Длительность эксплицирована суффиксом *-ыва-*, уточняющим способ совершения глагольного действия [3]. Неподчёркнутая непрерывная длительность могла бы быть выражена теми же сказуемыми, но в сочетании с темпоральной синтаксемой, содержащей частицу *почти*. Сравним: *Почти весь вечер они строили на постели «кутки», были «нарочно разбойники», разглядывали*

и вырезывали картинки... Частица *почти* является определительно-уточняющей [7, с. 351]. Т. Е. Шаповалова отмечает [11, с. 72], что частица *почти* препятствует словоформе *весь* реализовать значение ‘то, что есть, целиком, без исключения’² [10, с. 97], что подтверждается и выявленными нами случаями.

Представляет интерес конструкция: «*С вечера было тепло и ясно*» («Шеол»). В ней темпоральная синтаксема с *вечера*, указывающая на совпадение с обозначенным временем, может быть рассмотрена как один из признаков действия с неограниченной длительностью. «Ограниченная длительность трактуется <...> как длительность, детерминированная пределом, сроком, конечным количеством времени, отведённого данному действию. Неограниченная длительность соответственно лишена указанных признаков» [8, с. 110]. Начало действия совпадает с обозначенным временем, но оно продолжается, а значит, синтаксема указывает на следование после обозначенного времени, наблюдаем синкретизм в семантике предлога. Ю. П. Князев констатирует: «Возможность заменить настоящее время сочетанием прошедшего и будущего по существу означает, что настоящее время не занимает какой-то самостоятельной области на временной оси, а представляет собой соединение смежных участков прошлого и будущего, длительность которых зависит от особенностей обозначаемой ситуации» [2, с. 133]. На наш взгляд, данная позиция может быть актуальна и по отношению к темпоральной синтаксеме, которая относит нас к совпадению с обозначенным временем, но длительность совершения действия представлена как следование после обозначенного времени, значит, совпадение с обозначенным временем – это точка отсчёта, ср.: *С вечера тепло и ясно*; *С вечера будет тепло и ясно*.

Длительность может быть ограничена:

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт рус. яз. имени В. В. Виноградова. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 77.

² Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Норинт, 2004. С. 97.

а) конечным пределом: *И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаши смех и говор, а иногда и топот пляски...* («Антоновские яблоки»);

б) «конечным пределом в сочетании с обозначенным началом длительности» [11, с. 111]: *Тут с утра до вечера – сплошной крестный ход, давка, слёзы, рыдания, служба на всех языках* («Камень»). Фразеологизм *с утра до вечера*, выступающий в качестве темпорального детерминанта, указывает не на конкретный временной отрезок, а на опредмеченные действия, которые непрерывно длятся и повторяются в течение долгого времени. П. А. Лекант квалифицирует такие единицы как *фраземы* – устойчивые формы имён времени, в которых заложен образный смысл, «в них отчасти размываются различия конкретного значения времени, зато акцентируется общее значение длительности, повторяемости, непрерывности» [5, с. 46].

Нами был рассмотрен внешний предел ограничения действия во времени, так как «временная граница не зависит от характера самого действия и обуславливается внешними по отношению к нему факторами (такими, как указание на предельный срок, а также наступление другого действия)» [8, с. 46]. Внутренний предел ограничения протекания действия во времени выражен в том случае, когда зависит от самого действия, заключённого в значении вида глагола и способа глагольного действия [3].

Предшествование обозначенному времени

Темпоральные синтаксемы, содержащие в себе предлоги *под, к, до, раньше, перед, вплоть до, вблизи*, указывают на предшествование обозначенному времени.

Вслед за Т. Е. Шаповаловой [9; 10; 11; 12] можно выделить выразители неопределённого предшествования: *до, раньше, вплоть до* – и выразители близкого предшествования, «которые характеризуют момент действия, оцениваемый говорящим как момент, приближённый к временному ориентиру» [10, с. 13]: *под, к, перед, вблизи*.

1. Темпоральная синтаксема с лексемой *вечер* в форме винительного падежа с предлогом *под*: «*Под вечер ненастного дня Ты мне стала казаться женой...*» («Одиночество») – описывает сложный временной отрезок, в ней заключено два конкретных обозначения времени: *вечер* и *день*.

2. Темпоральная синтаксема с лексемой *вечер* в форме дательного падежа с предлогом *к*: «– *Я сама уйду на пруд, не буду просить картох, вот она и не будет голосить, – думала она, спешно перелезая через сугроб и скатываясь в луг, – Аж к вечеру приду...*» («Танька») – употреблена в той части прямой речи, которая соответствует неполному двусоставному предложению с опущенным подлежащим *я*, употреблённым в предшествующем контексте. Писатель представляет внутренний монолог ребёнка, в котором заключён итог детских размышлений, частица *аж* выражает решимость девочки, выполняет функцию высшей степени градуальности действия [3].

В контексте: «– *Авось, и это дело знаем не хуже твоего, – пробормотал он, чувствуя, что его опять начинает ломать, знобить, и неотступно думая о полушубке, которым он совершенно напрасно заткнул окно в караулке вместо того, чтобы надеть его, догадаться, что к вечеру после дождя будет прохладно*» («Весёлый двор») – объединены две темпоральные синтаксемы *к вечеру* – с абсолютным – и *после дождя* – с относительным временным значением [10]. Наличие лексемы *дождь*, которая в толковом словаре имеет значение атмосферных осадков ‘в виде водяных капель, струй’¹, косвенно указывает на процесс, после которого совершается другое действие. Данную часть можно преобразовать в придаточную предикативную единицу: ... *догадаться, что, после того как к вечеру прошёл дождь, будет прохладно*.

3. Темпоральная синтаксема с лексемой *вечер* в форме родительного падежа с предлогом *до*: *Ведь вся беда людей с древнейших*

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 171.

времён и до этого вечера состоит в не-
уменье и бессознательном нежелании об-
щаться с людьми («На даче») – вступает в
сочинительные отношения с другой син-
таксемой: с *древнейших времён и до этого*
вечера и описывает сложный временной
отрезок, охватывающий огромный исто-
рический пласт. Формально предлоги *с* и
до указывают на то, что действие началось
и *до этого вечера* закончилось, но времен-
ной масштаб начала действия с *древнейших*
времён воспринимается как объективный
показатель того, что описанный людской
порок неискореним. Сам говорящий при-
ходит к такому выводу из своего жизненно-
го опыта именно в данный вечер, который
в его жизни играет важную роль. Делаем
вывод, что, несмотря на замкнутость или
результативность длительности и наличия
внешнего предела [8, с. 117], действие не
ограничено данным промежутком, грани-
ца окончания действия актуальна лишь
для самого говорящего. «В высказывани-
ях могут присутствовать явные языковые
средства выражения наблюдателя <...>
процесса наблюдения, времени (периода),
а также места наблюдения...» [8, с. 86].
Данный актуализатор времени выводит на
план абстрактного восприятия времени,
безотносительно к циклическим времен-
ным реалиям. В темпоральной синтаксеме
заключено семантическое указание сра-
зу на все три временных плана: прошлое,
настоящее, будущее, так как описываемое
останется неизменным.

4. Темпоральная синтаксема с лексемой
вечер в форме родительного падежа с пред-
логом *раньше*: *До заката было ещё далеко.*
Но Андрей должен был, по расчётам деда,
управиться раньше вечера («Кастрюк») –
реализована лишь в одном этом предложе-
нии; не имеет антонимической пары с син-
таксемой, в состав которой входит лексема
утро. В толковом словаре С. И. Ожегова,
Н. Ю. Шведовой *раньше* – ‘предлог, упо-
требуется с родительным падежом в зна-
чении до какого-нибудь момента, прежде
какого-нибудь времени’¹. В отличие от

непроизводных предлогов производный
предлог *раньше* менее употребителен и
более специфичен. Он является вырази-
телем неопределённого предшествования,
указывающим на «момент окончания дей-
ствия, неопределённо удалённый от гра-
ницы временного отрезка или события»
[10, с. 12].

5. Темпоральная синтаксема с лексе-
мой *вечер* в форме творительного падежа
с предлогом *перед*: *Двенадцатого февраля,*
перед вечером, в сумраке холодной при-
хожей произошёл негромкий разговор...
 («Деревня») – является уточняющим
членом к синтаксеме с абсолютным вре-
менным значением *двенадцатого фев-*
раля со словом-наименованием месяца.
«Уточнение – это ограничение понятия,
переход от более широкого, общего поня-
тия к более узкому, частному» [7, с. 278],
но уточняемая темпоральная синтаксема
содержит в себе порядковое числитель-
ное, которое семантически чётко лока-
лизует действие во времени, в отличие
от синтаксемы *перед вечером*, так как без
указания даты она может восприниматься
более абстрактно, несмотря на то что обо-
значает меньшую временную единицу. По
нашим наблюдениям, темпоральная син-
таксема *перед вечером* ограничивает вре-
менной план относительно части суток,
но наибольшую конкретизацию высказы-
ванию придаёт синтаксема *двенадцатого*
февраля.

6. Темпоральная синтаксема с лексемой
вечер в форме родительного падежа с пред-
логом *вплоть до*: *Зачем росла, прыгала, ра-*
довалась вплоть до того рокового вечера,
в который точно какой-то злой дух дохнул
на неё своим пламенным дыханием? («У ис-
тока дней») – семантически насыщена.
Согласованное определение, выраженное
относительным прилагательным *роковой*,
в толковом словаре представлено в трёх
значениях: ‘1. Приносящий горе, как бы
предопределённый роком; 2. Решающий,
определяющий собой поворот к чему-ни-
будь плохому, к несчастью; 3. Имеющий

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь рус-
ского языка: 80000 слов и фразеологических выра-

жений. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006.
С. 657.

тяжёлые или гибельные последствия»¹. В рассматриваемой синтаксеме приоритет отдан не отношению ко времени развития событий, а оценке данного временного плана и событий, связанных с ним. Внешний контекст более полно даёт понять картину событий: маленькая девочка умерла, этот роковой вечер стал переломным моментом в жизни всей семьи, связь с прошлым разорвана, будущее безрадостно, настоящее – лишь воспоминания.

7. Темпоральная синтаксема с лексемой *вечер* в форме родительного падежа с предлогом *вблизи*: *Воротится он завтра вблизи вечера, а она к тому времени помрёт* («Сны») – в своём составе имеет устаревшую форму предлога *вблизи*. *Завтра* по толковому словарю – ‘1. Наречие, на следующий день после сегодняшнего’², не является уточняемым членом, вместе с синтаксемой с абсолютным временным значением описывает сложный временной отрезок.

Следование после обозначенного времени

Нами были отмечены две синтаксемы с лексемой *вечер*, указывающие на следование после обозначенного времени.

Темпоральная синтаксема с предлогом *после*: «Ну, и рассказ!» – долго думал Кузьма *после этого вечера* («Деревня») – указывает на единичность данного временного промежутка, чему способствует указательное местоимение *этот*. Однако событие затронуло душу героя, заставило его задуматься и проанализировать услышанное. Глагол несовершенного вида *думал* в сочетании с наречием *долго* эксплицирует длительность действия, последовавшего за обозначенным временным отрезком.

Каждый раз после такого вечера в театре мы с ней кричим друг на друга, не давая спать Авиловой, до трёх часов ночи, и я клянусь уже не только гоголевско-

го сумасшедшего, Торцова и Мармеладова, но и Гоголя, Островского, Достоевского... («Жизнь Арсеньева»). Темпоральная синтаксема *каждый раз после такого вечера* указывает на повторяемость действия после определённого события: два события взаимосвязаны и второе вытекает из первого. Т. Е. Шаповалова отмечает, что использование глаголов несовершенного вида в форме настоящего времени «подчёркивает цикличное время, повторяющееся бесконечно» [12, с. 42]. Синтаксема с абсолютным временным значением передаёт близкое следование после обозначенного времени, чему способствует не только предлог *после*, но и сочетание *каждый раз*. Рассматриваемая темпоральная синтаксема указывает на «итеративное (повторяющееся) действие» [4, с. 73].

Диминутив в составе темпоральной синтаксемы

Следует выделить темпоральные синтаксемы с лексемой *вечерок*. Данная лексема относится к *диминутивам*, которые являются дериватами существительных и выражают «значение уменьшительности по отношению к предмету, обозначенному мотивирующим словом, в сопровождении эмоционально-экспрессивной коннотации» [6, с. 68]. В произведениях И. А. Бунина выявлено 4 репрезентируемых темпоральных синтаксемы. Например: *Жалко, – сказал барин задумчиво. – Видно, вечерком заверну, – и взялся за вожжи* («Кастрюк»). Я. Ю. Карабельская акцентирует внимание на том, что диминутивы часто используются для создания «положительного эмоционального фона всей коммуникации»³. Т. В. Шмелёва отмечает, что употребление данной лексемы отражает наиболее личностное, индивидуальное отношение говорящего к восприятию величины времени [13, с. 52]. Темпоральная синтаксема *вечерком* упо-

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2006. С. 683.

² Там же. С. 200.

³ Карабельская Я. Ю. Диминутивные существительные в повести А. И. Kupина «Яма». Бакалаврская работа. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2018. С. 22.

треблена в форме творительного падежа без предлога, она является синтаксемой с абсолютным временным значением, не содержит дополнительных коннотаций. Но сам диминутив, согласно замыслу автора, придаёт словам барина доверительный, дружеский тон, отражает неформальность отношений, желаемость совершения действия.

Заключение

Как показал анализ темпоральных синтаксем с лексемой *вечер* в произведениях И. А. Бунина, наиболее употребляемыми являются синтаксемы, содержащие в себе указание на совпадение с обозначенным временем – как предложные, так и беспредложные словоформы. Наименьшую группу составляют темпоральные синтаксемы с указанием на следование после обо-

значенного времени. Приходим к выводу, что *вечер* воспринимается писателем как конечная точка события, либо как пространственно-временное развёртывание действия. Для идиолекта И. А. Бунина характерно наличие всех перечисленных синтаксем как инструмента выражения темпоральности при описании вечера и связанных с ним событий как заключительного этапа размышлений, эмоциональных переживаний, тревоживших героя на протяжении всего дня с предположением указанных, что отражает идиостильные особенности автора в формировании образа времени в произведениях. Это не только биологически связанное, циклическое время, но и перцептивно наполненное, осмысленное завершение духовных исканий.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: репертуар элементарных единиц русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: Едиториал УРСС, 2006. 440 с.
2. Князев Ю. П. Настоящее время: семантика и прагматика // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 131–139.
3. Колесникова С. М. Субъективная градуальная оценка действия и теория «степеней свершаемостей» русского глагола // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2019. №4. С. 49–58.
4. Красухин К. Г. Три модели индоевропейского времени на материале лексики и грамматики // Логический анализ языка. Язык и время / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 62–78.
5. Лекант П. А. Метафорическое поле имён времени в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2016: Сборник трудов Международной научной конференции. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 42–47.
6. Панова Г. И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010. 448 с.
7. Современный русский язык: учебник / под редакцией Н. С. Валгиной. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Логос. 2002. 528 с.
8. Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. ред. А. В. Бондарко. М.: Едиториал УРСС, 2001. 348 с.
9. Шаповалова Т. Е. Предложно-падежные формы с временным значением как фрагмент темпоральной системы русского языка // Лексическая, словообразовательная и синтаксическая семантика. Межвузовский сборник научных трудов. М.: МОПИ имени Н. К. Крупской, 1990. С. 159–166.
10. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: Московский педагогический университет, 2000. 151 с.
11. Шаповалова Т. Е. ПОЧТИ в повести Н. В. Гоголя «Старосветские помещики» // Текст и контекст: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. Т. V. Гоголевский текст как объект лингвистического и литературоведческого анализа: Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции XI Виноградовские чтения, посвящённой 200-летию со дня рождения Н. В. Гоголя (12–14 сентября 2009 г.). М.: Московский государственный педагогический университет, 2009. С. 71–73.

12. Шаповалова Т. Е. Синтаксическое воплощение времени в изъяснительно-объектном типе сложноподчинённых предложений // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. №5. С. 139–146.
13. Шмелёва Т. В. Диминутив и семантика существительного: лексика времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. №1. С. 50–57.

REFERENCES

1. Zolotova G. A. *Sintaksicheskii slovar': repertuar elementarnykh edinits russkogo yazyka* [Syntactic dictionary: repertoire of elementary units of the Russian language]. 3rd ed., stereotype. Moscow, Editorial URSS Publ., 2006. 440 p.
2. Knyazev Yu. P. *Nastoyashchee vremya: semantika i pragmatika* [Present tense: semantics and pragmatics]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time] / executive ed. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 131–139.
3. Kolesnikova S. M. [Subjective gradual assessment of the action and the theory of "degrees of accomplishment" of the Russian verb]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2019, no. 4, pp. 49–58.
4. Krasukhin K. G. Tri modeli indoevropeiskogo vremeni na materiale leksiki i grammatiki [Three models of Indo-European time based on vocabulary and grammar]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk i vremya* [Logical analysis of the language. Language and time] / executive ed. N. D. Arutyunova, T. E. Yanko]. Moscow, Indrik Publ., 1997, pp. 62–78.
5. Lekant P. A. *Metaforicheskoe pole imen vremeni v sovremennom russkom yazyke* [Metaphorical field name time in the modern Russian language]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke* [Rational and emotional in Russian]: Proceedings of the International Scientific Conference. Moscow, MRSU Ed. off. Publ., 2016, pp. 42–47.
6. Panova G. I. *Morfologiya russkogo yazyka: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Morphology of the Russian language: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, KomKniga Publ., 2010. 448 p.
7. *Sovremennyy russkii yazyk: uchebnik* [Modern Russian language: textbook] / edited by N. S. Valgina. 6th ed., rev. and additional. Moscow, Logos Publ., 2002. 528 p.
8. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [Functional grammar theory. Introduction. Aspectuality. Temporary localization. Taxis] / executive ed. A. V. Bondarko. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 348 p.
9. Shapovalova T. E. *Predlozhno-padezhnye formy s vremennym znacheniem kak fragment temporal'noi sistemy russkogo yazyka* [Prepositional-case forms with temporal meaning as a fragment of the temporal system of the Russian language]. In: [Lexical, derivational and syntactic semantics. Interuniversity collection of scientific papers]. Moscow: Moscow Region Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya, 1990, pp. 159–166.
10. Shapovalova T. E. *Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke: monografiya* [Category of syntactic tense in Russian: monograph]. Moscow, Moscow pedagogical University Publ., 2000. 151 p.
11. Shapovalova T. E. *POCHTI v povesti N. V. Gogolya «Starosvetskie pomeschiki»* [Pochti in N. Gogol's story "Old World Landowners"]. In: [Text and context: linguistic, literary and methodological aspects. Vol. V. Gogol's text as an object of linguistic and literary analysis: a Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific conference XI Vinogradov readings, dedicated to the 200th anniversary of the birth of N. V. Gogol (September 12–14, 2009)]. M.: Moscow State Pedagogical University Publ., 2009, pp. 71–73.
12. Shapovalova T. E. [Syntactic embodiment of time in the explanatory-object type of complex sentences]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2018, no. 5, pp. 139–146.
13. Shmeleva T. V. [Diminutive and noun semantics: vocabulary of time]. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2018, no. 1, pp. 50–57.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинская Татьяна Владимировна – соискатель кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта Московского государственного областного университета;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana V. Malinskaya – External Postgraduate Student, Lekant Department of Modern Russian language, Moscow Region State University;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малинская Т. В. Темпоральные синтаксемы с лексемой *вечер* в произведениях И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 26–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-26-34

FOR CITATION

Malinskaya T. V. Temporal Syntaxemes with the Lexeme *Vecher* in the Texts of I. Bunin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 26–34.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-26-34

УДК 81'373.47

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ В ПРОЗЕ И. А. БУНИНА

Николина Н. А.*Московский педагогический государственный университет**119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1 / 1, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель статьи – выделить типы метаязыковых комментариев в художественной прозе И. А. Бунина и определить их функции в тексте.

Процедура и методы исследования. Автором статьи проведён анализ произведений И. А. Бунина, в процессе которого были выделены и классифицированы метаязыковые комментарии разных типов, а также определены наиболее распространённые метаоператоры. В ходе анализа применялись структурно-семантический метод и метод наблюдения.

Результаты. Выявлены наиболее частотные в прозе Бунина рефлексивы: толкования слов, их оценки, характеристики различных особенностей речи персонажей. Определены основные функции метаязыковых комментариев в произведениях писателя: характерологическая, оценочная, текстообразующая. Показано, что рефлексивы актуализируют добавочные семантические компоненты в комментируемых лексических единицах и способствуют установлению контакта с адресатом текста. Особенностью идиостиля Бунина является связь метаязыковых комментариев с интертекстом.

Теоретическая значимость работы определяется типологизацией метаязыковых комментариев и установлением их связи с идиостилем писателя.

Практическая значимость материалов статьи обусловлена возможностью их использования в практике преподавания и лексикографической практике.

Ключевые слова: метаязыковой комментарий, рефлексив, метаоператоры, интертекст, речь персонажей, функция, оценка, структура текста

METALANGUAGE COMMENTS IN I. BUNIN'S PROSE

N. Nikolina*Moscow Pedagogical State University**1 / 1 Malaya Pirogovskaya ul., Moscow 119991, Russian Federation***Abstract.**

Aim is to highlight the types of metalanguage comments in I. Bunin's prose and to determine their function in the text.

Methodology. The article analyzes the works of I. Bunin, metalanguage comments of various types are identified and classified; the most common metaoperators are determined. During the analysis, the structural-semantic method and the observation method were used.

Results. The most frequent reflexives in Bunin's prose were revealed: interpretation of words, their assessment, characteristics of various distinctive features of the characters' speech. The main functions of metalanguage comments in the writer's works are determined: characterological, evaluative, text-forming. It is shown that reflexives actualize additional semantic components in commented lexical units and contribute to establishing contact with the text's addressee. A specific feature of Bunin's idiosyncrasy is the connection between metalanguage comments and intertext.

Research implications. The work's theoretical significance consists of the typologization of metalanguage comments and the establishment of their connection with the writer's idiostyle. The practical significance of the article's materials is caused by the possibility of their use in teaching practice and lexicographic practice.

Keywords: metalanguage commentary, reflexive, metaoperators, intertext, character speech, function, assessment, text structure

Введение

В художественной речи XX века возрастает роль метаязыковой рефлексии. В прозе И. А. Бунина, всегда проявлявшего большой интерес к «жизни слова» в разных её формах, встречаются различные типы метаязыковых комментариев. Их объектом служат диалектизмы, устаревшая лексика, фразеологизмы, речевые штампы и клише, слова, вызывающие эстетическую или этическую оценку; см., например: *Были такие казаки, которые назывались бродники, – от слова бродить* («Жизнь Арсеньева»)¹; *Помню, у нас в доме любили в эту пору «сумерничать», не зажигать света и вести в полуметемноте беседы* («Антоновские яблоки»).

Метаязыковые комментарии, или рефлексивы, в художественном тексте представляют собой отрезки речи, «выделяемые на основе семантики и обладающие типовой семантической структурой и определённым репертуаром способов в формальном воплощении» [9, с. 71]. В прозе Бунина такие комментарии носят разный характер – от вводной конструкции до развёрнутого контекста, включающего несколько предложений или реплик диалога. Например:

– Нет, братец, меня в эту пору в спальне не найдёшь. Это ведь вы валяетесь по кроватям до трёх дубов...

– Каких дубов, дядя?

– Так мужики говорят, – ответил он, мотая седым коком и оглядывая меня жёлтыми глазами, ещё зоркими и умными. – Солнце на три дуба поднялось, а ты всё ещё мордой в подушке, говорят мужи-

ки («Натали»). При этом «границы рефлексива не всегда могут быть определены чётко» [2, с. 85]. В произведениях Бунина он всегда органически связан с основным текстом. Метаязыковую рефлексивную функцию в прозе писателя проявляют как персонажи, так и повествователь (рассказчик).

Типы рефлексивов в прозе И. А. Бунина

Рефлексивы в произведениях Бунина содержат различную метаязыковую информацию и могут быть классифицированы с учётом её характера. Это:

1) толкования значений слов: *Обычно бедуины едят хыбыз, – кукурузные лепёшки – варёное пшено с козым молоком* («Весной в Иудее»); *В час они (извозчики) медленно тянулись назад и везли приезжих, чаще всего купцов с козовыми сумками, которые и теперь ещё называются сак-де-войяжами...* («Чаша жизни»);

2) характеристики каких-либо явлений в речи персонажа: *В солдатах он (Родька) нахватался хохлацких слов и ударений. И если Молодая осмеливалась возражать ему на его краткие, жёсткие речи, он спокойно брал ременный кнут... и, сквозь зубы, спокойно спрашивал, ударяя на «во»:*

– *Вы шо говорите?* («Деревня»); *Говоря и отчеканивая слова, художник в упор смотрел чрез пенсне на своего собеседника* («Безумный художник»);

3) характеристики коммуникативного поведения: ... *Так холодно, хотя и вежливо, обрывал князь свою ночную беседу с Иваном Ивановичем* («Далёкое»);

4) оценки отдельных слов и выражений: *Какое неземное слово любовь, сколько ада и прелести в нём, хоть я и никогда не любила!* («Дело корнета Елагина»); *Самыми пленительными были в них (сказках) слова о неизвестном и необычном: «В некотором царстве, в неведомом государстве, за три-*

¹ Бунин И. А. Сочинения в трёх томах. Т. 3. М.: Художественная литература, 1982. С. 241. Все цитаты из произведений И. А. Бунина в дальнейшем приводятся по этому изданию.

девять земель... За горами, за долами, за синими морями...» («Жизнь Арсеньева»); Ведь это же прекрасное старинное русское слово, коим наши отцы и деды не токмо в самом высшем свете, но даже и при дворе не гнушались («Алексей Алексеич»). Эти феи одно из самых ненавистных мне слов! Хуже газетного «чреватый»! («Жизнь Арсеньева»).

Особым типом метаязыковых комментариев, характерным для романа Бунина «Жизнь Арсеньева», являются рефлексивы, которые условно можно назвать генеративными. Арсеньев стремится воплотить в слове различные впечатления, найти для них точные и в то же время образные номинации, обладающие новизной выражения. Поиск слов-образов находит отражение в многочисленных рефлексивах, как правило, не имеющих в тексте специальных сигналов ввода. Например: Я до боли держу голову закинутой назад, не свожу с него (лица луны) глаз и всё стараюсь понять, когда оно, сияя, вдруг всё выкатывается из туч: какое оно? Белая маска мертвеца? Все изнутри светящееся, но какое? Стеариновое? Да, да, стеариновое! Так и скажу где-нибудь. В тексте при этом «происходит обогащение «идеального» художественного образа, который испытывает обратное воздействие со стороны средств своей экспликации» [7, с. 51]; в результате структура рефлексива расширяется и включает средства оценки удачного выбора метафорической номинации, позволяющего трансформировать увиденное в эстетическую реальность. Например: «... огромный клубничный нос – тройной, состоящий из трёх крупных, бугристых и пористых клубник... Ах, так опять мучительно-радостно: тройной клубничный нос!» («Жизнь Арсеньева»).

Наиболее часто в прозе Бунина используются метаязыковые комментарии, фиксирующие особенности речи персонажей, при этом особое внимание уделяется интонации, произношению, темпу или тону речи; см., например:

(1) На последних словах она (Машенька) тихо, но твердо повысила голос, произнес-

ла их убежденно: попртышь льва и дракона. Потом помолчала и, медленно вздохнув, сказала так, точно разговаривала с кем-то:

– Ибо Его все звери в лесу и скот на тысяче гор...» («Баллада»);

(2) «... За одно то, как актёр произносит слово “аромат” – “а-ро-мат!” – я готов задушить его!» («Жизнь Арсеньева»);

(3) Из-за перегородки слышен сонный, медлительный голос:

– Ту-та я ляжу («Сосед»).

Метаоператоры в произведениях И. А. Бунина

Рефлексивы вводятся в текст произведения посредством метаоператоров, в роли которых в прозе Бунина регулярно выступают слова, обозначающие различные процессы речи и единицы языка (говорить, назвать(ся), называть, слово, имя, ударение и др.), а также вводные слова, указывающие на источник речи или способ изложения. Ср., например:

(1) – Поменьше читки, – **говорил** он веско, спокойно и так властно, точно Катя была его полной собственностью («Митина любовь»);

(2) Большая дорога возле Становой спустилась в довольно глубокий лог, **по-нашему** верх... («Жизнь Арсеньева»);

(3) **Имя** у него было как у дворецкого... («На хуторе»).

Как метаоператор последовательно используются в текстах писателя и кавычки. Это графическое средство служит специальным маркером метаязыковой рефлексии, оно «является для читателя сигналом о том, что слово «необычно» (или необычно употребляется), однако информацию о характере данной «необычности» читатель должен выводить самостоятельно» [9, с. 86]. Кавычками, как правило, выделяют в текстах Бунина диалектизмы, регионализмы, различные отступления от нормы в речи персонажей, а в романе «Жизнь Арсеньева» – новые для героя в детстве слова или неприемлемые для него штампы. Например: ... он торгует с шуточками,

прибаутками и даже иногда **“тронет”** на тульской гармонике («Антоновские яблоки»); ... Рассказал целую историю о том, как будто бы приехал однажды в деревню некий московский **“обуватель”**, то есть обыватель...» («Божье дерево»); Я уже знал, что мы стали бедные, что отец много **“промотал”** в Крымскую кампанию...» («Жизнь Арсеньева»); ... Клеймят **“рене-гатом”** всякого, кто хоть мало-мальски усумнился в чём-нибудь, ими узаконенном, и поминутно издеваются над чьей-нибудь **“умеренностью и аккуратностью”**...» («Жизнь Арсеньева»).

Метаоператоры в текстах Бунина часто опускаются, в этом случае вербализуется лишь часть семантической структуры метаязыкового комментария. Например, в рассказе «Смарагд» объектом рефлексии служит слово **смарагд**, при этом в первой части диалога вообще не используются метапоказатели: *«Я говорю про это небо среди облаков. Какой дивный цвет! И страшный и дивный. Вот уж правда небесный, на земле таких нет. **Смарагд** какой-то»*. И только в последующей реплике персонажа обсуждение цвета неба переводится в план рефлексива: *«... Только почему **смарагд**? И что такое **смарагд**? Я его в жизни никогда не видал. Вам просто это слово нравится»*.

Рефлексив в прозе Бунина может строиться как образная характеристика слова или речи в целом. В этом случае она базируется на основе тропа, см., например, оценку речи Якова в рассказе «Божье древо», совмещающую метафору и метонимию: *Говор старинный, косолапый, крупный. Он говорит: **що, каго, яго, маяго, табе, сабе, тяперь**, но всё как-то так, что слушать его большое удовольствие*.

В состав оценочных рефлексивов могут также входить метафорические эпитеты, выраженные сложными прилагательными: ... Сколько юношеских дум передумал, сколько твердил **вельможного-гордые** державинские строки... («Жизнь Арсеньева»).

Функции метаязыковых комментариев в прозе И. А. Бунина

Функции метаязыковых комментариев в прозе Бунина разнообразны. Прежде всего они выполняют характерологическую функцию – служат средством речевой характеристики персонажа или социальной группы. Например, в рассказе «Божье древо» объёмный рефлексив выделяет отличительные особенности речи Якова: ... Я всё дивился, сколько употребляет он слов старинных, древних даже, почти всеми забытых: **изнугряться** вместо **издеваться**, **ухамить** вместо **урвать**, **варяжить** вместо **торговать**, **огонь взнестать** вместо **зажигать**... **Нагайцев** он назвал **кумане**, – древнее название половцев, – **конину маханиной**. Формы у него тоже свои. *“Он неладно думал **об мужиков**”, – сказал он, например, про москвича. А про своего кобеля так:*

– Он любит **воять** в тёмные ночи.

Характерологическая функция часто сочетается с собственно информативной. Так, толкования этнографизмов непосредственно адресованы читателю и содержат необходимые для него сведения. Ср., например: *На голове её **“рога”**, – косы положены по бокам макушки и покрыты несколькими платками, так что голова кажется огромной...* («Антоновские яблоки»).

В романе «Жизнь Арсеньева» рефлексивы, выступающие в характерологической функции, несут дополнительную нагрузку: они тесно связаны с сюжетом и темпоральной структурой произведения. Процесс постепенного открытия мира и постижения себя в нём изображается как процесс усвоения новых слов, с которыми в детстве знакомится герой романа. Ср., например:

(1) Помню страшные слова: надо немедленно дать знать становому, послать стеречь **“мертвое” тело**... Почему так страшны были эти совершенно для меня новые слова?

(2) ... Мне купили сапожки с красным сафьяновым ободком на голенищах, про которые кучер сказал на весь век запомнившееся слово: **“В аккурат сапожки!”**

(3) ... *От отца и матери узнал я о существовании на свете того особенного сорта людей, которые называются острожниками, каторжниками, ворами, убийцами.*

Как отмечал Б. В. Аверин, в «Жизни Арсеньева» значимым «оказывается для памяти не содержательность эпизода, но интенсивность связанного с ним чувственного переживания мира» [1, с. 183]. Это переживание и отражается в последовательности открываемых героем новых слов.

Метаязыковый комментарий в прозе И. А. Бунина нередко выявляет добавочные ассоциативные компоненты семантики слова, актуализирует приращения смыслов. Так, в романе «Жизнь Арсеньева» упоминается глагол *замолаживает* и указывается сфера его употребления. В предлагаемом автором толковании семантический объём слова при этом существенно расширяется: этот глагол становится знаком «вечной русской потребности праздника», отказа от «упорядоченности» жизни: «*Замолаживает*» – *это слово употреблялось когда-то на винокурнях, и человек выпивший хотел им сказать, что в него вступает нечто молодое, радостное, что в нём совершается некое сладкое брожение, некое освобождение от рассудка, от будничной связанности и упорядоченности. Мужики так и говорят про водку: «Как можно! От ней в человеке развязка делается!» Знаменитое “Руси есть веселие питий” вовсе не так просто, как кажется. Не родственно ли с этим “веселием” и юродство, и бродяжничество, и радения, и самосжигания, и всяческие бунты – и даже та изумительная изобразительность, словесная чувственность, которой так славна русская литература?*

Ограниченное в своём употреблении слово, таким образом, служит средством характеристики особенностей национального характера и «отражает специфику русской ментальности» [6, с. 187].

Особенность идиостиля Бунина – соотнесённость рефлексивов с интертекстом, отсылками к произведениям русской лирики. «... Интертекстуальность так же,

как и использование терминов, является одним из способов метаязыкового высказывания о поэзии и способах создания... текста» [8, с. 74].

Ряд метаязыковых комментариев в прозе Бунина связан с оценкой поэтических произведений, при этом может развиваться мотив непонимания цитируемого текста одним из персонажей. Это непонимание отражает различия в мировосприятии героев и служит знаком намечающегося внутреннего конфликта. Так, например, в романе «Жизнь Арсеньева» Лика не принимает метафор Фета, которыми восхищается Арсеньев, ср.:

Я читал:

Какая грусть! Конец аллеи

Опять с утра исчез в пыли,

Опять серебряные змеи

Через сугробы поползли...

Она спрашивала:

– Какие змеи?

И нужно было объяснить, что это – метель, поэмка.

«Разъяснение стихов наивной возлюбленной... – частый сюжет у Бунина» [3, с. 81]. Одновременно такой комментарий может выявлять имплицитные смыслы, значимые для интерпретации произведения в целом. Например, в рассказе «Холодная осень» герои вновь обращаются к стихам Фета: *Одеваясь в прихожей, он продолжал что-то думать, с милой усмешкой вспомнил стихи Фета:*

Какая холодная осень!

Надень свою шаль и капот...

– Капота нет, – сказала я. – А как дальше?

– Не помню. Кажется так:

Смотри – меж чернеющих сосен

Как будто пожар восстаёт...

– Какой пожар?

– *Восход луны, конечно. Есть какая-то деревенская осенняя прелесть в этих стихах. Времена наших дедушек и бабушек... Ах, боже мой, боже мой!*

Лексема *пожар* получает объяснение в реплике персонажа, однако в контексте целого она приобретает иной, символический смысл и выполняет проспектив-

ную функцию: «пожар» – начавшаяся война, предвестие революционной бури, гибели привычного для героини уклада жизни. Характерно, что текст Фета передаётся в рассказе неточно: «дремлющих сосен» заменяется на «чернеющих». В результате возникает другая колоративная картина (цвет пожара на чёрном фоне), углубляющая трагический подтекст рассказа.

Иной характер носит интертекст в рассказе «Чистый понедельник». Герой в нём цитирует летописный текст, толкования в котором требует слово *силен*. Обращение к этому древнерусскому тексту сближает персонажа с героиней, которая любит «русское летописное, русские сказания»:

– И давайте закажем обед *силен*!

– Как это «*силен*»?

– Это значит – сильный. Как же вы не знаете? «Рече Гюрги...»

– Как хорошо! Гюрги!

Мотив непонимания в результате трансформируется в мотив обрётённого взаимопонимания.

«Гораздо чаще интертекстуальность представляет собой не диалог..., а определённую “точку отсчёта” рефлексии автора, его желания понять себя и окружающий мир на новой эмоционально-интеллектуальной волне, источник которой принадлежит другому автору, авторам, коллективному бессознательному...» [5, с. 32]. Так, в рассказе «Косцы» комментарий к народной песне «позволяет автору подняться над частным разделением “мы” – “они” и выйти на новый уровень единства, преодолеть время и пространство» [4, с. 172].

Наряду с характерологической и интертекстуальной функциями, рефлексивы в прозе Бунина регулярно выполняют функцию оценки слова и через него изображаемых реалий, явлений или лиц. Выражаться при этом может оценка как персонажа, так и повествователя. Ср., например:

(1) Сколько торговли с лотков, на всяческих *толкучках* и *“пупках”*, выражаясь тем подлым языком, который всё более входит у нас в моду! («Несрочная весна»);

(2) – Ты любишь только моё тело, а не душу! – горько сказала однажды Катя.

Опять это были *чьи-то чужие, театральные слова*, но они, при всей их вздорности и избитости, тоже касались чего-то, мучительно-неразрешимого («Митина любовь»).

В позднем творчестве Бунина рефлексивы неоднократно выступают в текстообразующей функции. Так, рассказ «Брань» строится как диалог двух персонажей, обменивающихся ругательствами, сила которых постепенно нарастает; см., например:

Лаврентий. Я не Ванька, я хозяин.

Сухоногий. Ну, и лопни твоё чрево с твоим хозяйством!

В инвективах персонажей отражается их оценка общественной ситуации. Одновременно текст рассказа представляет собой культурно маркированную типизацию средств народной брани.

В рассказе «Муравский шлях» даётся народная этимология названия дороги, воскрешающая далёкое прошлое и актуализирующая историческую память. Весь «краткий рассказ» является в этом случае рефлексивом, определяющим семантику заглавия: [татары], «как муравьи, шли».

Другой «краткий рассказ» «Петухи» строится как метаязыковая рефлексия над фразой «*Петухи опевают ночь*», вынесенной в сильную позицию текста – его финал. Эта рефлексия предполагает определение семантической и образной мотивированности слова *петухи* и актуализирует его внутреннюю форму на основе деривационной связи лексических единиц *петухи* – *петь* – *опевают*.

Заключение

Количество метаязыковых комментариев постепенно увеличивается в произведениях Бунина, оно возрастает в текстах 20–30-х гг., при этом усложняются их функции. Метаязыковые комментарии в прозе Бунина выполняют как собственно конструктивные, так и художественные функции: они характеризуют изобража-

емую среду, выделяют особенности речи персонажей, выявляют подтекст произведения, выражают положительную или отрицательную оценку, служат средством

текстообразования, осуществляют контакт с адресатом текста – читателем.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверин Б. В. Дар Мнемозины: Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб.: Амфора, 2003. 398 с.
2. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского университета, 2002. 378 с.
3. Капинос Е. В. Поэзия приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. 247 с.
4. Лазанская Е. А. Мифологизация пространства в рассказе И. А. Бунина «Косцы» // И. А. Бунин в начале XXI века. Воронеж: Кварта, 2005. С. 168–176.
5. Муратова Е. Ю. Интертекстуальность как фактор смыслопорождения в поэтическом тексте // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2012. №2. С. 30–34.
6. Радбиль Т. Б. Когнитивистика: учебное пособие. Нижний Новгород: Нижегородский университет, 2018. 375 с.
7. Тарасова И. А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: Инфра-М, 2018. 164 с.
8. Фатеева Н. А. Поэзия как филологический дискурс. М.: ЯСК, 2017. 359 с.
9. Шумарина М. Р. Язык в зеркале художественного текста (метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы): монография. М.: Флинта: Наука, 2011. 325 с.

REFERENCES

1. Averin B. V. *Dar Mnemosyny: Romany Nabokova v kontekste russkoi avtobiograficheskoi traditsii* [The Gift of Mnemosyne: Nabokov's novels in the context of the Russian autobiographical tradition]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2003. 398 p.
2. Vepreva I. T. *Yazykovaya refleksiya v postsovetськуy epokhu* [Linguistic reflection in the post-Soviet era]. Yekaterinburg: Yekaterinburg University Publ., 2002. 378 p.
3. Kapinos E. V. *Poeziya primorskikh Al'p. Rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Alpes-Maritimes. The stories of I. Bunin 1920s]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 247 p.
4. Lazanskaya E. A. *Mifologizatsiya prostranstva v rasskaze I. A. Bunina «Kostsy»* [Mythologization of space in I. Bunin's short story "Mowers"]. In: [I. Bunin at the beginning of the 21st century]. Voronezh, Kvarata Publ., 2005, pp. 168–176.
5. Muratova E. Yu. [Intertextuality as a factor in generating meaning in a poetic text]. In: *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 2: Linguistics], 2012, no. 2, pp. 30–34.
6. Radbil' T. B. *Kognitivistika* [Cognitive science]: textbook. Nizhny Novgorod, Nizhniy Novgorod University Publ., 2018. 375 p.
7. Tarasova I. A. *Kognitivnaya poetika: predmet, terminologiya, metody: monografiya* [Cognitive poetics: subject, terminology, methods: monograph]. Moscow, Infra-M Publ., 2018. 164 p.
8. Fateeva N. A. *Poeziya kak filologicheskii diskurs* [Poetry as a philological discourse. Moscow, YaSK Publ., 2017. 359 p.
9. Shumarina M. R. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta (metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoi prozy): monografiya* [Language in the mirror of literary text (metalanguage reflection in the works of Russian prose): monograph]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2011. 325 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николина Наталья Анатольевна – кандидат филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии Московского педагогического государственного университета;
e-mail: admin@riash.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nataliya A. Nikolina – Cand. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian Language, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University;
e-mail: admin@riash.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николина Н. А. Метаязыковые комментарии в прозе И. А. Бунина // **Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология.** 2020. №4. С. 35–42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42

FOR CITATION

Nikolina N. A. Metalanguage Comments in I. Bunin's Prose. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 35–42.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-35-42

УДК: 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-43-50

ОБРАЗ ДОМА И СРЕДСТВА ЕГО СОЗДАНИЯ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА

Фадеева Т. М.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 34, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель работы – описать семантическое наполнение хронотопического образа дома в поэтических текстах И. А. Бунина.

Процедура и методы исследования. Автором проанализирован корпус текстов разных лет, в которых методом сплошной выборки выявлен предмет исследования; его описание осуществлялось на основе комплексной методики.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод, что аксиологически значимый образ дома становится в поэзии И. А. Бунина благодаря контекстуальному окружению транслятором авторской картины мира.

Теоретическая и / или практическая значимость заключается в выявлении и формулировке индивидуально-авторских семантических приращений. Материал статьи может представлять интерес при подготовке лекционных материалов по языку художественной литературы, а также имеет выход в практику авторской лексикографии.

Ключевые слова: художественный образ, средства выразительности, эпитет, хронотоп, лексическое значение, картина мира, языковая личность

HOUSE IMAGE AND THE MEANS OF ITS CREATION IN THE POETIC TEXTS OF I. BUNIN

T. Fadeeva*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. Describe the semantic content of the house's chronotopic image in the poetic texts of I. Bunin.

Methodology. The author analyzed the corpus of texts from different years, in which the subject of research was identified by a continuous sampling method, the description of which was carried out based on a complex methodology.

Results. According to the research results, it is concluded that the axiologically significant image of the house becomes a translator of the author's worldview in the poetry of I. Bunin due to the contextual environment.

Research implications. It consists in the formulating of individual author's semantic increments. The article's material may be of interest in the preparation of lecture materials on the language of fiction and has access to the practice of the author's lexicography.

Keywords: artistic image, means of expression, epithet, chronotope, semantic meaning, world picture, language personality

Введение

Среди концептуальных основ существования человека особое место занимает *дом*. Его ценность и незыблемость в аксиологической системе координат русского общества в XIX веке не вызывала сомнений. Однако трагический ход истории начала XX века внёс в русскую картину мира серьёзные коррективы, отражение чего мы можем наблюдать в языке поэтов и писателей, на долю которых выпали и первая мировая война, и революционные события, и гражданская война с последующей эмиграцией многих представителей творческой интеллигенции. «Оценки нового и новые оценки изменившегося общественного сознания отражаются в значениях слов, в том числе коннотативных» [2, с. 79].

Выявленные дополнительные значения, развитию которых способствует контекст, позволяют определить специфику индивидуально-авторского восприятия действительности, транслирующегося в художественном пространстве. «Поэтическое мышление отражает сложный комплекс аксиологических ориентиров социума в тот или иной период его развития и находится в неразрывной связи с языком, так как изменения мировоззрения отражаются в том числе и на специфике отбора и употребления изобразительно-выразительных средств» [8, с. 44]. Именно коннотативные значения, отражающие авторскую картину мира, представляют особый интерес для исследователя, так как в них реализуются как традиционные для языка, так и личностно обусловленные оттенки смыслов. И, конечно, ключевую роль в этом плане играют средства выразительности. Среди частотных тропов и приёмов, актуальных в плане репрезентации значимых для И. А. Бунина смыслов, особое место, безусловно, занимает эпитет. Он становился предметом отдельных лингвистических исследований (работы Т. М. Гусевой, О. А. Мещеряковой), ему посвящён труд В. В. Краснянского «Словарь эпитетов Ивана Бунина».

Этот троп сопровождает слово *дом* в художественных текстах автора как тра-

диционными единицами, отмеченными в «Словаре эпитетов русского литературного языка» (*отцовский, отчий, родной, чужой*¹), так и теми, что фиксируются «Словарём эпитетов Ивана Бунина» (*богатый*², *вечный*³, *голый*⁴, *господский*⁵, *гулкий*⁶, *далёкий*⁷, *дачный*⁸, *дедовский*⁹, *деревенский*¹⁰, *длинный*¹¹, *дубовый*¹², *знакомый*¹³ и другие). Анализ лирических текстов позволяет сделать вывод о специфичности образа *дома*, создаваемого в поэтическом пространстве, и выявить приоритетность таких эпитетов, как *старый, молчаливый, заброшенный* и другие.

Процедура и методы исследования

На основе анализа эпитетных комплексов, сравнений и ряда других языковых средств выразительности в данной статье предпринимается попытка выявить и описать значимые для авторской картины мира И. А. Бунина смыслы художественного образа *дом*. «Поэтическая информация может передаваться не с помощью конкретных тропов и фигур, а через сам контекст, особое сочетание слов друг с другом» [6, с. 5]. Именно по этой причине в процессе анализа мы уделяем особое внимание комплексному анализу контекстуальных партнёров слова *дом*.

Хронотопический образ ДОМ в поэзии И. А. БУНИНА

Поэтические тексты И. А. Бунина транслируют актуальные для автора коннотативные значения, реализующиеся в слове

¹ Горбачевич К. С., Хабло Е. П. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л.: Наука, 1979. С. 122.

² Краснянский В. В. Словарь эпитетов Ивана Бунина. М.: Азбуковник, 2008. С. 56.

³ Там же. С. 85.

⁴ Там же. С. 116.

⁵ Там же. С. 120.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Там же. С. 134.

⁸ Там же. С. 139.

⁹ Там же. С. 141.

¹⁰ Там же. С. 142.

¹¹ Там же. С. 149.

¹² Там же. С. 163.

¹³ Там же. С. 207.

дом и отражающие индивидуально-авторскую картину в аксиологических категориях пространства и времени. Включённость в контекстуальные связи и актуализация посредством их индивидуально значимых смыслов позволяет определить именно специфику хронотопического плана.

Пространственная сема репрезентируется в самом денотативном значении слова *дом*. В творческом наследии И. А. Бунина рассматриваемая лексическая единица реализует все основные значения, фиксируется толковыми словарями:

Дом 1. Здание, строение, предназначенное для жилья, для размещения учреждений и предприятий. 2. Жилое помещение, жилище, квартира. 3. Место постоянного проживания человека, характеризующееся какими-л. отношениями между всеми членами семьи, определённым бытом, укладом хозяйства и т. п. 4. Устар. Род, фамилия. 5. В составных названиях различных учреждений, заведений¹.

Однако исследуемый поэтический контекст обуславливает своеобразие репрезентации значения пространства и реализации в нём широкой тематики. Нами выявлены следующие коннотативные смыслы, раскрывающиеся в большинстве случаев через оппозиционные отношения.

1. Дом – пространство, которое противопоставлено окружающему миру.

*В гелиотроповом свете молний летучих
На небесах раскрывались дымные тучи,
На косогоре далёком – призрак дубравы,
В мокром лугу перед домом – белые травы.
Молнии мраком топило, с грохотом грома
Ливень свергался на крышу полночного
дома –*

*И металлически страшно, в дикой печали,
Гуси из мрака кричали.*²

Внутреннее пространство жилища становится местом, за границами которого царит враждебный лирическому герою мир, не имеющий замкнутого характера: *небеса, косогор, луг*. Контекстные партнёры

с перцептивной составляющей *мрак, молнии, грохот, ливень* оказываются отделены от пространства дома его *крышей*, а потому существуют как бы в параллельном «ином мире». Подобное противостояние выходит за пределы антитезы *замкнутое – безграничное* и приобретает дополнительный аспект: *дом-защитник* противопоставляется *природной стихии*.

В стихотворениях 1917 года и последующих лет образы сил природы приобретают символическое значение революционной стихии, от которой дом оказывается слабым щитом:

*Мы сели у печки в прихожей,
Одни, при угасшем огне,
В старинном заброшенном доме,
В степной и глухой стороне.
Жар в печке угрюмо краснеет,
В холодной прихожей темно,
И сумерки, с ночью мешаясь,
Могильно синеют в окно.
Ночь – долгая, хмурая, волчья,
Кругом все снега и снега,
А в доме лишь мы да иконы
Да жуткая близость врага.*³

В данном стихотворении хронотопический аспект образа *дом* реализуется наиболее ярко благодаря семиотически актуализированным образам-партнёрам, разделяющим действительность на два мира:

- дом: угасший огонь печи, жар, иконы;
- мир: сумерки, ночь, снега.

Окно же становится границей, лишь временно отделяющей один мир от другого. Прозрачность, сквозь которую «могильно синеют» сумерки, не только позволяет увидеть наступившую «долгую, хмурую, волчью» ночь, но и осознать невозможность спастись от неё в «заброшенном доме»:

*Презренного, дикого века
Свидетелем быть мне дано,
И в сердце моём так могильно,
Как мёрзлое это окно.*⁴

Символичность образа окна актуализируется и благодаря эпитету *мёрзлое*, ло-

¹ Большой академический словарь русского языка. Т. 5. М.; СПб.: Наука, 2006. С. 245.

² Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. СПб.: Лисс, 1993. С. 475.

³ Там же. Т. 5, с. 467.

⁴ Там же. Т. 5, с. 467.

гически продолжающему тему революционной стихии, передающейся через снег и страхи, окружившие дом, и холод, уже пробравшийся в прихожую.

В русской поэтической традиции XIX века дом часто становится антонимичным пространству сада. Подобную внутреннюю художественную антитезу использует активно и И. А. Бунин, когда создаёт поэтический образ усадьбы:

*В окно, в прохладный сумрак дома,
Глядел зелёный знойный сад,
И сена душиная истома
Струила сладкий аромат.*¹

Как видим, усиление разграничения пространства дом – сад создаётся посредством включения антонимичных эпитетов *прохладный* – *знойный*. Однако в этой оппозиции пространств уже нет явно выраженной угрозы, наоборот, снимается жёсткая граница: включение в поэтический текст образа сада, который «глядит» в окно и из которого струится «сладкий аромат», реализует семантику направленности проникновения одного пространства в другое. Данная тема в сочетании с антропоморфизмом демонстрирует частотность в поэтическом наследии И. А. Бунина:

*Ветер в раме свистал, раздувал серый
пепел в камине,*

*Градом сёк по стеклу – и опять были
ярки и сини*

*Средиземные зыби, глядевшие в дом...*²

2. Образ дома как реализация темы прошлого. В поэтических строках перед читателем нередко предстаёт жилище, оставленное людьми, заброшенное. И здесь наряду с пространственной происходит актуализация временной семы. Прошлое реализуется в таком образе дома как воплощение «потерянного рая». В текстах И. А. Бунина образ заброшенного дома появляется задолго до разграбления дворянских усадеб и других последствий революции. Интересное замечание о его притягательности и даже традиционности в русской художественной картине

мира делает писатель в романе «Жизнь Арсеньева»: «Сколько заброшенных помещений, запущенных садов в русской литературе и с какой любовью всегда описывались они! В силу чего русской душе так мило, так отрадно запустенье, глушь, распад? Я шёл к дому, проходил в сад, поднимавшийся за домом... Конюшни, людские избы, амбары и прочие службы, раскинутые вокруг пустынного двора, – всё было огромно, серо, всё разрушалось и дичало, как дичали, зарастали бурьяном, кустарником и огороды, гумна, простирившиеся за ними и сливавшиеся с полем. Деревянный дом, обшитый серым тёсом, конечно, гнил, ветшал, с каждым годом делаясь всё пленительнее, и особенно любил я заглядывать в его окна с мелкорешётчатыми рамами... как передать те чувства, что испытываешь в такие минуты, когда как бы воровски, кощунственно заглядываешь в старый, пустой дом, в безмолвное и таинственное святилище его давней, исчезнувшей жизни!»³. И данные строки позволяют утверждать, что образ заброшенного дома являлся именно отражением авторской картины мира, а не возник под влиянием трагических событий начала XX века. Думается, в текстах дореволюционного периода в этом образе находят воплощение авторская концепция неприятия современной цивилизации, для которой ценности материальные оказываются более приоритетными, чем духовные.

На значимость образа старого дома в русской литературе обращали внимание многие исследователи: «Некогда молодой и полный сил барский дом постепенно стареет вместе с хозяевами, многие помещения становятся нежилыми, комнаты «старого дома» закрыты, сад и парк зарастают, но вместе с этим уже «старый дом» наполняется богатой историей, традициями, портретами предков» [5, с. 34].

Особая любовь и щемящее чувство тоски по безвозвратно ушедшему воплощается во многих стихотворениях поэта:

В то селенье, где шли молодые года,

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. СПб.: Лисс, 1993. С. 420.

² Там же. Т. 5, с. 451.

³ Там же. Т. 5, с. 115.

*В старый дом, где я первые песни слогал,
Где я счастья и радости в юности ждал,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.¹*

Положительная семантика контекста передаётся и эпитетному комплексу *старый дом*. В этой связи ещё одним аргументом в пользу трактовки *дом* – «потерянный рай» можно привести замечание, сделанное Ю. Мальцевым в книге «Бунин»: «Такие эпитеты как «ветхозаветный», «древний», «первобытный», «первозданный» и проч. всегда означают у него качественное превосходство» [3, с. 41]. Дом становится своеобразным семиотическим знаком ценностной системы координат:

*Как нищая вдова, что плачет в час ночной
О муже и ребёнке, как пророки
Мой древний дом оплакали со мной,
Так проливает мир кровавых слёз потоки.²*

3. Отчий дом как реализация темы родины, безвозвратно утраченной. С этим значением связана универсальная для языковой картины мира семантическая оппозиция *свой / чужой*, реализуемая в лексеме *дом*. Однако в текстах И. А. Бунина 1920-х годов в ней начинает звучать авторская коннотация, транслирующая одновременно личностный и общественный глубоко трагичный опыт: потерю усадьбы / дома, а позднее и родины:

*У птицы есть гнездо, у зверя есть нора.
Как горько было сердцу молодому,
Когда я уходил с отцовского двора,
Сказать прости родному дому!
У зверя есть нора, у птицы есть гнездо.
Как бьётся сердце, горестно и громко,
Когда вхожу, крестясь, в чужой, наём-
ный дом*

С своей уж ветхою котомкой!³

Композиция стихотворения строится на антитезе эпитетных комплексов, определяющих вехи жизненного пути лирического героя: *сердце молодое – ветхая котомка*, а знаками личностной и исторической драмы выступает оппозиция определений к объекту эпитетации *дом*: *родной – чужой*,

наёмный. «В рамках оппозиций актуализируется не только собственно лексическая семантика, но и коннотативная семантика... слова» [4, с. 79]. И тема странничества не дополняется здесь традиционным для русской литературы поиском себя, наоборот, горечь утраты лишает путь смысла и цели.

4. Дом как реализация темы дороги. Анализируемый нами образ становится отправной точкой движения во внешний мир. Лирический герой И. А. Бунина часто не только является наблюдателем сосуществования двух пространств (внешний мир и дом), но и оказывается в процессе пути, начатого именно из дома:

*В полночь выхожу один из дома,
Мёрзло по земле шаги стучат,
Звёздами осыпан чёрный сад
И на крышах – белая солома:
Трауры полночные лежат.⁴*

Для лирического героя подобный переход во многом есть попытка преодоления себя и познания иного мира: пространство внешнее наполнено звуком и цветом (*шаги стучат, звёзды, чёрный сад, белая солома*). Это движение в иной мир в поэтических текстах автора может иметь как прямое, так и символическое значение, реализуя развёрнутую метафору «путь – жизнь».

5. Образ дома в раскрытии темы одиночества. Вопреки традиционному восприятию, ассоциирующему жилище с семьёй, в поэзии И. А. Бунина дом становится местом прибежища оставленного всеми человека:

*Облака, как призраки развалин,
Встали на заре из-за долин.
Тёплый вечер тёмен и печален,
В тёмном доме я совсем один.⁵*

Лирический герой нередко именно в доме ощущает свою отчуждённость и покинутость:

*Иль он узнал, что я тоскую,
Что я один? что в дом ко мне
Лишь снег да небо в ночь немую
Глядят из сада при луне?⁶*

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. СПб.: Лисс, 1993. С. 402.

² Там же. Т. 5, с. 393.

³ Там же. Т. 5, с. 471.

⁴ Там же. Т. 6, с. 363.

⁵ Там же. Т. 5, с. 302.

⁶ Там же. Т. 5, с. 322.

Хронотопический образ реализует значение изолированного пространства, в котором существует персонаж и где нет места для других. Образ дома психологически близок образу лирического персонажа, и в некоторых произведениях его можно рассматривать в качестве предметного воплощения alter ego героя, так как, по точному замечанию М. А. Дубовой, пространство дома «традиционно считается продолжением внутреннего пространства человека» [1, с. 10].

6. С образом дома связана у поэта и реализация темы тишины. Внутреннее пространство оказывается акустически маркированным. Бунинский дом, часто покинутый, заброшенный, заполнен тишиной, он предстаёт непроницаемым для внешних звуков:

Уж близок день, прошёл короткий сон –
И, в доме тишины не нарушая,
Неслышно выхожу из двери на балкон
И тихо светлого восхода ожидаю...¹

Вообще стоит отметить, что отсутствие звуков в доме – излюбленный авторский приём. Для создания данной характеристики автор активно использует эпитеты *тихий, молчаливый*:

Ночь зимняя мутна и холодна,
Как мёртвая, стоит в выси луна.
Из радужного бледного кольца
Глядит она на след мой у крыльца,
На тень мою, на **молчаливый дом**
И на кустарник в инее густом.²

В этой особой тишине имплицитно реализуется значение изолированности внутреннего пространства от внешнего мира.

7. Образ дома как реализация темы смерти. Внешнему миру, как мы уже отмечали выше, часто противопоставляется тишина внутреннего пространства: жизнь с её шумом остаётся за стенами, а с образом покинутого дома связывается тема смерти:

Вкруг дома глушь и дичь. Там клёны и осины,
Приюты горлинок, шиповник, бересклет...
А в доме **рухлядь, тлен**: повсюду паутины,

Все двери заперты... И так уж много лет.³

Поэтический контекст становится основным инструментом репрезентации авторского восприятия объектов окружающей действительности. Как видим, в данном отрывке оппозиционный характер двух пространств подчёркивается как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях.

Тема смерти получает воплощение и через сравнение *тихий дом – могила*:

Вдали синели тучки небосклона
И умирал спокойный серый день,
Меж тем как **в доме, тихом, как могила**,
Неслышно одиночество бродило.⁴

Образ реализуется в ряде произведений («Ночь и дождь, и в доме лишь одно...», «Запустение», «Кошка»), что позволяет говорить о его аксиологической значимости в художественном пространстве автора:

Кошка в крапиве за домом жила.

Дом обветшалый молчал, как могила.

Кошка в него по ночам приходила

И замирала напротив стола.⁵

Изобразительно-выразительный эффект сравнения, как видно из примеров, усиливается ярким фоном эпитетов и контекстных партнёров:

Ночь и дождь, и в **доме** лишь одно

Светится в сырую тьму окно,

И стоит, молчит **гнилой, холодный дом**,

Точно склеп на **кладбище глухом**...⁶

Дом сравнивается со склепом, актуализируя, помимо пространственной, сему времени. Близкий конец существования подчёркивается эпитетами *гнилой* и *холодный*.

Однако тема смерти, реализующаяся в образе дома, получает в поэтическом наследии И. А. Бунина и несколько неожиданное звучание. В стихотворении «Запустение» дом становится полноправным участником, обретает собственный голос, призывающего смерть не только как избавление, но и как неизбежный этап, определяющий ход времени и смену всего живого на земле, помогает читателю понять глубину хроно-

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. СПб.: Лисс, 1993., с. 378.

² Там же. Т. 5, с. 373.

³ Там же. Т. 6, с. 423.

⁴ Там же. Т. 5, с. 318.

⁵ Там же. Т. 6, с. 463.

⁶ Там же. Т. 6, с. 453.

топического образа, репрезентирующего авторскую картину мира:

<...> Над домом реет тленье,
И скупое в нём мерцает огонёк.
Уж свечи нагорели и темнеют,
И комнаты в молчанье цепенеют,
А ночь долга, и новый день далёк.
Часы стучат, и старый дом беззвучно
Мне говорит: «Да, без хозяев скучно!
Мне на покой давно, давно пора...
Поля, леса – всё гложет без заботы...
Я жду весёлых звуков топора,
Жду разрушенья дерзостной работы,
Могучих рук и смелых голосов!
Я жду, чтоб жизнь, пусть даже в грубой силе,
Вновь расцвела из праха на могиле,
Я изнемог, и мёртвый стук часов
В молчании осенней долгой ночи
*Мне самому внимать нет больше мочи!»*¹

Посредством монолога этого метафорического образа транслируется авторская философия жизни. «Космичность мышления Бунина накладывает отпечаток на всю систему художественных образов писателя, с помощью которых автор стремится понять психологические, религиозные и социальные корни человеческого бытия,

вникнуть в суть объектов и происходящих вокруг событий» [7, с. 464].

Заключение

Проанализированные стихотворения И. А. Бунина позволяют сделать вывод, что образ дома в мировоззрении и поэтическом пространстве автора, безусловно, сохраняет свой универсальный архетипический характер, однако сам лирический герой оказывается в большинстве случаев вне его пространства. Дом реализует символическое начало пути, оставленное в прошлом, вызывающее воспоминания, но не дающее надежды и опоры в настоящем. Стихийный характер окружающего дом пространства усиливает трагическое ощущение жизни, в которой персонаж одинок и бесприютен. Не являясь в большинстве стихотворений непосредственно центральным героем, образ дома, тем не менее, становится транслятором как аксиологической системы координат языковой личности, так и её индивидуальной картины мира.

Статья поступила в редакцию 20.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубова М. А. Лексема «Дом» как содержательный компонент концепта «Пространство» в рассказе Б. Пильняка «Старый дом» // Рациональное и эмоциональное в русском языке – 2018: Сборник трудов Международной научной конференции (г. Москва, 23–24 ноября 2018 г.) / ред. колл.: Н. Б. Самсонов (отв. ред.) и др. М.: ИИУ МГОУ, 2018. С. 10–13.
2. Леденёва В. В. Заметки о языковом облике начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2010. №2. С. 78–81. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.07.2020).
3. Мальцев Ю. Бунин. М.: Посев, 1994. 432 с.
4. Мухина Е. А. Семантические оппозиции в лирическом духовном стихе // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2017. №5 (166). С. 77–80.
5. Мясникова Т. С. Концепт «старый дом» в рассказе А. П. Чехова «Дом с мезонином (рассказ художника)» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2016. №1. С. 34–38.
6. Серебренникова Н. Г. К вопросу о значении термина «поэтема» // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. №1. URL: www.evestnik-mgou.ru (дата обращения: 10.07.2020).
7. Усманова Л. А. Природные стихии сквозь призму авторских перцепций (на материале языка произведений И. А. Бунина) // Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: Сборник научных трудов. Елец: Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, 2015. С. 462–471.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. СПб.: Лисс, 1993. С. 319.

8. Фадеева Т. М. Сложный эпитет как отражение эволюции художественного сознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. №6. С. 44–49.

REFERENCES

1. Dubova M. A. [Lexeme "house" as a meaningful component of the concept "Space" in the story "Old House" by B. Pilnyak]. In: *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke – 2018* [Rational and Emotional in Russian – 2018]: Proceedings of the International Scientific Conference (Moscow, November 23–24, 2018) / editorial board: N. B. Samsonov (editor-in-chief) et al. Moscow: MRSU Ed. off. Publ., 2018, pp. 10–13.
2. Ledeneva V. V. [Notes on the linguistic appearance of the early twentieth century]. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2010, no. 2, pp. 78–81. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.07.2020).
3. Mal'tsev Yu. *Bunin*. Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p.
4. Mukhina E.A. [Semantic oppositions in lyric spiritual verse]. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk State University], 2017, no. 5 (166), pp. 77–80.
5. Myasnikova T. S. [The concept of "old house" in the A. Chekhov's story of "House with a mezzanine (artist's story)"]. In: Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 2016, no. 1, pp. 34–38.
6. Serebrennikova N. G. [On the question of the meaning of the term "poetema"]. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2017, no. 1. Available at: www.evestnik-mgou.ru (accessed: 10.07.2020).
7. Usmanova L. A. *Prirodnye stikhii skvoz' prizmu avtorskikh pertseptsii (na materiale yazyka proizvedenii I. A. Bunina)* [Natural elements through the prism of author's perceptions (based on the language of works by I. Bunin)]. In: [The creative heritage of I. Bunin in the context of modern humanitarian studies. Collection of scientific papers]. Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin, 2015, pp. 462–471.
8. Fadeeva T. M. [Complex epithet as a reflection of the evolution of artistic consciousness]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2013, no. 6, pp. 44–49.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фадеева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: tatjanaf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana M. Fadeeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Slavic Philology, Moscow Region State University;
e-mail: tatjanaf@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фадеева Т. М. Образ дома и средства его создания в поэтических текстах И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 43–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-43-50.

FOR CITATION

Fadeeva T. M. House Image and the Means of Its Creation in the Poetic Texts of I. Bunin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 43–50.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-43-50

УДК 811

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-51-59

ФОРМАЛЬНАЯ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВЕСНОГО ОБРАЗА «ВЕТЕР ДУЕТ» В ТЕКСТАХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И. А. БУНИНА

Халикова Н. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель исследования – описание способов языковой репрезентации образной константы «ветер дует» в пейзажном дискурсе И. А. Бунина и анализ речевых форм и семантической структуры словесного образа.

Процедура и методы исследования. Автором проанализирована сумма сверхсловных контекстов, содержащих словесный образ «ветер дует», выявлены парадигматические и синтагматические свойства субъектного и предикатного компонента образной константы, описаны лексические, стилистические и эстетические функции членов парадигмы. Путём статистического анализа уточняется частотность словесного образа. Посредством описательного и сопоставительного анализа выявляется полисемантическая структура образа, уточняется количество лексико-семантических вариантов и их образных значений, направление мотивации. Автор развивает предложенный им ранее метод лингвистического анализа категории образности прозаического текста по образным константам, связанный с изучением устойчивых и воспроизводимых языковых структур художественного мышления писателя.

Результаты исследования заключаются в применении основных положений теории оценки в лингвистическом анализе текста. Были выявлены способы идиостилевого формального варьирования в языке Бунина.

Теоретическая и / или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в методику лингвистического анализа текста. В статье выделены поэтические приёмы функционирования словесных образов, стадии формирования целостного образного значения в особом типе речевой единицы художественного текста.

Ключевые слова: категория образности, словесный образ, семантическая структура образа, «ветер дует», образная константа, И. А. Бунин

FORMAL AND SEMANTIC STRUCTURE OF THE ARTISTIC IMAGE "THE WIND BLOWS" IN I. BUNIN'S FICTION

N. Khalikova*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. Description of language representation of the figurative constant "wind blows" in landscape discourse of I. Bunin and analysis of speech forms and semantic structure of the verbal image.

Methodology. The author analyzes the sum of contexts containing the word image "wind blows", identifies the paradigmatic and syntagmatic properties of the subject and predicate component of the image constant, and describes the lexical, stylistic, and aesthetic functions of the paradigm members. By statistical analysis, the frequency of the verbal image is specified. Through descriptive and comparative analysis, the image's polysemantic structure is revealed, the number of lexical and semantic variants and their figurative meanings are specified, and the direction of motivation is specified. The author develops the previously proposed method

of linguistic analysis of the category of imagery of a prose text based on image constants, which is associated with studying stable and reproducible language structures of the writer's artistic thinking.

Results. The research results are based on the application of the main provisions of the evaluation theory in the linguistic analysis of the text. Methods of idiostyle formal variation in the Bunin language were identified.

Research implications. The results of the research contribute to the Methodology of linguistic analysis of the text. The article highlights the poetic methods of functioning of verbal images, the stages of forming an integral figurative meaning in a special type of speech unit of a literary text.

Keywords: category of imagery, verbal image, the semantic structure of the image, "wind blows", figurative constant, I. Bunin

Введение

Лингвистический анализ основной единицы языка художественной литературы – словесного образа – интересен исследователю идиостилей в трёх аспектах: а) формы; б) семантической структуры; в) стилистических функций. Материалом нашего анализа словесного образа «ветер дует» является поэтическая и прозаическая речь И. А. Бунина. Это не случайный выбор. Во-первых, творческая лирическая и новеллистическая манера Бунина складывалась очень вдумчиво и без резких изменений на протяжении десятилетий. Во-вторых, лингвистика образности как особый раздел художественной стилистики основана на оппозиции между нормативными речевыми формами (инвариантами) и функционально и семантически нагруженными отступлениями от них. Именно так характеризуется описательный стиль Бунина: его отличает большая изобразительная сила, при этом художественные образы совершенно естественны для русской речи и «не заявляют о себе громко»¹. Рассмотрим языковую структуру словесного образа «ветер дует» лингвостилистически, имманентными языку и его принципам парадигматики методами.

1. Словесный образ – смысловое единство. Описательная форма

Образность понимается нами как интерпретирующая категория художественного текста, отражающая восприятие

действительности субъектом перцепции. Образные единицы неоднородны. Парадигматика языка художественной литературы на различных стадиях формирования образного значения включает разные содержательные формы – от слова-образа *ветер* с идентифицирующим значением, синтагмы (*усталый вихрь*, *тёмный ветер ночи*) – до сверхфразового единства. Основными описательными формами являются сверхсловные, эксплицитно или имплицитно включающие предикатирующие компоненты. *А в поле ветер. День холодный / Угрюм и свеж ...*²; *Но вот по тополям и клёнам / Холодный вихорь пролетел*³. Обратим внимание, как выглядит вольная интерпретация стиля Бунина филологом, занимавшимся творчеством И. А. Бунина (*курсив наш.* – Н. Х.): «В стихах Бунина остро дрожат звёзды, полыхают зори, <...> с диким воем крутится ветер, бегут травы, кусты, деревья, катится гул грома, падают с высоты струистые стены ливней, пылают солнце, горит земля, распаиваются морские бездны»⁴.

Словесный образ – устойчивая единица языка художественной литературы. Со стороны формы предикативное сочетание: «ветер дует», «дождь идёт», «солнце светит», «деревья качаются» – в широком смысле можно назвать минимальной абстрактной описательной формой языка ху-

¹ Любимов Н. Образная память (Искусство Бунина) // Бунин И. А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1988. С. 517.

² Бунин И. А. Не видно птиц. Покорно чашнет... // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 30.

³ Бунин И. А. Соловьи. Там же. С. 37.

⁴ Любимов Н. Образная память (Искусство Бунина) // Бунин И. А. Собрание сочинений в 4 т. Т. 4. М.: Правда, 1988. С. 534.

дожественной литературы (инвариантом), реализуемой в поэтической речи как окказиональный вариант. Например: абстрактная единица «ветер дует» представлена как *Холодный ветер, резкий и упорный, / Кидает нас...*¹ Сверхсловная образная единица идиостилия опирается на кратчайший путь реализации образного значения по принципу «так скажет каждый». В языке художественной литературы подобную отвлечённую конструкцию-инвариант пейзажного дискурса можно называть «образной константой» [8], в литературном языке – «русским предикативным ассоциативным сочетанием (РПАС)», которое хранится и воспроизводится в памяти «как наиболее значимое для носителей языка» [2, с. 10]. Реализуясь в художественной речи как идиостилевой вариант, устойчивая описательная форма может быть названа «поэтическим сращением» [3, с. 25], сложным единством [10, с. 39]. С. Л. Франком был введён термин «предметное сознание» [7, с. 519], который подчёркивает устойчивость окказиональных форм художественного восприятия. Считаем удачными в том числе и такие термины, как *стилистическая форма, образная единица идиостилия*. В поэтическом тексте Бунина языковые стереотипы обычно сдвигаются в парадигматический ряд: *И синие подснежники цветут, / И под ногами лист шуршит дубовый. / И ходят дождевые облака, / И свежим ветром в сером поле дует*².

Сумма поэтических и прозаических контекстов позволяет определить относительно устойчивую описательную форму в речи любого крупного художника. При этом образность поэтического языка, по меткому выражению Шкловского, «отличается ощутимостью своего построения. Ощущаться может или акустическая, или семасиологическая сторона. Иногда же ощутимо построение слов» [9, с. 4].

2. Вариативность предикативного сочетания «ветер дует»

Рассмотрим все отмеченные нами случаи употребления у Бунина вариативности семантически целостного словесного образа, формально совпадающего со свободным предикативным сочетанием «ветер дует».

Инвариантных случаев немного: из 210 собранных контекстов одно употребление в стихотворении «Молодость» и два в рассказе «Весёлый двор». Использование в этой форме соответствует основному, базовому перцептивному значению слова категории состояния типа *ветрено, прохладно, холодно, шумно: Дул ветерок, темневшая река рябила; кузнеца трясло*³. Речевая форма соответствует не авторскому, а персональному, или «наивному», восприятию крестьянина, сельского помещика. Её художественная функция заключается в изображении персонажного типа мышления. Парадигма локативных или темпоральных образных констант у Бунина обычно создаёт стилистический тон литературно-разговорной речи: *Вот вечереет, солнце в тучку село, / Темнеет в котловине, ветер дует, / И ночь идёт...*⁴ Восприятие лирического героя или рассказчика, близкого автору, заставляет Бунина использовать уже глагольные двухкомпонентные языковые варианты: *бушует / шумит / усиливается / кружится ветер*. Гораздо чаще Бунин прибегает к многокомпонентной модели, включающей в группу подлежащего определение, – «(жёсткий, осенний, горячий, мартовский и т. п.) ветер дует»: *И только ночью, когда бушует / Осенний ветер...*⁵ В группу сказуемого входят словосочетания прежде всего с пространственным, объектным и – реже – качественным значениями (*в лицо, в глаза, в гостиную,*

¹ Бунин И. А. Северное море // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 56.

² Бунин И. А. Молодость // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 тт. Т. 2. М.: Воскресенье, 2006. С. 70.

³ Бунин И. А. Весёлый двор // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 3. М.: Воскресенье, 2006. С. 154.

⁴ Бунин И. А. Бродяги // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 103.

⁵ Бунин И. А. Как все спокойно и как все открыто! Там же. С. 103.

крепко, в лозинах, в поле, в горах, вверху) – всего 20 контекстов.

К особым поэтическим приёмам отнесём манеру Бунина включать в описательную форму распространённый однородный глагольный и реже – атрибутивный ряд. Например: 1) *Ветер дул в гостиную, нёс из белёсого парка холодный пар, туман*¹; 2) *Ветер дул прямо в лицо, задирал, путал волосы и мешал смотреть*². Функция глагольного однородного ряда – психологическое описание, в нём модус перцепции персонажа позволяет наделять названия физиологических реакций чувственными, ментальными коннотациями. Например: *Ветер всё сильнее дул в спину, в голову, леденил затылок, знобил, делал лёгкими ноги*³.

В этой группе нам встречались лишь единичные случаи замены составным именным сказуемым при подлежащем «ветер», такие как: *Ветер стал ласковый, мягкий*⁴. Бунинский ветер только «глагольный» и обычно усилен однородностью глагольного ряда (приём амплификации). Перед предикативной группой обычно используется местоимение в анафорической функции: *Осенний ветер дует — и, звеня, / Гудит вверху. Он влажен и прохладен, / Он опьяняет свежестью меня*⁵. Как видим, использование предикативного сочетания «ветер дует» выполняет и в лирике, и в прозе функцию изобразительной констатации факта, словесный образ не выходит за рамки номинативного значения типичной категории состояния окружающей среды.

3. Идиостилевые варианты словесного образа «ветер дует» со стороны лексической формы

Образная константа «ветер дует» в силу совпадения с языковой формой и семантикой «заложена» в прозу в большей степени, чем в поэтическую речь. Для поэзии Бунина характерны следующие идиостилевые варианты описательной формы, которые были выявлены нами в сумме поэтических контекстов – фрагментов со схожей перцептивной ситуацией и семантикой.

В языке художественной литературы вариативность достигается за счёт членов лексической парадигмы *воздух, вихрь (вихорь), метель, вьюга*, каждый из которых семантически нагружен мифологическими коннотациями. Кроме них, частотными лексическими субститутами у Бунина являются *зыбь, позёмка, буря*. Отмечены единичные образы: *снеговой прах, (белёсое) море (метели, снега)*. Однако анализ их образного значения не будет предметом данной работы. На наш взгляд, в контексте *Темнеет, к ночи поднимается вьюга*⁶ представлен не стилистический вариант словесного образа «ветер дует», а самостоятельный образ, иной мотив, отдельное образное значение в языке художественной литературы. Номинативный компонент, участвующий в образовании предикативного стереотипного сочетания с целостной семантикой в языке художественной литературы, является обычно самостоятельной идеологемой, отдельным понятием, символом: *вьюга кружит, позёмка метёт* и т. д. Лексические субституты входят в другие устойчивые предикативные сочетания, поэтому вопрос о том, варианты ли это указанной в названии статьи единицы, остаётся открытым. Здесь остановимся только на выбранном нами «ветер дует». В языке Бунина в этом словесном ряду и в поэзии, и в прозе доминирует лексема *ветер* (146 словоупотреблений), *ветерок* (7), *вих(о)рь* (5), *порывы ветра* (2).

Из собранных методом сплошной выборки контекстов выявлено следующее

¹ Бунин И. А. Страшный рассказ // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 4. М.: Воскресенье, 2006. С. 261.

² Бунин И. А. Жертва // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 3. М.: Воскресенье, 2006. С. 219.

³ Бунин И. А. Птицы небесные // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 2. М.: Воскресенье, 2006. С. 274.

⁴ Бунин И. А. Святые горы // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 348.

⁵ Бунин И. А. На маяке // Там же. С. 131.

⁶ Бунин И. А. В поле // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 334.

соотношение неатрибутивных и атрибутивных форм компонента «ветер» – 104 / 84 словоупотреблений (без учёта немногочисленных причастий). Состав лексических единиц качественных и относительных прилагательных – 27 / 18. Все употреблены в номинативной функции, окказиональных и экспрессивных единиц нет. По количеству словоупотреблений: *тёплый* (7), *холодный* (6), *осенний* (5), *мягкий* (5), *сырой* (5), *весенний* (4), *сильный* (4). По 2 словоупотребления: *вольный*, *сонный*, *морозный*, *вечерний*, *мартовский*, *свежий*, *влажный*, *летний*, *северный*, *сладкий*, *буйный*. По одному словоупотреблению: *лесной*, *пустынный*, *тоскливый*, *душистый*, *жёсткий*, *шумный*, *усталый*, *чистый*, *лёгкий*, *тёмный*, *полдневный*, *неприятный*, *крепко душивший*, *ласковый*, *предвечерний*, *сухой*, *степной*, *ледяной*, *знойный*, *сухой*, *пыльный*, *южный*, *сарматский*, *горячий*, *полевой*, *северо-западный*.

Как видим, группа подлежащего соответствует общезыковым представлениям о ветре и помогает формировать темпоральные (*полдневный*), пространственные (*степной*), оценочные (*ласковый*) компоненты семантики образа. Образное значение в языке Бунина (как и у других классиков) формируется именно предикативной группой. Словесные образы стихий являются глагольными по преимуществу. Одним из основных относительно нейтральных производных стилистических вариантов от «ветер дует» является в поэзии и прозе Бунина описательная форма с глаголом *веять* и его производными (19 примеров): *Повеет ветер — и замрёт...*¹ Этот словесный образ всегда находится в перцепции лирического героя, содержит обычно положительные коннотации от ощущения молодости, любовной грусти, перемен, радости бытия, счастья, поддерживается лексическим составом соответствующих семантических групп (*весенний*, *лёгкий*, *ласково*, *веселей* и т. п.) – например, в стихотворениях «Гаснет вечер, даль синее», «Отрывок» и др. В структуру этой формы обычно входит

творительный содержания: *весенней свежестью полей* («Затрепетали звёзды в небе»), *лёгкой свежестью воды* («За рекой луга зазеленели»), *солёной свежестью* («Зеленоватый свет пустынной лунной ночи»).

Вторым основным идиостилевым вариантом назовём «ветер несёт / носит» (21 контекст). Структура этого словесного образа семантически и грамматически очень сложна, поэтому рассмотрим её более обстоятельно в другой работе. «Ветер носит» представляет собой своеобразную оппозицию предыдущего образа, так как насыщен отрицательными коннотациями: *Пронеси, вольный ветер, скорей эту жуткую ночь!*² Если «ветер веет» в большей степени связан с ЛСП «запах» и «свет», то «ветер носит» насыщен звуковой и цветовой семантикой и символикой, сопровождающей мотивы одиночества, тоски, безумия, смерти: *чёрный, шум, гул, крики чаек, красные искры, смех, песнь, из глубины глухой шум Вечности* и т. п. Например: *Ветер несёт по мостовой эту белёсую пыль и шуришит на бульварах тощими и почерневшими акациями...*³

4. Семантическая структура словесного образа «ветер дует»

Основное образное значение описательной формы создаётся глагольным компонентом на основе когнитивной метафоры в русском языке, является устойчивым и воспроизводимым. Формирование образного значения проходит несколько стадий – сначала на лексико-грамматическом уровне русского языка, затем в языке художественной литературы.

На первой стадии в литературном языке формируется совокупность лексико-семантических вариантов стереотипного словосочетания «ветер дует». Образная константа становится смысловым единством, аналогом полисеманта. Укажем его примерную структуру.

Ветер дует – 1) состояние окружающей среды, температурная оценка (А *ветер, мягкий и сырой*, / Глаза тихонько закрыва-

¹ Бунин И. А. Полями пахнет – свежих трав... // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 90.

² Бунин И. А. Смотрит месяц ненастный // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 95.

³ Бунин И. А. Без роду-племени. Там же. С. 401.

ет¹); 2) изменение состояния в пространстве (*Ветер стоны несёт...*²); 3) механическое воздействие на объект (*И ветер, как шалый, со стуком рванул к себе раму, с шелестом и шумом деревьев ворвался в комнату и мгновенно вырвал свет из лампы*³); 4) темпоральная оценка, указание на время суток, года (*Летом, когда светит солнце, дует тёплый ветер и вода легко плещется в море...*⁴); 5) перен. Сообщение о воздействии на внутренний мир персонажа (*Хотелось вместе с вихрем шумным / Кружиться по лесу, кричать*⁵).

Для каждого из этих семантических вариантов характерно сочетание с определёнными группами глаголов: *веет, леденит; шумит, затихает, замирает, воет, ударяет, бьёт, валит, поднимается, кружится, улёгся, играет, веселит* и т. д. Семантическая структура «ветер дует» опирается на следующие оппозиции: действие направленное – ненаправленное, сильное – слабое (семы 'пространство', 'порядок', 'хаос', 'скорость'), холодный – тёплый (семы оценки 'злой' – 'ласковый'), шуметь – затихать (сема 'звук'). У образной константы богатый образно-ассоциативный потенциал, легко актуализируемые оценки, чаще неодобрительные, отрицательные и эмотивно насыщенные. Вышеперечисленные и некоторые другие семы проявляют себя на второй стадии формирования переносного языкового значения на фразеологическом уровне: *иной ветер подул, с попутным ветром принесло* (сема 'время'); *ветер в карманах гуляет* (семы 'пустота / пространство'), *с ветерком* (сема 'стремительно / беззаботно'), *как ветер в поле, бросать на ветер* (семы 'пустота', 'одиночество', 'легкомыслие').

На следующем уровне образного переосмысления в языке художественной литературы на основе когнитивной метафоры в национальной художественной картине мира и возникают изучаемые

нами модели предикативного варьирования. Совокупность метафор, вошедших в семантическую структуру одного словесного образа, получила название **образной парадигмы** (термин Н. В. Павлович⁶). Образное значение устойчивой единицы ЯХЛ включает семы темпоральности (*летний, предвечерний* ветер), локативности, состояния, качества и оценки (*ласково обвевал, любовно пел*), звучания (*ревел, выл*), субъекта (*Герой – как вихрь, срывающий палатки* («Мудрым»)), объекта, орудия, содержания, количества. В каждой модели стилистической формы актуализируется один или несколько из вышеперечисленных аспектов семантики образа. Это зависит от выдвигаемого образной парадигмой предиката. В следующем примере образные парадигмы «ветер» – «движение», «ветер» – «звук» актуализируют пространственную семантику: *А по саду пустому кружит ветер / И, листья подметая по аллеям, / Гудит в берёзах старых...*⁷

Олицетворяющее начало художественной литературы переформирует компонентный состав словесного образа так же, как это происходит при образовании всякого переносного значения (путём семантического переноса). В вариантах «ветер гонит что» или «ветер играет с чем» в поэтическом контексте возникает хорошо ощущаемый перенос языковой семантики на основе олицетворения субъекта, который не ощущается по причине стёртости в литературном языке: *Ветер в небе гонит / Свинцовые и дымчатые тучи*⁸. Важно подчеркнуть, что изменение семантической направленности происходит не в отдельных компонентах «ветер», «гонит / играет», а в целостном сверхсловном единстве – поэтическом «сращении». В поэтическом языке словесный образ – целостная семантическая единица.

¹ Бунин И. А. Бушует полая вода. Там же. С. 36.

² Бунин И. А. Костёр. Там же. С. 47.

³ Бунин И. А. Без роду-племени. Там же. С. 405.

⁴ Бунин И. А. Велга. Там же. С. 387.

⁵ Бунин И. А. Шумели листья, облетая. Там же. С. 94.

⁶ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2 т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 896 с.

⁷ Бунин И. А. Отрывок // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 96.

⁸ Бунин И. А. Голуби. Там же. С. 82.

Сравнение с образностью в естественном языке помогает проследить стадии формирования образного значения. В языке художественной литературы первичные реакции сознания включаются в общую систему вторичных значений, через которую видна вся образная система языка [11, с. 413].

В результате уже в языке художественной литературы словесный образ «ветер дует» имеет следующие основные и производные значения (приводим метадаанные с помощью указанного словаря Н. В. Павлович¹, используя свои примеры).

I. Ветер – живое существо

1.1. Ветер-человек (бродяга, шаман): *Ответь мне, ветер буйный и тоскливый!* («Ковыль»); *Шатается в сухом бурьяне ветер / И что-то шепчет, словно в забытии!* («Бродяги»).

1.2. Ветер – дух: *А когда ветер, как дух, как живой, убегает, кружась, в дальние аллеи...* («Без роду-племени»).

1.3. Ветер – животное, птица, змея: ... *И завывая в поле зверем, / Они разрушат старый терем* («Листопад»); *Усталый вихрь шипящую змеёю / Скользит и жжёт своим сухим огнём* («Морозное дыхание метели...»); *Вдруг ветер <...>, как огромное стадо птиц, с шумом и свистом проносится по крыше* («Сосны»).

II. Ветер – движение. Формируется глаголами и словосочетаниями глагол + наречие со значением интенсивного движения: (*быстро*) бежит, играет, крадётся, (*бешено*) кружится, поднимает, мечется, лежит, летит.

III. Ветер – тело. Формируется глаголами телесных реакций (*лежит, плачет, дышит*) и соматизмами (*рука, рот, нога, грудь, крылья*): *Потяжелее выбирает вал, / Напрягши грудь, на нём взмывает пену / И бьёт его о каменную стену* («Северное море»); *Тёмный ветер ночи / Дождём холодных слёз его кропил* («Любил он ночи тёмные в шатре...»).

IV. Ветер – звук, музыка, речь, колокольный звон: *Сонный зимний ветер надо*

мною поёт («Скачет пристяжная, снегом обдаёт...»).

V. Ветер – орудие: *Холодный ветер затягивал окрестности туманной сеткой дождя* («Учитель»).

5. Стилистические функции словесного образа в текстах произведений

О способах реализации мифологических и символических значений пейзажных образов в текстах Бунина уже сказано многими филологами [1; 4; 5; 6], поэтому обратим внимание только на некоторые стилистические приёмы. В лирических произведениях небольшого объёма «Молодость», «Отрывок», «Бродяги» и др. описательная (констатирующая, внешняя) форма словесного образа может быть противопоставлена или сопоставлена с экспрессивным, метафорическим идиостилевым вариантом как внешнее и внутреннее, скрытое настроение, чувство. Языковая форма *бушует ветер / дует ветер* сменяется во второй части текста иносказательным развёрнутым образом. В прозаических текстах «Учитель», «В поле», «Без роду-племени» образный ряд «ветер дует» строится по принципу градации с нарастающей экспрессией.

Основная, на наш взгляд, функция психологического соответствия состояния природы состоянию рассказчика и персонажа выполняется за счёт сложной перцептивной оценки изображённого пространства, как, например, в стихотворении «Огонь», где *Ночной холодный ветер с моря / Внезапно залетает в бор: / Он, бешено кружась, бросает / В костёр истлевший хвойный сор – / Но ветер пролетает мимо, / Теряясь в чёрной высоте, / И ветру отвечает гулом / Весь бор, невидный в темноте*². Ветер активно связан семантическими отношениями с ЛГ «звук», «облака», «земля», «запах». Как отмечал Ю. Айхенвальд, «каждое событие у Бунина помещается <...> в гнезде неизбежно соответствующих слов, <...> эти слова подобраны с классической красотой

¹ Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. В 2 т. Т. 2. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 330–344.

² Бунин И. А. Огонь // Бунин И. А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т. 1. М.: Воскресенье, 2006. С. 153.

и безусловной убедительностью» [1, с. 124]. Особенно часто возникают такие парные образы, как *ветер – шум, ветер – пыль, ветер – берёзы, ветер – дым, ветер – колокольный звон*. Каждому из них соответствует своё семантическое наполнение. В рассказах и повестях словесные образы *ветра* выполняют роль мотива, символического сопровождения описания времени, тяжёлой судьбы и духовной трагедии персонажа или рассказчика.

Заключение

Словесные образы можно изучать как единицы языка художественной литературы так же последовательно, как всякие

знаки, языковые структуры, используя триаду «форма – семантика – функция». Грамматические и лексические категории помогают увидеть стереотип в построении речевой модели восприятия предмета, явления действительности. Текстовые категории позволяют соотнести эстетическое и языковое содержание и определить окказиональное как типичное и воспроизводимое явление в идиостиле, в языке писателя. Словесные образы поддаются относительно точному лексикографическому анализу, если идти в их изучении от формы к функции и содержанию.

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей: В 2 т. Т. 2. М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1998. 288 с.
2. Букаренко С. Г. ИмPLICITная сторона механизма сочетаемости как фиксация связей русской языковой картины мира (ассоциативный качественно-количественный аспект). М.: Интернаука, 2017. 446 с.
3. Винокур Г. О. О языке художественной литературы. М.: Высшая школа, 1991. 447 с.
4. Мещерякова О. А. Когнитивный аспект пейзажа в дискурсе И. А. Бунина // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые Гуманитарные исследования. 2015. №4. С. 216–219.
5. Николина Н. А. Рассказ Бунина «Холодная осень»: концептуализация времени // Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. С. 139–143.
6. Сапрыкина М. В. Лингвокультурологические характеристики метеорологических лексем, обозначающих ветер // Поливановские чтения. 2018. №12. С. 139–144.
7. Франк С. Л. Предмет знания: об основах и пределах отвлечённого знания. СПб.: Наука, 1995. 656 с.
8. Халикова Н. В. Об образности художественной прозы // Русский язык в школе. 2004. №3. С. 90–96.
9. Шкловский В. Б. Потебня // Сборник по теории поэтического языка. Петроград, 1919. С. 3–6.
10. Энгельгардт Б. М. Феноменология и теория словесности. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 464 с.
11. Юрина Е. А. Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия. Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2006. С. 403–430.

REFERENCES

1. Ajhenval'd Yu. *Siluety russkikh pisatelej* [Silhouettes of Russian writers]: in 2 vol. V. 2. Moscow, Terra-Knizhnyj klub; Respublika Publ., 1998. 288 p.
2. Bukarenko S. G. *Implicitnaya storona mekhanizma sochetaemosti kak fiksaciya svyazej russkojazykovoj kartiny mira (associativnyj kachestvenno-kolichestvennyj aspekt) aspekt* [Implicit side of the mechanism of compatibility as a fixation of the connections of the Russian language picture of the world (associative qualitative and quantitative aspect).]. Moscow, Internauka Publ., 2017. 446 p.
3. Vinokur G. O. *O yazyke khudozhestvennoj literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 447 p.
4. Meshcheryakova O. A. *Kognitivnyj aspekt pejzazha v diskurse I. A. Bunina* [Cognitive aspect of landscape in I. Bunin's discourse]. In: *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Novye*

- Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Orel State University. Series: New Humanitarian research], 2015, no. 4, pp. 216–219.
5. Nikolina N. A. *Rasskaz Bunina «Holodnaya osen'»: konceptualizaciya vremeni* [Bunin's short story "Cold autumn": conceptualizing time]. In: *Filologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text]: textbook for students of higher educational institutions. Moscow, Publishing center "Academy", 2003, pp. 139–143.
 6. Saprykina M. V. *Lingvokul'turologicheskie harakteristiki meteorologicheskikh leksem, oboznachayushchih veter* [Linguistic and cultural characteristics of meteorological lexemes denoting wind]. In: *Polivanovskie chteniya* [Polivanovsky readings], 2018, no. 12, pp. 139–144.
 7. Frank S. L. *Predmet znaniya: ob osnovah i predelah otvlechenogo znaniya* [Subject of knowledge: about the basics and limits of abstract knowledge]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1995. 656 p.
 8. Khalikova N. V. *Ob obraznosti hudozhestvennoj prozy* [On the imagery of fiction]. In: [Russian language in school], 2004, no. 3, pp. 90–96.
 9. Shklovskij V. B. *Potebnya*. In: *Sbornik po teorii poeticheskogo yazyka* [Collection on the theory of poetic language], Petrograd, 1919, pp. 3–6.
 10. Engel'gardt B. M. *Fenomenologiya i teoriya slovesnosti* [Phenomenology and theory of literature]. Moscow, New literary review Publ., 2005. 464 p.
 11. Yurina E. A. *Obraznost' v sisteme leksiko-semanticheskikh kategorij yazyka* [Imagery in the system of lexical and semantic categories of language]. In: *Filologiya i filosofiya v sovremennom kul'turnom prostranstve: problemy vzaimodejstviya* [Philology and philosophy in the modern cultural space: problems of interaction]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2006, pp. 403–430.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Халикова Наталья Владимировна – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка имени профессора П. А. Леканта факультета русской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: nathalik@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia V. Khalikova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of modern Russian Language named after Professor P. A. Lekant, Moscow Region State University;
e-mail: nathalik@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Халикова Н. В. Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-51-59.

FOR CITATION

Khalikova N. V. Formal and Semantic Structure of the Artistic Image "The Wind Blows" in I. Bunin's Fiction. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 51–59.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-51-59.

УДК 81. 42

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-60-67

НОМИНАТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ДЕТЕРМИНИРУЮЩИМИ СЛОВОФОРМАМИ В ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ И. А. БУНИНА

Шаповалова Т. Е.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель статьи состоит в исследовании формы, семантики и функций номинативных предложений в поэтических текстах И. А. Бунина.

Процедура и методы исследования. Автором статьи проведён структурно-семантический анализ номинативных предложений, извлечённых сплошной выборкой из поэтических текстов И. А. Бунина, с использованием методов наблюдения, обобщения и интерпретации.

Результатом исследования стало выявление особенностей структуры, функций, лексической и грамматической семантики номинативных предложений. Показано, как усложняется смысловой объём бунинского поэтического высказывания, усиливается его функциональная направленность, оказываются слитыми воедино дейктическая и предикатная функции. Такой анализ позволяет увидеть индивидуальную творческую манеру автора.

Теоретическая значимость статьи определяется вкладом в методологию лингвистического описания поэтического текста, востребованностью предложенного подхода при анализе других идиостилей.

Практическая значимость материалов статьи обусловлена возможностью их использования в практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: бытийность, время, детерминант, интонация, независимый номинатив, номинативное предложение, предикативность, пространство, частицы, экзистенциальное настоящее

NOMINATIVE SENTENCES WITH DETERMINING WORD FORMS IN I. BUNIN'S POETIC TEXTS

T. Shapovalova*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytischy 141014, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim is to study the form, semantics, and functions of nominative sentences in the poetic texts of I. Bunin.

Methodology. The author of the article conducted a structural and semantic analysis of nominative sentences extracted by a solid sample from the poetic texts of I. Bunin, using methods of observation, generalization, and interpretation.

Result. The research identified features of the structure, functions, lexical and grammatical semantics of nominative sentences. It is shown how the semantic scope of Bunin's poetic utterance becomes more complex, its functional orientation increases, and the deictic and predicate functions are merged. This analysis allows you to see the individual creative style of the author.

Research implications. The article's theoretical significance is determined by the contribution to the Methodology of linguistic description of the poetic text, the relevance of the proposed approach in the

analysis of other idiosyncrasies. The practical significance of the article's materials is attributed to the possibility of their use in the practice of teaching philological disciplines.

Keywords: beingness, time, determinant, intonation, independent nominative, nominative sentence, predicativity, space, particles, existential present

Введение

Текст художественного произведения, тем более поэтический, представляет собой сложную структуру, состоящую из многих уровней. Сам поэт «свои стихи, к стати сказать, от своей прозы» не отграничивал, а отмечал, что «и здесь, и там одна и та же ритмика... – дело только в той или иной силе напряжения её»¹. О художественном тексте [2] говорят не только как о «совокупности линейно расположенных знаков», но и как о «совокупности смыслов» [1, с. 98]. Несомненный интерес вызывает изучение разных задач поэтического высказывания: экспрессивных, эмоциональных, интеллектуальных. Для структуры бунинских лирических текстов характерны не громоздкие синтаксические конструкции², а односоставные номинативные предложения [8, с. 19–21]:

- нерасчленённые: *И цветы, и шмели, и трава, и колосья, И лазурь, и полуденный зной...*³; *Ненастный день*⁴; *Последние мгновения счастья*⁵ – и

- расчленённые: *А в зале сумрак*⁶; *В дачном кресле, ночью, на балконе...* *Океана колыбельный шум...*⁷

Это обусловлено, как показывает наше исследование, творческой манерой, индивидуальным стилем автора. Постижению разных оттенков, составляющих и лексическую, когда в стихотворении наблюдается «самое резкое смещение и печали, и радости, и личных чувств, и страстного

интереса к жизни»⁸, и грамматическую семантику номинативных предложений с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина, посвящена эта статья. Структурно-семантическому анализу подвергаются номинативные предложения, извлечённые методом сплошной выборки из лирических произведений И. А. Бунина.

Нераспространённые и распространённые нерасчленённые номинативные предложения

Имя существительное в независимой позиции именительного падежа, так называемый независимый номинатив, передаёт идею наличия, бытия, существования предмета в объективной действительности: **Весна! Темнеет над аулом**⁹. Семантика бытийности является основой грамматического значения номинативных предложений. Особая восклицательная интонация актуализирует непосредственное восприятие бытия предмета в момент речи, подчёркивает синтаксическое значение временной определённости, имперфективного экзистенциального настоящего [9, с. 87], что подкрепляется последующим контекстом, в котором безличный глагол несовершенного вида в форме настоящего времени посредством флексии *-ет* передаёт значение состояния окружающей среды в момент речи. Кроме восклицательной интонации, создающей модальную рамку ‘вижу, слышу, воспринимаю это’, частицы *вот, вон* принимают участие в передаче наглядного для говорящего и собеседника бытийного значения с дополнительным указательным оттенком: **Вот первый луч**¹⁰; **Вот сад**¹¹. Дополнительная семантика завершенности восприятия бытия предме-

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 18.

² См. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина. С. 7–14.

³ Здесь и далее примеры из произведений Бунина приводятся по: Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 155.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ Там же. С. 38.

⁶ Там же. С. 96.

⁷ Там же. С. 154.

⁸ Там же. С. 14.

⁹ Там же. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 111.

¹¹ Там же. С. 127.

та осуществляется частицами [5, с. 25–34] *вот и, вон и: А вон и озеро, песчаный, белый скат...*¹ В этих предложениях распространителем независимого номинатива выступают атрибутивные второстепенные члены – морфологизованные согласованные определения, выраженные порядковым числительным, неопределённым местоимением, качественным или относительным прилагательными: *первый, чей-то, белый, песчаный*. Такие словоформы способны образовать с главным членом свободные словосочетания по семантической модели ‘предмет и его признак’. Подобные номинативные предложения признаются распространёнными нерасчленёнными. Структурное и смысловое единство приведённого выше сложносочинённого предложения *И цветы, и имели, и трава, и колосья, И лазурь, и полуденный зной...*, состоящего из шести предикативных единиц, создают перечислительная интонация и повторяющийся соединительный сочинительный союз *и*. Именно эти средства связи увязывают части, соотносимые с нераспространёнными и распространёнными номинативными предложениями, в единое смысловое и грамматическое целое – сложносочинённое предложение. В роли главных членов предикативных единиц выступают существительные разных лексико-грамматических разрядов. Конкретные имена, передающие изображение деталей статичной картины, «формируют в номинативных предложениях значение бытийности предмета» [4, с. 95], а отвлечённые, создающие одновременную бытийность «динамических качеств или состояний нескольких предметов», – «значение бытийности ситуации» [4, с. 95]. Лирический герой перемещает свой взгляд наблюдателя с одного объекта на другой, вспоминает воспринимаемое и представляет его номинации, мыслимые и бытующие в реальном настоящем. Диктумный и модусный аспекты семантики предложения соединяются, позволяя подобным конструкциям выполнять дейктическую функцию, когда и лирический герой, и читатель стано-

вятся одновременными наблюдателями воспроизводимой автором картины.

Расчленённые номинативные предложения

Обязательным конструктивным компонентом расчленённых номинативных предложений является детерминант – общий распространитель предикативной основы предложения в целом с разными значениями:

- с притяжательным: *Но вот вам отдых, мир и тишина*²;

- с пространственным: *Справа блеск, Горячий зной сухих песков и моря...*³; *А в поле ветер*⁴;

- с временным: *И вот опять весна*⁵.

Приосновный второстепенный член не распространяет независимый номинатив как лексико-грамматическую единицу, а вносит в односоставное субстантивное предложение дополнительный смысл. По замечанию Г. А. Золотовой, свободная синтаксема, выступающая в роли детерминанта, «служит конструктивно-смысловым компонентом предложений» [3, с. 432].

Расчленённые номинативные предложения мы считаем неэлементарными простыми, поскольку они содержат в своём составе словоформы информативного осложнения предложения [7, с. 115–120] – «результат не-предикативной номинализации целой предикативной единицы» [9, с. 93]: *Под навесами сонного бора* – *Предрассветная тёплая мгла*⁶; *Под люстрой тень меж золотистосмуглых Больших колонн, меж окон полукруглых* – *Портретный ряд; вон Павла плоский лик, Вон шёлк и груди важной Катерины, Вон Александра узкие лосины... За окнами* – *старинная Москва И звёздной зимней ночи синева*⁷. Использование подобных предложений, несмотря на отсутствие глаголов, сообщает событийный характер описанию: номинативные предложения способны на-

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 59.

² Там же. С. 104.

³ Там же. С. 137.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 59.

⁶ Там же. С. 47.

⁷ Там же. С. 141.

полнением конструкции актуализировать важные компоненты объективной реальности, тем самым выполняя предикатную функцию. В поэтическом тексте создаётся общий портрет старинной Москвы, благодаря нанизыванию номинативных предложений организуется ситуация восприятия действительности.

Поэтический текст «Из окна» организован этим гениально реализованным приёмом: *Ветки кедра – вышивки зелёным Тёмным плюшем, свежим и густым, А за плюшем кедра, за балконом – Сад прозрачный, лёгкий, точно дым: Яблони и сизые дорожки, Изумрудно-яркая трава, На берёзах – серые серёжки И ветвей плакучих кружева. А на клёнах – дымчато-сквозная С золотыми мушками вуаль, А за ней – долинная, лесная, Голубая, тающая даль*¹. Конкретные имена яблони, дорожки, трава, серёжки, кружева, вуаль, называющие предметы, сопоставляются с отвлечённым именем *даль* по своей локализации. Однако слова обоих лексико-грамматических разрядов обретают способность стать главным членом односоставного субстантивного предложения, соединяя морфологическую независимость имени существительного падежа с грамматическим значением конструкции – семантикой бытийности и предикативности: реальной объективной модальности и имперфективного экзистенциального настоящего синтаксического времени. От интенции автора зависит ракурс показа действительности, то, какой увидят читатель и лирический герой старинную Москву или на чём они, смотрящие из окна, остановят свой взгляд. Возможности номинативных предложений становятся шире: в них оказываются слитыми воедино дейктическая и предикатная функции.

Расчленённые номинативные предложения с пространственным детерминантом

Детерминирующие словоформы узнаются по особенностям лексического заполнения и синтаксической связи сво-

бодного присоединения к грамматической форме номинативного предложения и служат презентации дополнительной предикации. Как показывает обследование речевого материала, в расчленённых номинативных предложениях с пространственным детерминантом выражается одночленная и двучленная дополнительная предикация.

Осмыслить дополнительную предикацию как явление помогает определённая организация детерминирующего члена: он называет потенциальный субъект дополнительной предикации. При этом семантическая структура номинативного предложения осложняется, поскольку сообщается о наличии, бытии, существовании не одного, а двух предметов, связанных между собой локативными отношениями.

Основой дополнительной одночленной субъектной предикации служат следующие пространственные синтаксемы:

- [предлог *среди* + форма родительного падежа имени существительного]: *Среди кокосов – Лачуги сингалесов...*²;

- [предлог *на* + форма винительного падежа имени существительного]: *На юг – морские зыбкие равнины, На север – голые холмы*³;

- [предлог *за* + форма творительного падежа имени существительного / заменяющего его местоимения]: *За окнами – снега, степная гладь и ширь*⁴; *А за ней – сияющий простор*⁵; *За Мёртвым морем – пепельные грани Чуть видных гор. Полдневный час, обед*⁶; *За ним – пески, страна Нагих бугров*⁷; *За окном свет и зной <...>*⁸;

- [предлог *под* + форма творительного падежа имени существительного]: *А под стенами – красные обрывы И волн густой*

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 87.

² Там же. С. 137.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 54.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Там же. С. 111.

⁸ Там же. С. 143.

аквамарины¹; **Под стенами** – сваи и ступени, В плесени и слизи²;

- [предлог *в* + форма предложного падежа имени существительного]: **В долине** – зной и свет <...>³; **В конюшине** полусумрак и прохладно<...>⁴; **В переулках** – Слякоть, грязь⁵; **В столовых** шумно, говор и рассказы <...>⁶;

- [предлог *на* + форма предложного падежа имени существительного]: **На горе** – заброшенный погост⁷; **На герани, На олеандрах** – веиный алый цвет⁸; **На баке бриз**⁹;

- [предлог *над* + форма предложного падежа имени существительного]: **Вот** – луга и **над оврагом** мост <...>¹⁰.

Отвлечённые и типизированные элементы смысла тем более отражают понимание отношений между их референтами в действительности, если учесть характер распространителей в составе детерминирующего члена. В таких расчленённых номинативных предложениях обнаруживается двучленная дополнительная предикация: **В проломах стен** – корявые оливы И дерева, спутница руин¹¹; **В белой мастерской** Следы отъезда: сор, клочки конверта¹²; За оградой Вижу садик; **в чистом небосклоне** – Голые, прозрачные деревья, И стеклом блестят они, и пахнет Сад вином и мёдом...¹³; **В пустом прохладном зале** только дым <...>¹⁴; **На переплётах рам** – следы ночной пурги...¹⁵; **Над синим понтом** – серые руины, Остатки древней греческой тюрьмы¹⁶. Потенциальный предикат двучленной дополнительной предикации экс-

плицирован распространителем: посредством имени существительного (чаще всего девербатива) или имени прилагательного. Ср.: стены с проломами; мастерская белая; небосклон чистый; зал пустой и прохладный; рамы с переплётами; понт синий.

Семантическая структура расчленённого номинативного предложения получает большее осложнение, если к главному члену относятся согласованные постпозитивные определения, выраженные причастными оборотами и выполняющие двойную семантико-синтаксическую функцию – атрибутивно-предикативную: *И снова вечер, сухо позлативший Дороги, степь и удлинивший тень; И бледный лик, напротив солнца всплывший; И чётко в ясном воздухе застывший Среди бахчей курень*¹⁷.

В лирических произведениях И. А. Бунина есть расчленённые номинативные предложения с пространственными детерминантами, выраженными знаменательными и местоимёнными наречиями: **Далеко внизу** – кайма прибоя, **Здесь** царство снов¹⁸; **Здесь же** яркий зной и свет <...>¹⁹; **Здесь** царство Амазонок²⁰; **Вдали** – седая бездна²¹; **Сверху** – небо, Лента неба в мелких бледных звёздах...²²; **Дальше** – край, Забытый богом²³.

На расчленённый характер конструкции поэт указывает использованием пунктуационного знака – тире, отделяя детерминант от главного члена субстантивного предложения, подчёркивая связь свободного присоединения со всеми структурно-семантическими элементами конструкции.

Расчленённые номинативные предложения с темпоральным детерминантом

В расчленённых номинативных предложениях временная детерминирующая словоформа характеризуется специфиче-

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 71.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 104.

⁴ Там же. С. 109.

⁵ Там же. С. 124.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 105.

⁹ Там же. С. 112.

¹⁰ Там же. С. 31.

¹¹ Там же. С. 71.

¹² Там же. С. 105.

¹³ Там же. С. 126.

¹⁴ Там же. С. 142.

¹⁵ Там же. С. 98.

¹⁶ Там же. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 113.

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ Там же. С. 90.

²⁰ Там же. С. 91.

²¹ Там же. С. 111.

²² Там же. С. 125.

²³ Там же. С. 137.

скими отношениями с главным членом: грамматическая форма структурного типа взаимодействует с его лексико-морфологическим наполнением, определяя структурно-семантическое и типовое значение этих предложений.

Реальная объективная модальность и имперфективное экзистенциальное настоящее синтаксическое время – предикативное значение предложения – опираются на одни и те же средства: независимую позицию субстантива, интонацию сообщения, а бытийное значение характеризуется временной локализацией: *Весь день метель*¹.

Темпоральные детерминанты, представленные временными наречиями с семой повторяемости, рисуют регулярную узальную и всегда обновляющуюся картину: *Вновь дорога: Лазоревое озеро, в кольцо Из белой соли, заросли и дебри*²; *И вот опять – таинственный, коварный, Чуть слышный треск...*³; *Вот снова ночь*⁴; *И снова сумрак и томление...*⁵

Темпоральная сема ‘близкое наступление или приближение чего-л.’ соединена с модальностью долженствования в наречии скоро: *Скоро Троицын день, скоро песня, венки и покосы*⁶; *Скоро ночь <...>*⁷.

Сема ‘близкое будущее’ присутствует в наречии завтра: *Толчётся сеткой мошкара, Шафранный свет над полем реет – И, значит, завтра вновь жара И вновь сухмень*⁸.

Сема ‘в течение долгого времени вплоть до настоящего момента’ содержится в наречии давно: *Давно октябрь, но не уходит лето <...>*⁹.

Наречие вечером транслирует темпоральную сему ‘в это время суток’: *Вечером – туман, молочно-серый, Дымный, непроглядный*¹⁰.

Тем самым временные детерминанты-наречия указывают на степень частотности, кратности бытия предмета, сообщая всей конструкции дейктическую функцию. Семантика имперфективного экзистенциального настоящего подвергается видоизменению, благодаря оттенку временной локализованности, приближает его к значению временной неопределённости, расширяя границы настоящего.

Расчлѐнные номинативные предложения с детерминантной группой

Интерпретативное значение расчлѐнных номинативных предложений с детерминантной группой складывается из суммы смыслов, заданных его структурно-семантическими компонентами, соответствующими роли денотата в определённом фрагменте действительности, – детерминирующими словоформами

- с пространственным и притяжательным значениями: *А там у вас весна*¹¹;

- с временным и пространственным значениями: *Теперь в Москве – балы*¹²; *Не плита, не распятие – Предо мной до сих пор Институтское платье И сияющий взор*¹³;

- с пространственным и ситуативным значениями: *В океане, В закатном блеске, – розовые пятна Недвижных парусов, а сзади, в джунглях, – Сиреневые горы...*¹⁴;

- с временным и ситуативным значениями: *Ночью, звѣздной и студѣной, В тонком сумраке полей – Ослепительно-зелѣный Разрывающийся змей*¹⁵;

- с разными временными значениями: *Затем опять убогое селенье, Десяток нищих хижин*¹⁶;

- с разными пространственными значениями: *Там, в полях, на погосте, В роще старых берѣз, Не могилы, не кости – Царство радостных грѣз*¹⁷.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 108.

² Там же. С. 138.

³ Там же. С. 96.

⁴ Там же. С. 52.

⁵ Там же. С. 55.

⁶ Там же. С. 46.

⁷ Там же. С. 65.

⁸ Там же. С. 89.

⁹ Там же. С. 71.

¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹ Там же. С. 22.

¹² Там же. С. 98.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 138.

¹⁵ Там же. С. 148.

¹⁶ Там же. С. 138.

¹⁷ Там же. С. 151.

Как показывает обследованный материал, соединяться в группу могут детерминанты либо одного, либо разных значений, формируя его семантическую структуру, создавая неэлементарное простое предложение – монопредикативное полипропозитивное.

Заключение

Исследование формы, функций, лексической и грамматической семантики номинативных предложений позволяет увидеть индивидуальные особенности творческой манеры автора, «оценить и осознать мас-

штаб бунинского новаторства» [7, с. 74], когда «у писателя форма неразрывно связана с содержанием и рождается сама собой из содержания»¹. Нерасчленённые и расчленённые номинативные предложения в лирических произведениях И. А. Бунина отображают соответствующие отношения действительности, наполняясь дополнительными семантическими наслоениями и модификациями, при этом смысловой объём поэтического высказывания усложняется, усиливается и его функциональная направленность.

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 462 с.
2. Геймбук Е. Ю. Слово изображающее и слово изображённое в романе В. Каверина «Два капитана» // Филологический класс. 2017. №1 (47). С. 55–60.
3. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 435 с.
4. Мони́на Т. С. Реализация инварианта бытийного значения в простом предложении // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. №1. С. 93–98.
5. Нагорный И. А. Русские частицы как инструмент отражения коммуникационных процессов в речевой сфере // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2018. №4. С. 25–34.
6. Пращерук Н. В. Духовное измерение жизни человека: репутация Бунина-художника и реальность текста // Филологический класс. 2019. №2 (56). С. 73–77.
7. Шаповалова Т. Е. К проблеме осложнения простого предложения // Семантическая структура слова и высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. М., 1993. С. 115–120.
8. Шаповалова Т. Е. К вопросу о модально-временной характеристике номинативных предложений // Семантика слова в контексте высказывания. М., 1996. С. 19–21.
9. Шаповалова Т. Е. Категория синтаксического времени в русском языке: монография. М.: Московский педагогический университет, 2000. 151 с.

REFERENCES

1. Babenko L. G. *Filologicheskii analiz teksta. Osnovy teorii, printsipy i aspekty analiza* [Philological analysis of the text. Fundamentals of theory, principles and aspects of analysis]: a textbook for universities. Moscow, Academic project Publ.; Yekaterinburg, Business book Publ., 2004. 462 p.
2. Geimbukh E. Yu. [The word depicting and the word depicted in the novel "Two Captains" by V. Kaverin]. In: *Filologicheskii klass* [The philological class], 2017, no. 1 (47), pp. 55–60.
3. Zolotova G. A. [The syntactic dictionary. The repertoire of elementary units of Russian syntax]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2001. 435 p.
4. Monina T. S. [Implementation of the invariant of being meaning in a simple sentence]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2007, no. 1, pp. 93–98.
5. Nagornyi I. A. [Russian particles as a tool for reflecting communication processes in the speech sphere]. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2018, no. 4, pp. 25–34.
6. Prashcheruk N. V. [Spiritual dimension of human life: Bunin's reputation as an artist and the reality of the text]. In: *Filologicheskii klass* [The philological class], 2019, no. 2 (56), pp. 73–77.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: в 4-х т. Т. 1. М.: Правда, 1988. С. 17.

7. Shapovalova T. E. *K probleme oslozhneniya prostogo predlozheniya* [The problem complications simple sentences]. In: *Semanticheskaya struktura slova i vyskazyvaniya* [Semantic structure of words and utterances]: Interuniversity collection of scientific papers, Moscow, 1993, pp. 115–120.
8. Shapovalova T. E. *K voprosu o modal'no-vremennoi kharakteristike nominativnykh predlozhenii* [On the question of modal-temporal characteristics of nominative sentences]. In: *Semantika slova v kontekste vyskazyvaniya* [Semantics of a word in the context of an utterance], Moscow, 1996, pp. 19–21.
9. Shapovalova T. E. *Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v russkom yazyke* [Category of syntactic tense in Russian]: monograph. Moscow, Moscow Pedagogical University Publ., 2000. 151 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой современного русского языка имени профессора П. А. Лебанта Московского государственного областного университета, академик Международной академии наук педагогического образования;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatiana E. Shapovalova – Dr. Sci. (Philology), Prof., head of Lekant Department of Modern Russian Language, Moscow Region State University, academician of the International Academy of Sciences of pedagogical education;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шаповалова Т. Е. Номинативные предложения с детерминирующими словоформами в поэтических текстах И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 60–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-60-67

FOR CITATION

Shapovalova T. E. Nominative Sentences with Determining Word Forms in I. Bunin's Poetic Texts. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 60–67.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-60-67

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09 Бунин И. А.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-68-75

ПОЭЗИЯ И. А. БУНИНА В ТВОРЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ В. А. СУМБАТОВА: ПОЭМА «ЛИСТОПАД» И СТИХОТВОРЕНИЕ «ТРИЗНА (ПАМЯТИ БУНИНА)»

Алексеева Л. Ф.

Московский государственный областной университет

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 34, Российская Федерация

Аннотация.

Целью статьи является анализ малоизвестного стихотворения В. А. Сумбатова, выражающего понимание значительности художественного мира поэзии И. А. Бунина, его творческой платформы, родственной для автора «Тризна».

Процедура и методы исследования. Интерпретируется поэтика, внимание обоих поэтов к цветным образам и символам, осознание обоими подчинённого положения поэтики по отношению к духовному содержанию и назначению поэтического текста. Применяются биографический, герменевтический, сравнительный методы.

Результаты. Анализ поэтических текстов и высказываний о сущности литературного творчества ведёт к выводу о принадлежности обоих поэтов к традициям пушкинского направления в поэзии, сопротивления тенденции модернистской игры со словом.

Теоретическая и / или практическая значимость. В статье уточняются некоторые грани литературного процесса XX века и конкретно поэзии Ивана Бунина и Василия Сумбатова.

Ключевые слова: И. А. Бунин, «Листопад», В. А. Сумбатов, «Тризна», традиции, символика цветных обозначений, творческая платформа

POETRY OF I. BUNIN IN THE CREATIVE PERCEPTION OF V. SUMBATOV: THE POEM "LISTOPAD" AND THE POEM "TRIZNA (IN MEMORY OF BUNIN)"

L. Alekseeva

Moscow Region State University

24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract.

Aim is to analyze a little-known poem by V. Sumbatov that expresses an understanding of the significance of the artistic world of I. Bunin's poetry, his creative platform akin to the author of "Trizna".

Methodology. Poetics is interpreted, the attention of both poets to color images and symbols, the awareness of both the subordinate position of poetics to the text's spiritual content and purpose. Biographical, hermeneutic, comparative methods are used.

Results. Analysis of poetic texts and statements about the essence of literary creativity leads to the conclusion that both poets belong to the traditions of Pushkin's direction in poetry, resistance to the trend of modernist play with the word.

Research implications. The article clarifies some facets of the twentieth century's literary process and specifically the poetry of Ivan Bunin and Vasily Sumbatov.

Keywords: I. Bunin, "Listopad" ("Leaf fall"), V. Sumbatov, "Trizna" ("Funeral Feast)," traditions, the symbolism of color symbols, creative platform

Введение

Василий Александрович Сумбатов (Сумбатов-Соколов, 1893–1977) [1] был младшим современником Ивана Алексеевича Бунина (1870–1954), также аристократом, разделившим судьбу русских изгнанников вдали от Родины, на чужбине. Жизненный и творческий путь В. А. Сумбатова освещён в монографии автора данной статьи [1].

Знал ли Сумбатов Бунина?

В пору учения Сумбатова в Московской гимназии (1905–1914), когда формировался его поэтический талант, Бунин был уже известным писателем, – особенно в кругах городской интеллигенции. В 1909 году Бунин стал лауреатом Пушкинской премии Академии наук, затем академиком, активно печатался во многих литературно-художественных журналах, в 1915 году издал первое собрание своих сочинений.

Василий Сумбатов с 11 лет, с осени 1905 г., воспитывался в доме на Поварской, принадлежавшем его двоюродной бабушке, почитательнице русской литературы и истории культуры, – Н. М. Сологуб. Поэзия Бунина была наверняка доступна её внучатому племяннику: в доме имелась богатейшая библиотека, куда поступали и новые периодические, и книжные издания. Сумбатов мог знать или хотя бы наблюдать Бунина со стороны, поскольку был связан с литературной элитой Москвы – через тётушку-бабушку и родственника А. И. Южина-Сумбатова, – драматурга и театрального деятеля, завсегдатая и одного из руководителей Литературно-художественном кружка, в помещении которого в 1910-е годы проходили иногда так называемые «Среды», чаще собиравшиеся в доме Н. Д. Телешова. Активным членом этих заседаний был и автор «Деревни», о

чём имеются многочисленные свидетельства [5, с. 153].

Соотношение поэзии И. Бунина и В. Сумбатова – вполне органичная задача, так как обусловлена родственными историческими и биографическими обстоятельствами, совпадающими или схожими образными рядами, ритмическими и жанровыми ориентирами поэтов (и прозаиков), причастных к литературному процессу, отражавшему события подготовки, реализации и последствий трагического слома русской истории.

В 1918 году, когда Бунин жил в Москве на Поварской в доме тестя Н. Муромцева, Сумбатов вернулся после фронта Первой мировой войны и госпиталя в город, в котором он рос с 11 до 20 лет, где прошла его юность, но в эту пору уже не мог посетить дом, бывший для него родным. В эту пору он тайно жил на ул. Покровка, в здании 4-й мужской гимназии, директором которой был его будущий тесть Н. А. Веригин. Однако на улицу он из квартиры приютившей его семьи выходил, и, конечно, бывший насельник дома Наташи Ростовской посещал знакомые с детства улицы и переулки центра Москвы, разумеется, не в гусарском обмундировании, что было весьма опасно, а в гимназическом, как о том свидетельствовала внучка-историк Елена Сумбатова-Реста¹ [10, с. 99]. Таким образом, одновременно с Буниным (и жившей неподалёку и некоторое время служившей при Наркомнаце, устроенном новой властью в городской усадьбе Н. М. Сологуб, Мариной Цветаевой) они наблюдали одну и ту же взбуждающую мятежом Москву. Мне уже приходилось проводить параллель между поэмой Сумбатова «Без Христа», «Окаянными днями» И. Бунина и очерком Цветаевой «Мои службы» – в связи с ана-

¹ Сумбатова-Реста Е. М. История семьи / перевод с англ. // Роман-журнал XXI век: Путеводитель русской литературы. М., 2003. № 10 (58). С. 98–103.

лизом поэтических картин революционной Москвы [2, с. 334–342]. Сравнение творческих индивидуальностей и соотносённость их с литературным процессом в целом всё более привлекает внимание исследователей И. А. Бунина и поэтов Серебряного века и Русского зарубежья [4; 6; 7; 8].

Стихи В. Сумбатова об Иване Бунине

Специально посвящено памяти Бунина у Сумбатова стихотворение «Тризна» (1964), созданное в городке на севере Италии – Больцано, куда поэт переехал из Рима вместе с семьёй овдовевшей в годы второй мировой войны старшей дочери Натальи. Опубликован этот поэтический текст был спустя 8 лет – в 1972 г. в парижской газете «Русская мысль».

Всё стихотворение, состоящее из 77 строк, вдохновлено бунинским поэтическим миром, поэмой «Листопад», построено на ассоциациях с детализированными картинами этого произведения, цветовыми обозначениями, развитием лирического сюжета. Название «Тризна», по информации в словаре В. И. Даля, означает «поминовение усопших, особенно языческое и мусульманское, и пиршества при сем»¹. Подзаголовок «Памяти Бунина» подчёркивает, что текст посвящён памяти человека, отошедшего в мир иной.

Всё, что запечатлено в стихотворении Сумбатова, последовательно воскрешает атмосферу бунинского «Листопада», о чём автор заявляет в пятой строфе, а в шестой – цитирует начальные две строки известного с 1910-х годов произведения, написанного ещё далеко не прославленным Буниным в 1900 году:

*Как прост и вместе многострунен
Был в нём поэт-художник Бунин!
«Лес будто терем расписной,
Лиловый, золотой, багряный...»
Мне этот лес как край родной!
Любуюсь им, от красок пьяный!..»².*

¹ Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современная версия. М.: Эксмо-пресс, 2001. С. 657.

² Сумбатов В. А. Тризна (Памяти Бунина) // Газета «Русская мысль». Париж. 30 ноября 1972 г., четверг. № 2923. С. 8; опубликовано в России: Роман-журнал XXI век: Путеводитель русской литературы. М.,

Сумбатов переживал бунинский «Листопад» как символический текст, воспроизводящий совершенную красоту божественной природы, великолепие форм и красок, неповторимость каждого мгновения бытия, продлённого искусством поэта. Обстоятельства переносят младшего поэта в атмосферу другой страны, где тоже прекрасна осень. Он восстановил в «Тризне» первое читательское впечатление от стихотворения, воспринятого в окружении иного времени года. Теперь же отношения между автором и читателем приобретают противоположную направленность: сама осенняя пора вызывает в памяти давно пережитое произведение искусства, представляя внутреннему взору словесную картину, плод мастерства русского поэта, покинувшего сей мир:

*Я «Листопад» читал весной,
Но встала осень предо мной,
Затмив живую зелень мая
Своей цветистой епанчой,
Багрянцем, пурпуром мерцающей
И золотистой парчой»³.*

Краски, их обозначения, изображённая Буниным картина действий персонифицированной Осени для лирического героя «Тризны» своеобразный повод погрузиться в родное, мысленно очутиться в русском лесу, которому посвящено немало страниц и в других произведениях Бунина (например, «Костёр», «На дальнем севере», «В пустынной вышине...», «Вирь», «После половодья», «Лес шумит невнятным, ровным шумом...»)⁴, и в поэзии Сумбатова (например, «После дождя», «В лесу», «С природой», «Осень», «Отдых», «Лучи», «Утро в лесу», «Осенние краски», «Ку-ку»)⁵.

2006. №10 (92). С. 94.

³ Там же.

⁴ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1 / сост. Н. М. Любимова. М.: Правда, 1988. С. 30, 34, 35, 42, 45, 46...

⁵ Сумбатов В. А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений / сост. Л. Ф. Алексеевой; научн. ред., подгот. текста В. А. Резвого; предисл., биогр. справка С. Гардзонио; примеч. Л. Ф. Алексеевой, С. Гардзонио, В. А. Резвого. Pisa, М.: Водолей Publishers, 2006. 408 с. (Русская Италия). С. 84, 85, 138–139, 167, 170, 171, 179, 220, 275.

Тонкость и выразительность световых и цветowych переливов в поэзии Бунина (конечно, и Пушкина, и Фета) были образцом художественного воплощения природы. Приведём такие строчки из стихотворения автора «Листопада»:

*Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой¹.*

Уже в сборнике Сумбатова, вышедшем в Мюнхене (1922), есть тексты, в которых можно обнаружить своеобразное присутствие если не конкретного произведения Бунина, то следование его поэтическим принципам, в свою очередь ориентированным на русскую классику, реалистические традиции.

*Вечерняя лазурь, как блюдо из эмали,
Упала в гладь реки, уснувшей меж берёз,
Что, скорбно наклонясь, в безмолвии печали
Роняют мёд листов в прозрачно-синий плёс².*

Взаимопроникновение состояния природного мира и чувств лирического субъекта здесь выполнено по схожей эстетической парадигме, но с индивидуально неповторимой собственной поэтикой:

*Осенняя болезнь души моей коснулась,
И ночи красота мне больше не мила,
И спавшая в душе тоска опять проснулась
И думы и мечты как крѣпом обвила³.*

В связи с этим обратимся к разбору стихотворения Бунина «Зелѣный стяг», принятому А. А. Блоком, который обнаружил у современника некоторую аналогию с Я. П. Полонским, но завершил анализ подчёркнутым убеждением, что, несмотря на совпадение тем, каждый из поэтов неповторимо оригинален при разработке одного и того же предмета: «<...> Мы признаём, что у Лермонтова был свой Восток, у Полонского –

свой и у Бунина – свой; настолько живо, индивидуально и пышно его восприятие»⁴.

Сам Бунин признавал зависимость своих отроческих стихов от Лермонтова и Пушкина, «которому подражал даже в почерке»⁵. Но когда критика заговорила о том, что Бунин следует «заветам» и «традициям», он воспротивился, отстаивая независимость от подражательства кому бы то ни было: «любить талант, самостоятельность, ум, вкус вовсе не значит держаться каких-то традиций»⁶. Впоследствии Бунин иначе отзывался о традиции, связывая эту проблему с приверженностью менталитету, родной культуре: «бывают истинные поэты так называемыми “консерваторами”, то есть хранителями, приверженцами прошлого. <...> И оттого-то так священны для них традиции, и оттого-то они и враги насильственных ломок священной растущего древа жизни»⁷. Справедливо заметила О. А. Бердникова: «Истинный, подлинный писатель, по логике Бунина, произрастает из духовной, генетической, родовой, исторической, национальной, культурной укоренённости» [3].

В связи с проблемой творческих переключек и совпадений обратимся к замечанию А. Блока по поводу стихотворения И. Бунина «Не туман белеет в тѣмной роще» (в более позднем издании приобретшего заголовок «Канун Купалы»). Думается, что блоковское заключение чрезвычайно интересно не только своим конкретным смыслом, но и важно в теоретическом отношении – для понимания сути наследования поэтической традиции: «И в этом стихотворении можно уловить душу поэзии Полонского – отнюдь не влияние даже, а только какой-то однородный

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952. Переводы / редколлегия: Ю. В. Бондарев, О. Н. Михайлов, В. П. Рынкевич; вступ. ст. А. Т. Твардовского; сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко. М.: Художественная литература, 1987. С. 76.

² Сумбатов В. А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений. Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. 408 с. (Русская Италия). С. 77.

³ Там же.

⁴ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 142.

⁵ Бунин И. А. Автобиографическая заметка (Письмо к С. А. Венгерову) // Бунин И. А. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1 / сост. Н. М. Любимова. М.: Правда, 1988. С. 9.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Бунин И. А. Инония и Китеж // Бунин И. А. Окаянные дни; Воспоминания; Статьи / Сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М.: Советский писатель, 1990. С. 369.

строй души»¹. Видимо, «однородностью» душевного склада можно объяснить и осознанную декларацию В. Сумбатова о том, что он в творчестве *старовер*, и выразил это убеждение в поэтической форме – в стихотворении с одноимённым заголовком². Подобную однородность душевного, отчасти и духовного склада с Буниным художественным миром можно уловить во многих стихах Сумбатова, их мотивах, образах, ритмах, жанровых модификациях, лирических обобщениях... Гармония поэтической формы, разнообразие цветовых эпитетов волнует Сумбатова, но он помнит, что Бунин высказал в стихах декларативно-образное суждение, что создаёт стихи не «красок ради». В своих размышлениях о поэзии русский итальянец всегда был готов следовать убеждению Бунина, считавшего, что «форма неразрывно связана с содержанием и рождается сама собой из содержания»³. Декларативно Бунин сформулировал свою позицию в цитированном выше стихотворении 1901 года:

*Нет, не пейзаж влечёт меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия*⁴.

Творческий отзыв на сердечное чувство любви к родине – вот что пробудил Бунин в соотечественнике, читателе-поэте, вдохновив его на новое поэтическое слово. «Потомок» как будто совсем не заботился о стилизации, но всё же для «поминального» текста она была неизбежной, осознанно подчеркнутой.

В письме к И. А. Персиани В. А. Сумбатов выразил сопротивление арифметическому, механическому под-

ходу, ему чуждо воспевание формальных достоинств произведения: «<...> Если мысль удачна, то форма делается незаметной для читателя. Это-то, по моему разумению, и есть высшее достижение: давать такое содержание, которое совершенно заслонило бы форму, – так, чтобы читатель, ошеломлённый красотой и верностью мысли, и не подумал бы обратить внимание на одеяние этой мысли»⁵. Уличать поэта в неравномерном расположении стоп, убеждал римлянин своего друга, дело неблагоприятное для высчитывающего: «Ведь это то же самое, что высчитывать нити в холсте, на котором Рафаэль запечатлел чудный образ Богоматери, или производить химический анализ красок на этом холсте»⁶. В полном соответствии с этими высказываниями выразил Сумбатов через много лет в «Тризне» своё понимание читательского отношения к прекрасному тексту.

*А листья падают всё чаще,
И всё растёт ковёр шуршащий...
Кармин, багрянец, киноварь,
Гранат, кораллы и янтарь, –
Природа все тона смягчает
И гармонично сочетает*⁷.

Природа как будто вступает в контакт с художником, «смягчая» и подчиняя себе поэтический темперамент, внося гармонию в живую, созданную воображением поэта картину драматических перемен во временах года, историческом климате и в самом мироздании. Лирический сюжет перехода от многокрасочной солнечной осени к серой непогоде и зимним ледяным бурям предвосхищает поэтическое представление Бунина-поэта, и – почти одновременно с ним и Сумбатова – с прежней Россией. Спустя много лет автор «Русской

¹ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. С. 143.

² Сумбатов В. А. Прозрачная тьма: Собрание стихотворений. Pisa; М.: Водолей Publishers, 2006. 408 с. (Русская Италия). С. 59–60.

³ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 4-х т. Т. 1 / сост. Н. М. Любимова. М.: Правда, 1988. С. 17.

⁴ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Стихотворения, 1888–1952. Переводы / редколлегия: Ю. В. Бондарев, О. Н. Михайлов, В. П. Рынкевич; вступ. ст. А. Т. Твардовского; сост., подгот. текста и коммент. А. К. Бабореко. М.: Художественная литература, 1987. С. 76.

⁵ Сумбатов В. А. Письмо к И. А. Персиани от 17 (30 августа) 1928 г. // РГАЛИ. Фонд №2294. Опись 1. Ед. хр. 84. Письма Василия Александровича Сумбатова Ивану Александровичу Персиани из Рима в Белград. Л. 55.

⁶ Там же. Л. 55, оборот.

⁷ Сумбатов В. А. Тризна (Памяти Бунина) // Газета «Русская мысль». Париж. 30 ноября 1972 г., четверг. №2923. С. 8; опубли. в России: Роман-журнал XXI век. М., 2006. №10 (92). С. 94.

Державы»¹ видит за текстом поэта-академика предвестие трагедии России и всего мира:

*Курю, люблюсь, вспоминая
Из «Листопада» каждый стих,
Бессчётных красок каждый штрих...²*

Философские раздумья Бунина о русской Осени содержат широкое подтекстовое обобщение. Сюжет сумбатовского стихотворения строится на образе лирического субъекта, с такой же тонкостью воспринимającego природную красоту, как и Бунин-лирик, виртуозно запечатлевший благоуханную атмосферу осени в последнем году XIX века.

Для 70-летнего младшего современника с этой «пессимистической» лирикой связано и ожидание собственного уже близкого ухода, ассоциирующегося – в системе символических смыслов русской поэзии – с зимой.

*Но и грущу я, сознавая,
Что эта осень золотая –
Последняя, – последний свет,
Прощальный красочный привет
Заката Века Золотого,
Что века нового, чужого
Зима суровая пришла
И всё былое занесла³.*

Заключение

Что привлекало будущего автора поэмы «Без Христа» и романа в стихах «Русская Держава» в произведениях Бунина?

Во-первых, любовь к русской усадьбе, деревенским пейзажам, красоте средней полосы России, о чём свидетельствует автобиографическая проза Сумбатова с названием «Ковёр над бездной». Во-вторых, изображение крестьянства и всех других социальных слоёв, населяющих Россию. В-третьих, приверженность к православию, при внимании и познании других конфессий. В-четвёртых, следование традициям русской классики, особенно Пушкина, Тютчева, Фета. В-пятых, вытекающая из всего прежде сказанного органика русского языка. В-шестых, в пору эмиграции, – скорбь об утраченной России. В-седьмых, сочувствие воюющему народу Советского Союза. Наконец, восьмое: несмотря на зоркость обоих художников к изъянам своей страны, – вера в её возрождение. Таким образом, речь идёт не о подражании или заимствованиях, а о том, что Блок определил как «однородный строй души» в заметке именно о Бунине, его невольных совпадений с Михаилом Лермонтовым или Яковом Полонским.

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л. Ф. Василий Александрович Сумбатов – русский поэт XX века: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 300 с.
2. Алексеева Л. Ф. Мозаика социальных и духовных разноречий революции 1917 года в поэме В. А. Сумбатова «Без Христа» // Икона в русской словесности и культуре: Материалы XIII Международной научной конференции, состоявшейся в Доме Русского Зарубежья и Музее Русской Иконы 26–28 января 2017 года / ред.-сост. В. В. Лепяхин. М., 2017. С. 331–346. [Электронный ресурс]. URL: http://www.bfrz.ru/data/nayk_center/naychnuj_sekretar/Sbornik_konferencia_2017_ikonichnost_slovesnost_zarubezhje_Lepahin_Prns.pdf (дата обращения: 03.07.2020).
3. Бердникова О. А. «Восстановление» России (И. А. Бунин и русское зарубежье 1920–1930-х годов) // БУНИНФЕСТ (Международный литературный и эко-просветительский фестиваль «Бунинские озёрки»). [Электронный ресурс]. URL: <http://buninfest.ru/olgaberdnikova2019> (дата обращения: 03.07.2020).

¹ Сумбатов В. А. Русская Держава (Роман в стихах); Нагорная проповедь (Переложение В. Сумбатова) // Малоизвестные страницы и новые концепции истории русской литературы XX века: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГОУ, 27–28 июня 2005 г. Выпуск 3. Часть 1. Литература Русского зарубежья / ред.-сост. Л. Ф. Алексеева. М.: Водолей Publishers, 2006. С. 107–160.

² Сумбатов В. А. Тризна (Памяти Бунина) // Газета «Русская мысль». Париж. 30 ноября 1972 г., четверг. №2923. С. 8; опубл. в России: Роман-журнал XXI век: Путеводитель русской литературы. М., 2006. №10 (92). С. 94.

³ Там же. С. 94.

4. Борисова Н. В. М. Пришвин о творчестве И. Бунина: «... Понял его как самого близкого мне из русских писателей» // ФИЛОЛОГОС. 2018. Выпуск №4 (39). 126 с.
5. Гордиенко Т. В. И. А. Бунин и Б. К. Зайцев в Москве и эмиграции // И. А. Бунин и его окружение: к 140-летию со дня рождения писателя / Ассоц. «Бунинское наследие»; рук. проекта В. А. Пречисский; сост. Т. М. Бонами. М.: Русский импульс, 2010. С. 148–172.
6. Дякина А. А. Публицистический опыт Ивана Бунина в современных процессах национальной самоидентификации и диалога культур // Национальные культуры в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 2. Национальные формы художественной культуры в процессе межкультурного взаимодействия / редкол.: Э. А. Усовская (отв. ред.) [и др.]. Минск: Колорград, 2016. С. 129–136.
7. Моторина А. А. Взаимосвязь биографического и автобиографического повествования в лирической прозе Б. Л. Пастернака и М. И. Цветаевой // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2018. №2 (14). С. 1–4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442170> (дата обращения: 03.07.2020).
8. Стрельникова М. А. «Всё мучает меня своей прелестью!»: Эстетизм как особенность стиля И. А. Бунина и В. В. Набокова // Словесное искусство Серебряного века и Русского зарубежья в контексте эпохи («Смирновские чтения»): Сборник статей по итогам II Международной научной конференции (МГОУ, 22–23 января 2016 г.) / Сост. и ред. Л. Ф. Алексеева, В. Н. Климчукова, С. В. Крылова. М.: ИИУ МГОУ, 2016. С. 173–177.

REFERENCES

1. Alekseeva L. F. [Vasily Aleksandrovich Sumbatov – Russian poet of the twentieth century: monograph]. M., MRSU Ed. off. Publ., 2017. 300 p.
2. Alekseeva L. F. *Mozaika sotsial'nykh i dukhovnykh raznorechii revolyutsii 1917 goda v poeme V. A. Sumbatova «Bez Khrista»* [A mosaic of social and spiritual contradictions of the 1917 revolution in the poem by V. Sumbatov "Without Christ"]. In: *Ikona v russkoi slovesnosti i kul'ture* [Icon in Russian Literature and Culture]: Proceedings of the 13th International Scientific Conference, held at the House of Russian Diaspora and the Museum of Russian Icons on January 26–28, 2017 / editor-compiler V. V. Lepakhin. M., 2017, pp. 331–346. [Electronic resource]. Available at: HYPERLINK "http://www.bfrz.ru/data/nayk_center/naychnuj_sekretar/Sbornik_konferencia_2017_ikonichnost_slovesnost_zarubezhje_Lepahin_Prns.pdf" http://www.bfrz.ru/data/nayk_center/naychnuj_sekretar/Sbornik_konferencia_2017_ikonichnost_slovesnost_zarubezhje_Lepahin_Prns.pdf (accessed: 03.07.2020).
3. Berdnikova O. A. «*Vosstanovlenie* Rossii (I. A. Bunin i russkoe zarubezh'e 1920–1930-kh godov) ["Restoring" of Russia (I. Bunin and the Russian Diaspora 1920–1930)]. In: BUNINFEST (International literary and eco-educational festival "Bunin lakes"). [Electronic resource]. Available at: <http://buninfest.ru/olgaberdnikova2019> <http://buninfest.ru/olgaberdnikova2019> (accessed: 03.07.2020).
4. Borisova N. V. [M. Prishvin on the work of I. Bunin: "... I considered him the closest Russian writer to me"]. In: FILOLOGOS, 2018, no. 4 (39). 126 p.
5. Gordienko T. V. I. A. Bunin i B. K. Zaitsev v Moskve i emigratsii [I. Bunin and B. Zaitsev in Moscow and emigration]. In: I. A. Bunin and his environment: to the 140th anniversary. Assoc. "Bunin's heritage"; the head of the project V. A. Prechissky; compiled by T. M. Bonami. Moscow, Russkii impul's Publ., 2010, pp. 148–172.
6. Dyakina A. A. *Publitsisticheskii opyt Ivana Bunina v sovremennykh protsessakh natsional'noi samoidentifikatsii i dialoga kul'tur* [The journalistic experience of Ivan Bunin in modern processes of national self-identification and dialogue of cultures]. [In: [National cultures in intercultural communication: collection of scientific articles. In 2 parts. Part 2. National forms of artistic culture in the process of intercultural interaction / editorial board: E. A. Usovskaya (editor-in-chief) [et al.]]. Minsk, Kolograd Publ., 2016, pp. 129–136.
7. Motorina A.A. [The relationship between biographical and autobiographical narration in the lyric prose of B. Pasternak and M. Tsветаeva]. In: *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yaroslava Mudrogo*, 2018, no. 2 (14), pp. 1–4. [Electronic resource]. Available at: HYPERLINK "<https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442170>" <https://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1442170> (accessed: 03.07.2020).
8. Strel'nikova M. A. «*Vse muchayet menya svoei prelest'yu!*»: Estetizm kak osobennost' stilya I. A. Bunina i

V. V. Nabokova ["Everything torments me with its charm!": Aesthetism as a feature of the style of I. Bunin and V. Nabokov]. In: [Verbal art of the Silver Age and the Russian Diaspora in the context of the era ("Smirnov Readings"): Collection of articles on the results of the II International Scientific Conference (MRSU, 22–23 January 2016) / Comp. and ed. L. F. Alekseeva, V. N. Klimchukova, S. V. Krylova. M., MRSU Ed. off. Publ., 2016, pp. 173–177.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Любовь Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX века, Московский государственный областной университет;
e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru; modernen@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liubov' F. Alekseeva – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of the Russian Literature of the 20th century, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-ruskdvv@mgou.ru; modernen@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Алексеева Л. Ф. Поэзия И. А. Бунина в творческом восприятии В. А. Сумбатова: поэма «Листопад» и стихотворение «Тризна (Памяти Бунина)» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 68–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-68-75

FOR CITATION

Alekseeva L. F. Poetry of I. Bunin in the Creative Perception of V. Sumbatov: the Poem "Listopad" and the Poem "Trizna (In Memory of Bunin)". In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 68–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-68-75.

УДК: 82.091.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-76-84

ДВА ЮБИЛЯРА: И. А. БУНИН И А. Т. ТВАРДОВСКИЙ

Белукова В. Б.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель автора статьи – исследовать отношение к художественным ценностям двух равновеликих писателей XX века – И. А. Бунина и А. Т. Твардовского, которые в жизни никогда не встречались, но высоко ценили поэтический дар и художественное наследие друг друга.

Процедура и методы исследования. Указывается на разнообразие воспоминаний о характерах Бунина и Твардовского, подчёркивается уникальность и культурно-историческая ценность эпистолярия Бунина и рабочих тетрадей («Новомирский дневник») Твардовского.

Результаты. Предложенный анализ свидетельствует, во-первых, о тщательной продуманности и определённости *слоёв* статьи Твардовского, во-вторых, об очевидной схожести взглядов А. Т. Твардовского и И. А. Бунина по ключевым вопросам литературы, отношению к писательскому ремеслу. По мнению автора, «Новомирский дневник» Твардовского отражает как ключевые моменты в жизни страны, так и раскрывает тщательность выбора позиций, с которых тот исследует творчество Бунина.

Теоретическая и / или практическая значимость. Делается вывод о целесообразности обучения мастерству критика на материале дневниковых записей, окончательного варианта опубликованной статьи Твардовского и отражении литературных взглядов Бунина в частном письме.

Ключевые слова: Бунин, воспоминания, дневники, журнал «Новый мир», история русской литературы XX века, писательское мастерство, Твардовский, эмиграция, эпистолярный

TWO ANNIVERSARIES: I. BUNIN AND A. TVARDOVSKY

V. Belukova*Moscow Region State University**24 Very Voloshinoy ul., Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim. The article is dedicated to the anniversary of two great Russian writers of the second half of the twentieth century: I. Bunin and A. Tvardovsky, who never met in their lives, but highly valued each other's poetic gift.

Methodology. The author points out the variety of memories about the characters of Bunin and Tvardovsky, emphasizes the uniqueness and cultural and historical value of Bunin's epistolary and workbooks ("Novomir diary") Tvardovsky.

Results. The proposed analysis testifies, first, to the thoroughness and certainty of the layers of the article by Tvardovsky, and second, to the obvious similarity of the views of A. Tvardovsky and I. Bunin on key issues of literature, attitude to the writing craft. According to the author, Tvardovsky's "Novomir diary" reflects both key moments in the country's life and reveals the thoroughness of the choice of positions from which he explores Bunin's work.

Research implications. The conclusion is made about the expediency of teaching the skill of a critic on the material of diary entries and the final version of the published article by Tvardovsky and the reflection of Bunin's literary views in a private letter.

Keywords: Bunin, Tvardovsky, diaries, memoirs, epistolary, "New world" magazine, emigration, writing skills, history of Russian literature

Введение

Сложный наш 2020 год ознаменован двумя основными юбилейными датами: 150 лет со дня рождения первого русского нобелевского лауреата Ивана Алексеевича Бунина (1870–1953) и 110 лет со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского (1910–1971).

Первый русский нобелевский лауреат в области литературы – И. А. Бунин, проживший сравнительно долгую (83 года), напряжённую жизнь, – запомнился современникам очень разным: например, в воспоминаниях Модеста Гофмана в 1910 году Бунин предстаёт «в высшей степени надменно и презрительно» смотревшим на всех молодых и на «декадентов», которые, в свою очередь, не оставались в долгу и «не очень почтительно» злословили о подражательности стихов *старовера Бунина* августейшему поэту К. Р. (Константину Романову), тогдашнему президенту Академии наук¹. Александр Биск был озадачен, что Бунин в некрологической статье о Максимилиане Волошине совершенно не коснулся его творчества, а писал только об эпатажном виде знаменитого поэта (всегда босиком, венок на голове, длинная хламида), признавая из всей статьи замечательной только одну фразу: «Волошина с равным правом могли бы расстрелять и белые, и красные»². Дмитрий Святополк-Мирский записал со слов В. А. Комаровского, что Гумилёв «приставал к нему (*Комаровскому*. – В. Б.): “Да к чьей Вы, наконец, школе принадлежите, к моей или Бунина?”»³, – тем самым

подтверждая, что *мэтр* и *синдик Гумилёв* признавал уже в 10-х годах прошлого века за Буниным наличие собственной школы. Дон-Аминадо (А. П. Шполянский) отметил, что проза Бунина «была целомудренна, горячей мыслью выношена, сердечным холодом охлаждена, беспощадным лезвием отточена. <...> и вплоть до запятых – ни поэты, ни лжи», тогда же он привёл слова Куприна о Бунине, уроненные «не случайно, и не без горести и зависти: “Он, как чистый спирт в 90 градусов; его, чтоб пить, надо ещё во как водой разбавить!”»⁴ Г. В. Адамович считал, что Бунин «был на редкость умён», и уловил в его натуре главное: «Людей он видел насквозь, безошибочно догадывался о том, что они предпочли бы скрыть, безошибочно улавливал малейшее притворство. Думаю, что вообще чутьё к притворству – а в литературе, значит, ощущение фальши и правды, – было одной из основных его черт»⁵.

В исследовании А. В. Бакунцева перечислен ряд как откровенных недоброжелателей И. А. Бунина (И. Ф. Наживин, Н. Н. Берберова, В. С. Яновский, В. В. Набоков, В. В. Вересаев, З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский, П. Н. Милюков, М. А. Осоргин), так и просто позволяющих себе ироническое высказывание о нём (И. В. Одоевцева, З. А. Шаховская): «общество обиженных Буниным» (Тэффи) действительно существовало, характер у Ивана Алексеевича, по-видимому, был не из лёгких⁶! Но нелицеприятные воспоминания всё-таки касались характера частного человека; когда говорили о Бунине-

¹ См.: Гофман М. Л. Петербургские воспоминания // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 367–378.

² Биск А. А. Русский Париж // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 383–384.

³ Святополк-Мирский Д. П. Памяти гр. В. А. Комаровского // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 261.

⁴ Аминадо Д. Поезд на третьем пути // Воспоминания о серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1993. С. 395.

⁵ Адамович Г. В. Бунин. Воспоминания // Дальние берега: портреты писателей эмиграции: мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1994. С. 12.

⁶ См. подробно: Бакунцев А. В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И. Ф. Наживин об И. А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. No 1 (11). С. 254–275.

художнике, то злые голоса только являли свою банальную чёрную зависть к великому русскому писателю. Марк Алданов ответил одному из ненавистников очень мудро: «Бунин, как все мы, грешные, человек со слабостями. Писатель же он истинно замечательный, и в той же “Жизни Арсеньева” много страниц изумительных»¹.

В сентябре 1917 года Бунин написал стихотворение «День», кончающееся такими строками:

Да будет миру весть,
Что День мой догорел,
*но след (выделено мною. – В. Б.) мой в мире — есть*².

Этот след очевиден в творчестве А. Т. Твардовского: «В моей собственной работе я многим обязан И. А. Бунину, который был одним из самых сильных увлечений моей юности»³. Вслед за Буниным он мог бы сказать о себе, что он как читатель – пристрастный (*придирчивый, требовательный*), по воспоминанию коллеги – «самый замечательный читатель, каких я знал»: «разносторонний по интересам, вдумчивый и памятливым», который читал книгу с особым вниманием и, затем, навсегда *запоминал* «всё поразившее его новизной или созвучное душе»⁴, а как писатель – не просто «следующий правде жизни» [9, с. 14], но унаследовавший от классиков русской литературы «принцип правдивости» [3]. Коллега и соратник Твардовского Алексей Кондратович отметил, что бессознательно Твардовский писал не только портрет Бунина-художника, но и свой автопортрет [5] – запись в дневнике Твардовского о Бунине («у настоящего художника одна малая деталь, оттенок описания имеет силу

как бы нашего личного восприятия»⁵) полностью характеризует его самого: всенародная любовь к его поэзии также объясняется тем, что каждая строка воспринимается *лично*, независимо от того, был читатель современником и, читая, просто вспоминает то время, те события, что пережил сам, *лично*, или это читатель «другого поколения», погружаясь, например, в мир «Василия Тёркина», также сопереживает герою, также видит себя и в «Переправе», и в «Перед боем», и в «По дороге на Берлин»... И если Твардовский, читая Бунина, отмечает, что тот «пробуждает, оживляет и обостряет эти впечатления приглушённой памяти», то и о нём можно сказать его же словами: «И, пробуждённые в нас, эти впечатления закрепляются, становятся постоянным душевным богатством, расширяют и обогащают мир наших эмоций»⁶.

Бунин о Твардовском

И. А. Бунин не только обладал поистине божественным даром **писать**, то есть, по его же словам, **воссоздавать** природу или быт (общеизвестно, что он не мог простить острой на язык З. Н. Гиппиус её специальной оговорки, что он не писатель, а описатель: «Я, дорогая, вам этого до смерти не забуду!»⁷, – но и обладал идентичным даром – умением **читать** («я, как ты знаешь, читатель придирчивый, требовательный»)⁸, что можно проследить в оценке произведения А. Т. Твардовского «Василий Тёркин». Отметим интересную мысль, что «личность автора проявляется не только в отражении жизненных событий, но и более всего в оценивании всего, о чём пишется»⁹. Уже стало хрестоматий-

¹ Цит. по: Бакунцев А. В. «Злейший черносотенник и тупица, он окончательно разложился...»: И. Ф. Наживин об И. А. Бунине (1930-е гг.) // Литературный факт. 2019. № 1 (11). С. 265.

² Бунин И. А. День // Бунин И. А. Избранное. Стихотворения. Переводы. Пермь: Пермское книжное издательство, 1982. С. 385.

³ Твардовский А. Т. О Бунине // Твардовский А. Т. Собрание сочинений в 6 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1980. С. 59.

⁴ Лакшин В. Я. Твардовский // Лакшин В. Я. Открытая дверь. Твардовский. М.: Московский рабочий, 1989. С. 169.

⁵ Твардовский А. Т. Новомировский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 313.

⁶ Там же. С. 314.

⁷ Адамович Г. В. Бунин. Воспоминания // Дальние берега: портреты писателей эмиграции: мемуары / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. М.: Республика, 1994. С. 11.

⁸ Переписка с Телешовым. 1897–1947. 242. Бунин–Телешову. 10 сентября 1947 г. // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 637.

⁹ См. Герасименко Н. А. Синтаксис дневниковых записей И. А. Бунина. С. 7–14.

ным известное письмо автора «Жизни Арсеньева» о книге «Василий Тёркин» – в письме к Н. Д. Телешову (1947) Иван Алексеевич Бунин отметил, что «с **редким** (выделено И. А. Буниным. – В. Б.) удовольствием прочёл книгу Твардовского «Василий Тёркин», и не поскупился на похвалы: «совершенно восхищён его талантом, – это поистине редкая книга: какая свобода, какая чудесная удаля, какая меткость, точность во всём и какой необыкновенный народный, солдатский язык – ни сучка, ни задоринки, ни единого фальшивого, готового, то есть литературно-пошлого слова»¹. Непременно хочется отметить чисто бытовое бескорыстие бунинских отзывов, они касаются только художественного качества литературных произведений. В том же письме Телешову, где говорится о **редком** удовольствии прочтения «Василия Тёркина» Твардовского, Бунин с радостью добавляет: «забыл прибавить, что недавно восхищён был ещё одним рассказом – К. Паустовского “Корчма на Брагинке”»². Да, Бунин не жаловал советскую власть, что само по себе преступлением не является, но пронзительный глаз художника всегда увидит жемчужину, где бы она ни находилась! «Корчма на Брагинке» – это глава из автобиографической повести К. Г. Паустовского «Далёкие годы», которая первоначально была опубликована как отдельный рассказ в журнале «Вокруг света» (1946), а затем перепечатана в нью-йоркской газете «Новое русское слово», где и увидел её Бунин и прочитал. Крайне стеснённый материально, Бунин, тем не менее, послал в Советский Союз международной почтой на адрес типографии издательства «Московский рабочий» открытку для Константина Георгиевича Паустовского, в которой его рукой написано следующее: «Дорогой брат! Я прочёл Ваш рассказ “Корчма на Брагинке” и хочу рассказать Вам о той редкой радости, которую испытал я: если исключить послед-

нюю фразу этого рассказа (“под занавес”), он принадлежит к лучшим рассказам русской литературы. Привет, всего доброго. 15.IX.47. Ив. Бунин»³. Дорогого стоит из уст нобелевского лауреата обращение «*дорогой брат!*» к человеку не просто на целое поколение его моложе, но и проживающего там, куда дороги Бунину не было...

А. Т. Твардовский знал бунинское «*восторженное мнение*» (Н. Д. Телешов) о своём произведении и хотел ответить И. А. Бунину благодарностью, однако разрешения от властей на этот акт не получил. Такое было время: «вам, из другого поколения» (А. Т. Твардовский) и не понять, и не поверить!

«Нелёгкий» характер Бунина не мешал ему восторженно относиться к тем произведениям, которые он считал высокохудожественными, в которые вложены сердце и душа, в которых видно истинное мастерство. В книге А. К. Бабореко «Бунин. Жизнеописание» [1] приводится воспоминание Л. Зурова, с которым Бунин обсуждал «Василия Тёркина» Твардовского. Как всякому крупному писателю, Бунину приходилось читать много незрелых, неталантливых, пустых и графоманских стихов, виршей, одним словом, того, что называют стихоплётством. И когда Зуров принёс ему на несколько дней экземпляр «Василия Тёркина», то Бунин сначала отнёсся к его восторгу скептически, но потом, когда всё-таки стал читать произведение, не мог от него оторваться! Читал вслух особенно понравившиеся строки, был в восхищении от удивительной «лёгкости, предельной выразительности солдатского языка» и в то же время – и в некоторой грусти: он понимал, что русскому человеку в эмиграции не будет понятно это произведение, потому что они уже не знают глубинного народного языка, как знал его Бунин, не поймут всей глубины замысла и воплощения Твардовского, как понял его он сам: думается, эпитет «ослиное ухо», которым

¹ Переписка с Телешовым. 1897–1947. 242. Бунин–Телешову. 10 сентября 1947 г. // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 1. М.: Наука, 1973. С. 637.

² Там же. С. 637.

³ Открытка Бунина К. Г. Паустовскому. 15 сентября 1947. Автограф. Собрание В. В. Навашиной–Паустовской. Москва // Литературное наследство. Т. 84. Иван Бунин. Кн. 2. М.: Наука, 1973. С. 405.

он одарил своё литературное окружение, был самым мягким – Бунин на язычок был не без греха! Но он задал тон, его слово, его мнение было веско: «Василий Тёркин» Твардовского – это поэзия, настоящая поэзия, которая останется на века. И в этом он был прав!

Твардовский о Бунине

Твардовский нашёл способ выразить свою благодарность великому русскому писателю: в середине 1965 года, во время всё нарастающей напряжённости в литературной жизни руководимого им журнала «Новый мир», в целом страны, появляется статья «О Бунине». Опубликованная в седьмом номере журнала «Новый мир» за 1965 год, впоследствии она легла в основу предисловия к собранию сочинений И. А. Бунина в 9-ти томах, выпущенного издательством «Художественная литература». Тонкость этой статьи заключается в том, что в то время (шестидесятые годы прошлого века) с Бунина было не снято клеймо белоземigrанта и реакционера, что накладывало на автора статьи определённые идеологические обязательства.

Начало работы над статьёй можно отнести к марту 1964 года, когда в рабочей тетради Твардовского, впоследствии изданной под названием «Новомирский дневник», появляется пространная цитата о Бунине из «Других берегов» В. Д. Набокова: «*Книги Бунина я любил в отрочестве...*»¹. Можно предположить, что уже тогда начинает зреть его большой литературоведческий труд: дать оценку писателю первого ряда, который ещё не пришёл к массовому советскому читателю, дать тот камертон, который поможет читателю отвести всё наносное и прикинуть к чистому роднику бунинского слова о России.

Начало 60-х годов были очень непростыми в жизни Твардовского: после смещения Н. С. Хрущёва с поста главы государства начинается откровенная и хорошо спланированная кампания против

Солженицына, рассказ которого «Один день Ивана Денисовича» опубликован в «Новом мире» при самом активном содействии Александра Трифоновича. Но автор рассказа «не разоружил тёмную рать, а только ещё более её насторожил», поэтому «журнал как в блокаде»². Видимо, по приказу *сверху* усилил давление на журнал «О. Поликарпий» – зав. идеологическим отделом ЦК КПСС Д. А. Поликарпов; одолевали и отнимали время ввиду их абсолютной бесперспективности «пустотробности» и «гимнические хлопоты»³. И на всё это накладывается личное горе: кончина матери, Марии Митрофановны (март 1965), переживание за здоровье жены, перенёсшей операцию, лечение самого Александра Трифоновича в разных клиниках и по поводу тяжёлой болезни ног (облитерирующий эндартериит), и по другим горьким недугам – срываю... Но уже в январе 1965 г. в рабочей тетради появляется запись: «Стал перечитывать *Бунина* (*выделено автором.* – В. Б.) по огоньковскому изданию»⁴; именно в это время началась его большая активная работа над статьёй о Бунине. Как известно, «дневник писателя отражает реальные события и факты, конкретные этапы и эпизоды биографии, даёт богатейшее представление о развитии личности автора, его социально-политических, философских и эстетических взглядах, гражданской позиции» [4, с. 110], в дневнике записывается прочувствованное, то, что, с одной стороны, будоражит, с другой – успокаивает: «выговорился!». В *рабочей тетради* (дневнике) Твардовский пишет о сокровенном, и наряду с записями о работе над «Василием Тёркиным на том свете», хлопотами о Солженицыне, редакторскими и личными делами, записываются самые глубокие мысли о Бунине.

Твардовский видит свою миссию, прежде всего, в **представлении** Бунина русскому читателю: с одной стороны, сам он зачитывался его произведениями с детства, читал его в юности по старым из-

¹ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 236.

² Там же. С. 231.

³ Там же. С. 233.

⁴ Там же. С. 304.

даниям, собирал всю свою жизнь все его произведения, изданные как до революции в России, так и после за рубежом, знал наизусть не только стихи Бунина, но и прозу и с удовольствием их читал вслух друзьям. Но, с другой стороны, он прекрасно понимал, что молодой советский читатель, если и слышал что-то о Бунине, так только как белоэмигранте, и надо было раскрыть советскому читателю и глаза, и уши, настроить сердце и душу на встречу с первым русским лауреатом Нобелевской премии в области литературы.

В феврале 1965 года Твардовский снова отмечает, что «начал писать Бунина», где «самое трудное – взять “слой”»¹. Стараясь не впасть в научно-биографический стиль, он хотел вложить в «Несколько слов об Ив. Бунине» (рабочее название статьи) всё нужное для демонстрации всей палитры красок, присущей Бунину, и, в то же время, соблюсти законы жанра: остановиться на основных чертах биографии, определить социально-классовую природу его творчества, установить его «границы», уяснить его сегодняшнее значение «с точки зрения насущных и острых задач нашей литературы (язык, мастерство, экономность, культура русской прозы)»². Набрасывая развёрнутый план статьи, снова и снова перечитывая Бунина, Твардовский признаётся сам себе, что произведения у Бунина «зрелые и душистые», что он сам вновь испытывает «чувство утраты того очарования, что было в памяти»³. Но не в собственные воспоминания о влиянии на него Бунина погружён Твардовский – главная мысль статьи заключена в том, что «Бунин у нас не объяснён, не обсказан по-настоящему»⁴. В большом литературоведческом эссе он считает своим долгом прикоснуться к тайнам мастерства Бунина и преподносит это как подарок будущему читателю. И в *рабочей тетради* набрасывается каркас статьи, выстраивается це-

почка акцентов, на которые необходимо обратить внимание: во-первых, это «реализм “деталей”», во-вторых, это «**язык** (выделено автором. – В. Б.)», далее – «запахи», которые, как он утверждает, были «вне обонятельной силы нашей прозы»⁵! Твардовский скрупулёзно фиксирует всё: и кислый запах ландыша, и запах свежей соломы, и запах снега и хвои, и запах грибной сырости, и, конечно же, запах яблок! Не забыл он даже запах «старинной мебели не топленных помещичьих домов»⁶!

Спросим себя: обратит ли внимание непрофессиональный читатель на богатство и разнообразие, в частности, запахов, отмеченных Буниным? Большинство – едва ли, поэтому веское слово Твардовского поможет почувствовать всю тонкость *воссоздания* Буниным быта, которое перерастает в *воссоздание бытия*. Твардовский записывает, что такая подробность, как подставленный под протекающую крышу *таз*, гораздо сильнее и ярче покажет упадок и разорение хозяйства, чем пресловутые *скрипучие половицы*!

Работая над сценографией статьи, Твардовский выстраивает бунинские *вечные* вопросы: тайну мироздания и безмолвие природы, думы о жизни и смерти и сложности ежедневного быта, минутные частицы вечности и космические миры, величие человека как Божьего промысла и жалкий мучительный удел его земного страдания, что и обеспечивает писателю, пока «*незнаменитому, не широко читаемому*», исключительную любовь и всемерное почитание. Являясь самым горячим поклонником его творчества, Твардовский с благодарностью отмечает, что Бунин лично его научил не только отличать «*зёрна от плевел*», *претенциозность, фальшь*», но и «*любить тех, кто больше и шире его*»⁷.

Напряжённая редакторская работа не дала развиваться многим планам Твардовского, один из которых – написание «*главной книги*», как он сам определил это в шестидесятые годы, – автобио-

¹ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 317.

² Там же. С. 319.

³ Там же. С. 304.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же. С. 304.

⁶ Там же. С. 305.

⁷ Там же. С. 311.

графической прозы «Пан Твардовский». Этот замысел остался, к сожалению, не реализованным. Ярким показателем того, что Твардовский полностью погрузился в мир Бунина, является апрельская запись 1965 года: «Покамест читал “Арсеньева”, вдруг с отчётливостью увидел, как у меня всё изготовилось для написания “Смерти деда” – м. б., первой главы “Пана Твардовского”. И начало, и конец, и середина – и во всё узелки дальнейшего повествования»¹.

Твардовский вслед за Блоком – «так знать и любить природу, как умеет Бунин, мало кто умеет» [2, с. 448] – делает акцент на удивительном погружении Бунина в природный мир. Признавая, что редко хочется немедленно искренне прочесть того писателя, которого хвалят за красоту описаний природы, Твардовский отмечает своё личное «опьянение пряной густотой его красок», «совпадение с впечатлениями моего загорьевского детства и отрочества»².

В. Я. Лакшин вспоминал, как не любил Твардовский в художественном тексте слово *разнотравье*, считая, что писатель должен знать, как называется и как пахнет разная трава: мята, мятлик, чабрец и душица; также он не переносил, когда читал, что *кто-то сидел под деревом*: разве есть просто *дерево*? Есть берёза, клён, рябина... [6, с. 178–179].

Можно ли прожить без Бунина? Вопрос, конечно, риторический! Сам Твардовский отвечает на этот вопрос так, что хочется немедленно бросить всё и погрузиться в мир Бунина: «Читатель, обошедшийся в жизни без Бунина, – человек, у которого словно бы и не было детства, раннего общения с природой, ни зим, ни весен, ни дождей, ни метелей... <...> Это человек, который сидит под “деревом”, а не под берёзой... <...> Это – дачник в самом грустном смысле этого слова (выделено мною. – В. Б.)»³.

Отметим, что в «слоях», определённых Твардовским, указаны и те источники, которые питали самого Бунина: и если в рабочей тетради «*богами Бунина*» названы Пушкин и Лермонтов, затем Баратынский, Фет, Полонский, старшие современники Л. Н. Толстой и А. П. Чехов – «никто ещё, включая Горького»⁴, то в окончательном, опубликованном варианте всё очень лаконично – Пушкин, Толстой, Чехов [8, с. 83].

Густо замешан Твардовским идеологический «слой» статьи: его утверждения, что нет в зарубежном творчестве Бунина ни одного нового, существенного мотива, что «он коснел в своих жалких настроениях озлобленности»⁵, что в эмиграции началась «довременная и неизбежная убыль его творческой силы», что «само его литературное имя понесло известный моральный ущерб и подёрнулось ряской забвения» [8, с. 60], не кажутся сегодня очень уж правильными: думается, что Твардовский знал больше о судьбе Бунина, чем мог тогда сказать; он был в Париже, но не пошёл на встречу с Буниным, предоставив эту честь К. Симонову. Но в то же время Регина Романова приводит такой факт: во время так называемых *чисток 1938 года* А. Т. Твардовский не побоялся сказать, что любимыми русскими писателями для него являются Бунин и Некрасов [7].

Заключение

45 лет прошло со времени написания Твардовским статьи «О Бунине», не во всё можно сейчас согласиться с Александром Трифоновичем в оценке жизни Бунина. За эти 45 лет мы узнали о Бунине много больше, чем, может быть, знал о нём Твардовский, сетовавший, что у нас нет полного исследования творчества Бунина, нет даже полной его биографии! На сегодня написано и опубликовано много, хотя ещё больше предстоит осмыслить.

Но по-прежнему особняком стоит статья Александра Трифоновича

¹ Твардовский А. Т. Новомировский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 319.

² Там же. С. 311.

³ Там же. С. 311.

⁴ Твардовский А. Т. Новомировский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАиК, 2009. С. 312.

⁵ Там же. С. 312.

Твардовского «О Бунине», художнике «строгом и серьёзном», являясь образцом для начинающих литературоведов и критиков. И в наше время это самое глубокое и тонкое проникновение в необыкновенный мир Бунина, не приходящего к читателю «с готовыми и облегчёнными построениями подобий жизни», а «всякий раз решающим для себя самую некую задачу», чьё наследие – «ближайший к нам по времени пример подвижнической взыскательности художников, благородной сжатости русского литературного письма, ясности и высокой простоты» [8, с. 100, с. 99].

И такое видение наследия Ивана Алексеевича Бунина подарил читателю

Александр Трифонович Твардовский, к которому также можно отнести слова и о *подвижнической взыскательности художника*, и о *благородной сжатости русского литературного письма*, и о *ясности и высокой простоте*. И Бунин, и Твардовский создали художественные произведения, которые «наполняют душу как бы внутренней музыкой, от которой лица людей добреют и становятся красивее»¹. В этом сила художественного слова! Они равновелики!

Статья поступила в редакцию 26.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А. К. Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 455 с.
2. Блок А. А. О лирике // Александр Блок. Поэзия. Драма. Проза; составитель, автор вступительной статьи и примечаний А. Турков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 441–460.
3. Даниленко В. П. «Что нужно, чтобы жить с умом?»: О дневниках Александра Твардовского // «Magister Dixit» (научно-педагогический журнал Восточной Сибири). 2015. №3 (19). [Электронный ресурс]. URL: <http://md.islu.ru/> (дата обращения: 19.07.2020).
4. Колобов В. В. Дневник А. В. Жигулина и «Рабочие тетради» А. Т. Твардовского 1960-х годов: жанровые и тематические особенности // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2017. №2 (58). С. 109–117.
5. Кондратович А. И. «Ровесник любому поколению». Документальная повесть о Твардовском А. Т. М.: Современник, 1987. 381 с.
6. Лакшин В. Я. Твардовский // Лакшин В. Я. Открытая дверь. Твардовский. М.: Московский рабочий, 1989. С. 109–242.
7. Романова Р. М. Александр Твардовский. Труды и дни. М.: Водолей Publishers, 2006. 764 с.
8. Твардовский А. Т. О Бунине // Собрание сочинений в 6-ти т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1980. С. 56–100.
9. Туманова С. Р. «Обострённое чувство жизни...»: А. Т. Твардовский и И. А. Бунин о вечных проблемах бытия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2011. №1. С. 109–115.

REFERENCES

1. Baboreko A. K. Bunin. Zhizneopisanie [Bunin. Biography]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2004. 455 p.
2. Blok A. A. O lirike [About the lyrics]. In: Aleksandr Blok. Poeziya. Drama. Proza [Alexander Blok. Poetry. Drama. Prose]; compiler, author of the introductory article and notes A. Turkov. M.: OLMA-PRESS Publ., 2001, pp. 441–460.
3. Danilenko V. P. [“What does it take to live wisely?” : About the diaries of Alexander Tvardovsky]. In: [«Magister Dixit» (scientific and pedagogical journal of Eastern Siberia)], 2015, no. 3 (19) [Electronic resource]. Available at: // <http://md.islu.ru/> (accessed: 19.07.2020).
4. Kolobov V. V., Dnevnik A. V. Zhigulina i «Rabochie tetradi» A. T. Tvardovskogo 1960-kh godov: zhanrovye i tematicheskie osobennosti [A. V. Zhigulin's diary and A. T. Tvardovsky's "Workbooks" of the 1960s: genre and thematic features]. In: Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova [Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov], 2017, no. 2 (58), pp. 109–117.

¹ Твардовский А. Т. Новомирский дневник. В 2 т. Т. 1: 1961–1966. М.: ПРОЗАИК, 2009. С. 314.

5. Kondratovich A. I. «Rovesnik lyubomu pokoleniyu». Dokumental'naya povest' o Tvardovskom A. T. ["The same age as any generation." A documentary story about A. Tvardovsky]. Moscow, Sovremennik Publ., 1987. 381 p.
6. Lakshin V. Ya. [Tvardovsky]. In: Lakshin V. Ya. Otkrytaya dver'. Tvardovsky [Lakshin V. Ya. Opened door. Tvardovsky]. Moscow, Moscow worker Publ., 1989, pp. 109–242.
7. Romanova R. M. Aleksandr Tvardovskii. Trudy i dni [Alexander Tvardovsky. Works and days]. Moscow, Vodolei Publishers Publ., 2006. 764 p.
8. Tvardovsky A. T. O Bunine [About Bunin]. In: Sobranie sochinenii v 6-ti tt. T. 5 [Collected works in 6 volumes. Vol. 5]. Moscow, Fiction, 1980, pp. 56–100.
9. Tumanova S. R. ["A heightened sense of life ...": A. T. Tvardovsky and I. A. Bunin on the eternal problems of being]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Education Issues: languages and specialty], 2011, no. 1, pp. 109–115.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белукова Виктория Богдановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета;
e-mail: zaglobav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victoria B. Belukova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Literature of the 20th Century, Moscow Region State University;
e-mail: zaglobav@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Белукова В. Б. Два юбиляра: И. А. Бунин и А. Т. Твардовский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 76–84.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-76-84

FOR CITATION

Belukova V. B. Two Anniversaries: I. Bunin and A. Tvardovsky. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 76–84.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-76-84

УДК 821.161.1 Бунин. 06 (082)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-85-92

ПРИ «ДОРОГЕ» ЖИЗНИ: О МОДИФИКАЦИЯХ ОДНОГО СЮЖЕТА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И. А. БУНИНА

Бердникова О. А., Голицына Т. Н.*Воронежский государственный университет**394018, Воронеж, Университетская пл., д. 1, Российская Федерация*

Аннотация.

Целью данной статьи является исследование сквозного для творчества И. А. Бунина сюжета искушения во взаимодействии его архетипических истоков и различных способов его художественного воплощения.

Процедура и методы исследования. Статья посвящена детальному анализу рассказа «При дороге» (1913) как базового текста, в котором заявлены основной мотивный комплекс данного сюжета, система персонажей и символика образов.

Результаты проведённого исследования позволили сделать вывод о модификациях этого сюжета в целом ряде произведений писателя разных периодов творчества, что отражает мировоззренческую эволюцию Бунина и особенности его поэтики.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и уточнении некоторых понятий сюжетологии: сквозной сюжет, мотивный комплекс, модификации сюжета.

Практическая значимость. Предложенный подход будет интересен специалистам в области истории литературы XX века, а результаты исследования могут найти применение в вузовской практике преподавания филологических дисциплин.

Ключевые слова: Бунин, рассказы, архетип, сюжет, искушение, модификации, символика образов

ON THE «ROAD» OF LIFE: ON MODIFICATIONS OF ONE PLOT IN THE WORKS OF I. BUNIN

Berdnikova O. A., Golitsyna T. N.*Voronezh state University**1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russian Federation*

Abstract.

Aim is to study the story of temptation, which is cross-cutting for I. Bunin's creativity, in the interaction of its archetypal origins and various ways of its artistic implementation.

Methodology. The article is devoted to a detailed analysis of the story "On the road" (1913) as a basic text, which states the main motif complex of this plot, the system of characters and the symbolism of images.

Results of the research allowed us to conclude about modifications of this plot in a number of works of the writer of different periods of creativity, which reflects the worldview evolution of Bunin and the features of his poetics.

Research implications. The theoretical significance of this research is to develop and clarify some of the concepts of plotology: cross-cutting plot, motif complex, plot modifications. The proposed approach will be of interest to specialists in the field of literary history of the twentieth century, and the results of the research can be applied in the University practice of teaching philological disciplines.

Keywords: Bunin, stories, archetype, plot, temptation, modifications, symbolism of images

Введение

Юбилей И. А. Бунина, родившегося 150 лет назад в Воронеже, первого русского писателя, получившего в 1933 году Нобелевскую премию, отмечен в нашем литературоведении появлением ряда значимых научных исследований. Это труды последних лет, подготовленные и изданные, прежде всего, в академических институтах РАН. В течение ряда лет в ИМЛИ им. А. М. Горького РАН была подготовлена «Летопись жизни и творчества И. А. Бунина» в 2-х томах (2011, 2017), составленная С. Н. Морозовым. В 2019 году в проекте «Академический Бунин» вышел сборник трудов «Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)» под редакцией О. А. Коростелева и С. Н. Морозова. Значимым событием 2019 года стал 110 том «И. А. Бунин. Новые материалы и исследования. Книга первая» (также под редакцией О. А. Коростелева и С. Н. Морозова) в серии «Литературное наследство».

Новые публикации актуализировали проблемные вопросы научного изучения творческого наследия И. А. Бунина. В частности, в 110-м томе «Литературного наследства» опубликованы ранее не известные рассказы и прозаические фрагменты, объединённые рубрикой «Рассказы круга «Тёмных аллей»¹, не включённые писателем в книгу. Все они – о глубинных проявлениях чувственного бытия человека, соблазнов плоти, страстности.

Ещё в постперестроечное время эту проблему принципиально по-новому актуализировала публикация в России в 1991 году книги художественной критики И. А. Ильина «О тьме и просветлении». Известный русский философ считал, что в произведениях И. А. Бунина фигурирует «особь», которая «биологически индивидуальна, но «духовно» ещё не стала личностью, и делал в чём-то справедливый, но не бесспорный вывод о том, что «искусство Бунина по существу своему додуховно. Бунин стал объективным

анатомом человеческого инстинкта»². Надо иметь в виду, что эта работа И. А. Ильина появилась в 1938 году, то есть ещё до создания и публикации самого известного сборника рассказов «Тёмные аллеи», с которым в мировой литературе в первую очередь связано имя И. Бунина.

В появившейся вскоре монографии современного учёного Ю. Мальцева «И. А. Бунин» (1994) поставленная И. А. Ильиным религиозно-антропологическая проблема личности была переведена в феноменологическую плоскость. Ю. Мальцев утверждал, что в мире Бунина «нет понятия греха», писал об «иммoralности» и даже «аморальности» Бунина. Остаётся только удивляться тому, как в творчестве одного художника они могут уживаться, ибо одно исключает другое. Ещё более спорным представляется утверждение Мальцева о том, что «аморальность Бунина» «есть некий признак подлинности, ибо обычная мораль оказывается, как и все установленное людьми, условной схемой, в которую не укладывается стихия естественной жизни («живой жизни»)» [3, с. 333].

Ту же «стихию пола» О. В. Сливичкая объясняет космизмом Бунина, вписывая его в традицию русской философской мысли, «которую русские космисты называли антропокосмизмом» [5, с. 31].

Исследователи 2010-х годов рассматривают эту проблему уже скорее в сугубо литературоведческом аспекте: Е. В. Капинос (2014) вписывает произведения И. А. Бунина о любви и страсти в контекст мировой литературы, к примеру, находит в целом ряде произведений писателя интересные параллели с романом Мопассана «Милый друг» [2].

К. В. Анисимов (2015) интересно исследует концептуальный рассказ И. А. Бунина «Грамматика любви» в единстве его смысловых, контекстуальных, интертекстуальных и жанровых особенностей [1]. Подобная методика была предложена в

¹ Бунин И. А. Новые материалы и исследования. Литературное наследство. Ред.-сост. О. А. Коростылев, С. Н. Морозов. Т. 110. Книга 1. М.: ИМЛИ РАН, 2019.

² Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М.: Скифы, 1991. С. 74–78.

2000 году учёными Воронежского государственного университета в рамках ежегодных Бунинских творческих мастерских, заявляющих для всестороннего анализа один текст писателя.

Так, в третьем выпуске сборника трудов «Метафизика И. А. Бунина» (2014) опубликованы материалы Творческой мастерской, посвящённой столетию появления рассказа «При дороге». Один рассказ, рассмотренный учёными в самых разных аспектах, предстаёт в своей смысловой многогранности, и это позволило дать во многом новую трактовку текста [4].

Между тем этот рассказ предполагает разные «контексты понимания» (М. Бахтин), выявляющие заключённую в нём глубинную символику в рамках заявленной в данной статье проблемы.

Цель статьи – рассмотреть рассказ «При дороге» (1913) в соотношении архетипических истоков сюжета с его художественным воплощением. Модификации этого сюжета в целом ряде произведений писателя позволяют выявить и мировоззренческую эволюцию Бунина, и особенности его поэтики.

Основной ход исследования

В творчестве Бунина тематика «тёмных и всегда трагических сторон» любви разнообразна, в частности, просматривается особая тема грехопадения юной девушки / девочки, соблазнённой пожилым / взрослым мужчиной. Это своего рода сквозной сюжет творчества писателя, связывающий произведения 1910-х годов («Суходол», «При дороге», «Лёгкое дыхание») с рассказами книги «Тёмные аллеи»: «Таня», «Железная шерсть», «Галя Ганская», «Стёпа», «Генрих», «Весной, в Иудее», «Ночлег».

Рассказ «При дороге»

Рассказ «При дороге» (1913) играет в этом отношении роль базового текста, заявляющего основные мотивные комплексы и систему персонажей, а также в самом заголовке дающего ёмкую смысловую метафору.

«При дороге» – это редкий рассказ, построенный по принципу не ретроспективного (столь частого у Бунина), а последовательного разворачивания сюжета, не по принципу воспоминания, а по принципу предсказания будущих событий. В самом начале появляется почти сказочный старик-странник, предсказывающий Парашке гибель от встречи с молодым мещанином. Это предсказание усиливает свойственное юной девушке ожидание любви, придавая этому ожиданию характер наваждения, «жуткого и манящего», неотвратимости и неизбежности этой «гибели».

Именно в этом рассказе появляется мотив сиротства (отсутствия матери) молодой девушки и особой роли отца, точнее его отсутствия, следствием которого становится её незащищённость и нравственная шаткость. Но и присутствие отца в доме является не защитой, а, скорее, ещё одним искушением для Парашки. Цыганская красота отца («Батюшка, ты всегда был такой красивый?»), его женолюбие («Батюшка распутный, он опять с кем-то живёт»), распространённая в деревне молва о том, что Устин убил жену (мать героини) – все это словно подпитывает то любовное «наваждение», в котором живёт Парашка. Её возрастающую любовь к отцу автор описывает как двойственную: «Но не простая, не спокойная была эта любовь»¹. И со стороны отца она тоже видит «не простую, не спокойную» любовь к ней, что проявляется в двусмысленной ласковости Устина по отношению к дочери.

Парашка со всех сторон окружена искусителями: помимо отца, это красота Володи, работника в доме отца, любовника Евгении, её старшей сестры. И, конечно, необычный «черноглазый мещанин» Никанор, поразивший её «силой своих твёрдых глаз», в конечном итоге её погубивший.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В шести томах. М.: Художественная литература, 1987-1988. Т. III. С. 429. В статье произведения Бунина цитируются по этому изданию с указанием тома (римской цифрой) и страницы.

Искушающим является всё окружение Парашки: у подрастающей героини нет примеров праведной и правильной жизни. Все близкие ей люди живут в грехе, который воспринимается скорее как обыденность жизни, а не как нарушение установленных религией норм морали. Происходит профанация самих основ бытия: вдовец Устин живёт «не по-мужицки», то есть он не ведёт хозяйство в соответствии с традиционным деревенским укладом, а даёт деньги в рост: «Но ведь лихвой и жил он, а такие люди всегда страшны немного»¹. Её замужняя сестра Евгения – прелюбодейка, свекор Евгений – «троеженец». Работник Володя живёт с замужней женщиной, всё время говорит о деньгах, пытается совратить и Парашку.

Событие соблазнения оценивается автором как «страшное дело», «воровство», «убийство»: «Сделав свое страшное дело, Никанор убил и её и себя»². В восприятии соблазнённой девушки – это «болезнь», «сумасшествие», «наваждение», неизменно имеющее драматический или трагический финал.

Архетипические истоки сюжета

Архетипические – библейские – истоки данного сюжета вполне осознаются и на уровне автора (стихотворение «Искушение», 1916)³, и на уровне героев: так, в рассказе «Аглая» (1916) Анна-Аглая встречает на покое «большую блестящую

змею с изумрудной головой», которую отбрасывает от себя, а её сестра говорит ей: «... бойся Змея Искусителя, опасная пора идёт к тебе!»⁴. Отсюда и явные или более скрытые инфернальные портретные и поведенческие характеристики соблазнителя: цыганская внешность отца Парашки, «очень смуглое и с блестящими глазами», «чёрное от загара» лицо Никанора, которого не раз называют «коротконогим воров», Юшка характеризуется «нечеловеческой страстью, похотью», «и страшен, страшен» («Суходол») ⁵. В «Лёгком дыхании» сравнение Малютина и Оли с Фаустом и Маргаритой⁶ аллегорично даёт мотив искушения, идущий от Мефистофеля.

Обращает на себя внимание и образ полдня («час полуденный»), который отличается высокой частотностью и в рассказе «При дороге», и в творчестве И. А. Бунина в целом, и неизменно символизирует искушающую и всепоглощающую мощь любовного чувства, жар плотского соблазна. Именно в палящие зноем летние дни совершается соблазнение Парашки, в полдень происходит искушение девы в стихотворении «Бог полдня» (1908). Символическими знаками «приближающегося искушения» становятся в этом рассказе и звуки, которые получают символическое значение в контексте творчества И. А. Бунина. Это «волнующееся карканье первых грачей», которое – в романе «Жизнь Арсеньева» и других поздних произведениях, по наблюдению А. И. Смоленцева, – всегда является предвестником любовной встречи, чреватой трагическими последствиями [6].

Бунин подчёркивает пространственную ограниченность жизни Парашки: место, где живут герои рассказа, характеризуется как «безлюдное», «степной двор», «однодворческое село», которое было «скрыто полями». Автор таким образом изображает среду обитания героев как некую изоляцию от большого мира, как существование на периферии бытия. Их контакты с внешним миром и социумом ограничены:

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В шести томах. М.: Художественная литература, 1987-1988. Т. III. С. 429.

² Там же. Т. III. С. 441.

³ В один день с этим текстом (30 января 1916 года) написаны стихотворения «Сон», «Дурман», «Поэтесса», «Цирцея», «Молодой король», «Закливание», в которых заявлена тема мистической, непостижимой силы любовного влечения, завороченности страстью. Но именно стихотворение «Искушение» становится не только во многом итоговым для дореволюционного творчества писателя, но и концептуально значимым для всего его творчества. И. Бунин возвратился к «Искушению» незадолго до смерти – в 1952 году: подводя итог своему жизненному и писательскому пути, он осознаёт эту тему как одну из главных в своём творчестве. См. там же, т. I, с. 376.

⁴ Там же. Т. IV. С. 103.

⁵ Там же. Т. III. С. 156.

⁶ Там же. Т. IV. С. 97.

Парашка замкнута в своём мире, хотя вокруг степной простор: не случайно употребление ряда слов во множественном числе – «ржи», «овсы», «хлеба» предполагают широту пространства.

Временной сюжет рассказа

Временной сюжет рассказа также интересен: Бунин не случайно маркирует все основные события рассказа праздничными датами православного календаря: поездка на Пасху в храм – столкновение с Никанором, «На Святой мещанин приехал в гости к Устину», «накануне Николы она почему-то особенно ждала его», солдат, муж Евгении, «приехал Петровками в гости к Устину». Однако все герои Бунина живут как бы «при православии», как и «при дороге», следуя установленным ритуалам, а не духовному смыслу заповедей. Причина духовного падения и греховности героев рассказа обусловлена их глубинной оторванностью от православного мира как во внешнем пространстве их бытия, так и в сфере внутренней.

Примечательно, что Петров пост в контексте творчества писателя – время самых страшных и иррациональных событий в жизни героев. Так, именно в последних днях Петрова поста происходит пьяная гулянка Устина с троюбенцем, а беснование Парашки случается на празднование Тихвинской иконы Божией Матери, известной чудесами исцеления бесноватых.

Более того, исторический контекст рассказа, выявленный по точно указанным Буниными приметам, убедительно демонстрирует, что «Новосильская дорога как бы закольцована православными святынями» [4, с. 124]: Елец с его храмами и монастырями, Вознесенский мужской пещерный монастырь, Задонск – один из самых известных центров монастырской аскетической традиции. Не случайно, писатель упоминает бредущих по заросшей дороге богомольцев, один из которых и предсказывает героине её судьбу. Однако это тот дальний круг – за «овсами, ржами и хлебами», куда так и не прорывается Парашка.

Состояние души Парашки пассивное и созерцательное. Её любимое времяпрепровождение состояло в сидении на пороге дома: «Глядела на поле, на голый простор дороги, слушала»¹. Эмоциональное состояние – постоянное ожидание, чувство сладкой тоски: «Парашка заснула в чувстве того жуткого и манящего..., очарованная думой о том, как погубит. Как увезёт её куда-то вдаль молодой мещанин»². Душа её неразвита и слепа, тем не менее, она единственная склонна к поиску «стеzi покаяния». Однако её покаянный порыв оказался нелепым и несостоятельным: она пытается убить Никанора и лишается рассудка.

Имена героев играют в рассказе особую роль: писатель намеренно и весьма наглядно профанирует семантику имён героев: Устин – «царь»³, чья власть и сила проявляются в убийстве, распутстве, ростовщичестве. Никанор – «видящий победы»⁴ – соблазнитель, «побеждающий» беззащитную Парашку. Евгения – «благородная»⁵ – на деле предстаёт как злая, лживая, распутная. Параскева – «приготовление»⁶, и это вполне соответствует её состоянию ожидания любви, но Парашка так и не сумела исполнить своё предназначение быть хозяйкой, женой, матерью, а главное – стать духовно состоявшейся личностью. Это тем более значимо, что в России всегда почиталась святая Великомученица Параскева Пятница. Не случайно и то, что в ряде рассказов с сюжетом соблазнения героинь называют либо краткой формой имени (Оля, Таня, Галя, Клаша), либо простонародной (Парашка). Несовпадение семантики имён героев и их сюжетных «ролей» – особый способ создания иронического подтекста в рассказе.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В шести томах. М.: Художественная литература, 1987-1988. Т. III. С. 426.

² Там же. Т. III. С. 428.

³ Жития святых православной церкви. Составил священник и законоучитель Иоанн Бухарев. М.: Отчий Дом, 1999 (репринтное издание). С. 677.

⁴ Там же. С. 681.

⁵ Там же. С. 690.

⁶ Там же. С. 492.

Локальная сфера рассказа представлена словоформой «при дороге», причём первоначальный вариант заголовка в черновой рукописи «Большая дорога» был заменён писателем на «При дороге». Предлог «при» и предложный падеж имени существительного «дорога» сигнализируют значение периферийного, сопутствующего, неглавного обстоятельства. Выбор данной словоформы автором не случаен. Как известно, «дорога» – это символ жизненного пути, развития, движения. Локальная сфера «при дороге» содержит значение периферийности существования героев и в тексте рассказа конкретизируется и подтверждается предикатами – «затянулись и заглохли»: «До воли было много проезжих по большой дороге. Потом их следы, колеи затянулись, заглохли, закудрявились редкой мелкой муравой»¹. Так, уже в самом начале повествования мотив заросшей дороги прогнозирует драматический финал и становится метафорой жизненного пути героев.

Модификации сюжета

В рассказах книги «Тёмные аллеи» данный сюжет имеет различные модификации. Написанный тридцать лет спустя рассказ «Гость» – это, пожалуй, единственный рассказ, в котором трагическая фабула рассказа «При дороге» явлена в откровенно сниженном, почти анекдотическом виде: слишком быстро и грубо осуществляется само соблазнение: «в одну минуту», «со шляпой на затылок» – «и через минуту исчез»². Дважды упомянута эта деталь и по отношению к Никанору: «сдвинув на затылок картуз», «ещё больше сдвинув на затылок картуз». Повторяется у Бунина и портретная характеристика inferнальных соблазнителей: герой в рассказе «Гость» – «страшный, чёрный господин», «худ, смугл, зубаст, в чёрной жёсткой бороде, с пронзительными глазами»³.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В шести томах. М.: Художественная литература, 1987-1988. Т. III. С. 425.

² Там же. Т. V. С. 307.

³ Там же. Т. V. С. 307.

В рассказах книги «Тёмные аллеи» появляется и зооморфный облик соблазнителя. Рассказ «Железная шерсть» (1944) написан в форме повествования некоего странника о медведе Железная Шерсть, нападающем на девушек и женщин, что символизирует поистине звериную силу похоти: «Несть ни единой силы в мире сильнее похоти – что у человека, что у гада, у зверя, у птицы, пуще же всего у медведя и у лешего». Странник своим рассказом стремится оправдать не только мужчину, но, прежде всего, женщину, также подверженную похоти: «Вот и поймёшь, до чего женской душе прельстительно иметь такое страшное соитие»⁴. Бунин в таких случаях как бы прячется за образ рассказчика, отражающего народные предания об искусствах.

В ряде рассказов «Тёмных аллей» плотское вожделение как «тёмная сторона» любви осмыслено Буниным вполне в духе христианской антропологии, в которой такое соблазнение девушки / девочки осознаётся как проявление «особенно тяжкого любовного греха» («Галья Ганская») ⁵. Не случайно появляется мотив возмездия за «тяжкий грех» (рассказы «Весной, в Иудее», «Ночлег»). Причём рассказ «Ночлег», в котором соблазнителя – пожилого марокканца – «наказывает» собака Негра, является финальным в композиции «Тёмных аллей», что подтверждает значимость этой темы и желание Бунина подвести её итог.

Наконец, в рассказах «Таня», «Генрих» и других происходит преображение события соблазнения в ту истинную любовь, за которую «Бог простит» («Генрих») ⁶, то есть в душе человека осуществляется победа духовно-личностного начала.

Заключение

Не случайно и то, что своим лучшим рассказом «Тёмных аллей» сам Бунин считал «Чистый понедельник», где в окончательном выборе героини своей дороги жизни Бунин подчёркивает возможность

⁴ Там же. Т. V. С. 428.

⁵ Там же. Т. V. С. 352.

⁶ Там же. Т. V. С. 368.

преодоления искушения и пробуждения в душе человека устремлённости к духовно-му бытию.

Заметная эволюция данного сюжета в творчестве Бунина вполне объясняет ту причину, по которой писатель не поместил

целый ряд слишком эротичных рассказов круга «Тёмных аллей» в свою ставшую самой известной книгу «Тёмные аллеи».

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов К. В. «Грамматика любви» И. А. Бунина: текст, контекст, смысл: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2015. 148 с.
2. Капинос Е. В. Поэзия приморских Альп. Рассказы И. А. Бунина 1920-х годов. М.: Языки славянской культуры, 2014. 248 с.
3. Мальцев Ю. Иван Бунин. 1870–1953. Frankfurt / Main; Moskau: Posev, 1994. 427 с.
4. Метафизика И. А. Бунина: межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. Вып. 3. 188 с.
5. Сливичкая О. В. Космос и душа человека (О психологизме позднего Бунина) // Царственная свобода. О творчестве И. А. Бунина. К 125-летию со дня рождения: Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж: Квадрат, 1995. С. 5–34.
6. Смоленцев А. И. Текст, подтекст и символическое пространство произведения И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И. А. Бунина: Сборник научных трудов, посвящённый творчеству И. А. Бунина. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2011. Вып. 2. С. 32–42.

REFERENCES

1. Anisimov K. V. «*Grammatika lyubvi*» I. A. Bunina: tekst, kontekst, smysl: monografiya [“The grammar of love” by I. Bunin: text, context, meaning: monograph]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University, 2015. 148 p.
2. Kapinos E. V. *Poeziya primorskikh Al'p. Rasskazy I. A. Bunina 1920-kh godov* [Poetry of the Maritime Alps. The stories of I. Bunin 1920s]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2014. 248 p.
3. Mal'tsev Yu. [Ivan Bunin. 1870–1953]. Frankfurt / Main; Moskau, Posev Publ., 1994. 427 p.
4. Metafizika I. A. [Bunin: interuniversity collection of scientific papers] Voronezh: SCIENCE-UNIPRESS Publ., 2014, Issue 3. 188 p.
5. Slivitskaya O. V. *Kosmos i dusha cheloveka (O psikhologizme pozdnego Bunina)* [The cosmos and the human soul (On the psychologism of the late Bunin)]. In: *Tsarstvennaya svoboda. O tvorchestve I. A. Bunina. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Royal freedom. On the work of I. Bunin. To the 125th anniversary]: Interuniversity collection of scientific papers. Voronezh, Kvadrat Publ., 1995, pp. 5–34.
6. Smolentsev A. I. *Tekst, podtekst i simvolicheskoe prostranstvo proizvedeniya I. A. Bunina «Zhizn' Arsen'eva»* [Text, subtext and symbolic space of the work of I. Bunin “Life of Arseniev”]. In: [Metaphysics of I. A. Bunin: Collection of scientific papers dedicated to the work of I. A. Bunin]. Voronezh, SCIENCE-UNIPRESS, 2011, Issue 2, pp. 32–42.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бердникова Ольга Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук филологического факультета Воронежского государственного университета;
olberd@mail.ru

Голицына Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка филологического факультета Воронежского государственного университета;
rusling.vrn@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Berdnikova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Russian literature of the 20–21 centuries, theory of literature and Humanities, Philological faculty, Voronezh State University;
olberd@mail.ru

Tatyana N. Golitsyna – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of the Russian Language, Faculty of Philology, Voronezh State University;
rusling.vrn@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бердникова О. А., Голицына Т. Н. При «дороге» жизни: о модификациях одного сюжета в произведениях И. А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 85–92.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-85-92

FOR CITATION

Berdnikova O. A., Golitsyna T. N. On the «Road» of Life: on Modifications of One Plot in the Works of I. Bunin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 85–92.

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-85-92

УДК (82. 091)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-93-100

«РУССКИЙ ХУДОЖНИК ПИШЕТ О РУССКОМ ЕСТЕСТВЕ»: И. А. БУНИН И И. С. ШМЕЛЁВ О ЗАГАДКЕ РУССКОЙ ДУШИ

Гудзова Я. О.*Московский государственный институт культуры**141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, д. 7, Российская Федерация*

Аннотация.

Цель данной работы состоит в сравнительном анализе художественного осмысления феномена русской души в творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелёва.

Процедура и методы исследования. Особое внимание уделено сопоставлению подхода двух художников к изображению народной, крестьянской стихии, в том числе тёмных сторон национального характера, решению вопросов веры, отражению бытовой повседневности, сословных отношений мужика и барина. Подчёркнута актуализация аспекта памяти в эмигрантском творчестве писателей. При анализе художественных произведений использованы возможности сравнительно-исторического и типологического методов.

Результаты. В ходе сопоставительного анализа произведений раскрывается характер художественного осмысления русской души двумя писателями.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья вносит вклад в изучение творчества двух знаковых фигур эмиграции первой волны.

Ключевые слова: И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, русская душа, национальный характер, противоречивость, многоликость, многогранность

«THE RUSSIAN ARTIST DESCRIBES THE RUSSIAN CHARACTER»: I. BUNIN AND I. SHMELEV ON THE MYSTERY OF THE RUSSIAN SOUL

Ya. Gudzova*Moscow State Art and Cultural University**7 Bibliotchnaya ul., Khimki 141406, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract.

Aim is a comparative analysis of the understanding of the Russian soul phenomenon in the works of I. Bunin and I. Shmelev.

Methodology. A special attention has been paid to the image of the people and peasants' elements by contrasting two artists' approaches, including the dark sides of the national character, solving faith issues, daily life reflection, the class relationship of the peasant and the master. The comparative and typological methods have been applied toward the analysis of the literary works.

Results. The comparative analysis of the works unpacked the nature of the Russian soul comprehension by I. Bunin and I. Shmelev.

Research implications. The present article contributes to the study of the literary works of the first wave iconic emigrants.

Keywords: I. Bunin, I. Shmelev, Russian soul, national character, inconsistency, variety, multifacetedness

Введение

И. А. Бунин и И. С. Шмелёв, как знаковые фигуры своего времени, вызывают интерес исследователей не только силой и самобытностью таланта, но и непростой историей взаимоотношений. Очевидна разница в их характерах, политических пристрастиях, литературных приоритетах. Параллели и пересечения особенно заметны в ситуации, казалось бы, однонаправленных поисков, которые приводили писателей к различным идейно-художественным результатам. Проблема отражения черт национального характера в творчестве каждого из них не первый год привлекает внимание литературоведов [1; 4; 7; 9; 10; 11].

Цель данной работы состоит в сравнительном анализе художественного осмысления феномена русской души двумя известными писателями.

Феномен русской души в творчестве И. А. Бунина и И. С. Шмелёва

Безусловным объединяющим началом в ситуации вынужденного изгнания для обоих была любовь к дореволюционной России, которая у каждого покоилась на собственных представлениях и идеалах. Чувство причастности Родине и у Бунина, и у Шмелёва находило выход в интересе к национальному характеру в наиболее существенных его чертах, попытках художественного постижения загадочной русской души.

«Душа русского человека в глубоком смысле»¹ занимала Бунина и до революции. Вера в русский народ и его богоносную сущность составляла основу творчества и мировидения Шмелёва. В обращении «К родной молодёжи» (1928) он писал: «Русская душа – жаждающая душа, ищущая дела, подвига, душа стремительная и страстная»². В поисках национальных «корней» Бунин и Шмелёв одинаково обращались к народно-национальной

стихии, хотя и изображали её с различных идейных и художественных позиций.

Потомственный дворянин Бунин дорожил и гордился историей рода. Писатель упоминал о своём происхождении в дореволюционных автобиографиях, не забывал о нём и в эмиграции. Это обстоятельство иногда служило поводом для несправедливых упреков со стороны собратьев по перу. Так, о разладе в отношениях с Буниным писатель-сибиряк Г. Д. Гребенщиков сообщал Шмелёву: «Мне очень больно, что моё безоблачное чувство к этому редчайшему и замечательнейшему мастеру слова омрачено им же. Барин по крови, он остаётся баринком в литературе» [6, с. 223].

Обидное определение по отношению к Бунину появилось уже в дореволюционной критике, отметившей склонность писателя отражать тёмные стороны национального характера. Автору повести «Деревня» (1910) ставили в вину пессимизм, упрекали в «барской напуганности» (Н. Коробка), тенденциозности в изображении народных типов (В. Львов-Рогачевский) и неправдивости (А. Редько).

Поиски первооснов национального характера обусловили повышенное внимание художников к тёмным сторонам народной души. Вера Шмелёва в здоровый национальный инстинкт коренным образом противостояла бунинской концепции «шаткости», тогда как идея противоречивости национального характера и двойственной природы русского человека сближала обоих писателей. Необъяснимая склонность русского человека к жестокости и преступным действиям одинаково волновала и Бунина, и Шмелёва.

Революционные события предельно обострили прежде во многом умозрительную проблему, выплеснувшуюся в формах революционного террора и бесчинствах победившего большинства. Тогда, по мысли Бунина, обнаружилось трагическое противоречие между интеллигентскими представлениями о народной России и её истинной сутью. Примечательны впечатления писателя от участников одной из манифестаций: «Голоса утробные, первобытные.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 536.

² Шмелёв И. С. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 7 (доп.). М.: Русская книга, 1999. С. 408.

Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: "Save furem". На эти лица ничего не надо ставить, – и без всякого клейма всё видно»¹.

Негодование у Бунина вызывало как превозношение достоинств «милосердного», «прекрасного» народа, так и преувеличенная благостная русскость, связывавшаяся в его представлениях с «лубочной», «сусальной» Россией. Неприятие подобной фальши обострилось у писателя после октябрьских событий 1917 года, когда раскрылась «страшная правда о человеке»: «Святейшее из званий, звание "человек", опозорено как никогда»². И как горький итог: «В человеке просыпается обезьяна»³.

Непредвзятое отношение Бунина к России было лишено идеализации, которую он усматривал во взглядах Шмелёва. Народолюбие автора «Богомолья» питалось впечатлениями детства и не пошатнулось даже в кризисной общественно-политической ситуации, когда циничные и жестокие проявления народного характера едва не подорвали веру в человека. Близкие славянофильским взгляды Шмелёва связаны с утверждением «многогранности» народной души. Революционный хаос разбудил в тёмной массе животные инстинкты, но не убил в народном сердце духовное начало. «Жизнь душу-то запутала»⁴, – сетовала на события, исказившие лицо народа, Дарья Степановна Синицына, няня из Москвы.

Национальный характер особенно ярко проявляется в переломные моменты истории. Это очевидно для «бывалого человека», героя цикла Шмелёва «Заметы» (1947), прошедшего через испытания революционного времени: «... Не поверишь, что у человека быть может: и на добро, и на зло.

А то всё закрыто было. Большое превращение... на край взошли!..»⁵.

Вскрывая истинный смысл лозунгов революции, Бунин и Шмелёв сходились в мысли о том, что вожди октябрьского переворота воспользовались народом в собственных интересах. «И "молодёжь" и "вшивые головы" нужны были, как пушечное мясо, – резюмировал Бунин. – Кадили молодёжи, благо она горяча, кадили мужику, благо он тёмен и "шаток"»⁶. К похожему выводу пришёл Шмелёв: народ обманули, воспользовались, «как дубиной». Не последнюю роль в истории кровавого обольщения сыграла интеллигенция, по глупости или из корысти вовлекавшая «русского простеца» в военный и революционный хаос.

Шмелёв убеждён, что истоки кровавых преступлений революции – в отсутствии веры. Многочисленные произведения писателя служат иллюстрацией этого заключения. Например, рассказ «Кровавый грех» (1937) повествует о жестокой драме, свершившейся в пасхальную ночь 1917 года, когда отпущенные большевиками каторжники расправились с семьёй машиниста товарного поезда из семерых душ, в том числе троих детей.

Несмотря на горечь утрат и обид, эмиграция воскрешала в памяти вынужденных скитальцев дорогое сердцу прошлое. В неприветливой Европе крепло у русских писателей высокое чувство национального самосознания, связанное с представлениями о лучших чертах русского характера и подлинных устремлениях народной души: «Где же ты, чуткая душа простого русского человека, чистого дитяти-человека, какую знаю, какую несу, с детства найдя её?! Светлый, чистый народ мой!.. – неповинный во всём мученик!.. – да где же ты?! Жив? <...> Знаю – жив... замурован за семью замками, за семью дверями...»⁷, –

¹ Бунин И. А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 235.

² Бунин И. А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 366.

³ Там же. С. 333.

⁴ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. М.: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 157.

⁵ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 282.

⁶ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 9. М.: Художественная литература, 1967. С. 363.

⁷ Ильин И. А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1947–1950) / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. С. 272.

вопросал Шмелёв и отвечал на свои вопросы сказочными картинками.

Шмелёв уверен: духовное здоровье русского народа как основа национального характера является мощным противовесом бессознательным, не всегда благим проявлениям человеческой природы. Об этом со знанием дела рассуждает герой рассказа «Приятная прогулка» (1950): «Вы, конечно, не раз замечали в русском человеке его исключительное качество: независимость, чувство личного достоинства. <...> Объясняю это у народа сознанием своего “образа и подобия”, вложенного нашим Православием»¹. Не затуманивая мрачные стороны русской души, писатель акцентировал внимание на духовной составляющей национального характера. Набожность, сострадание, совесть, способность к покаянию, считал Шмелёв, – доминанты народно-национальной стихии. Подлинное бытие души «человека простого сознания» ориентировано на представления о горнем мире, определяющие духовное самостояние личности. Эта истина хранится глубоко в тайниках народной души, являясь её ключевым свойством. Так, даже малолетний герой «Лета Господня», как и все «люди-человеки», на Страстной «думает-воздыхает» о грехах². «Всем милость, всем прощение... там всё по-другому будет... это наша душа короткая...»³, – утешает мудрым словом Антипушка, и все удивляются – «простачком» считали.

Герои прозы Бунина не ищут спасения в вере, их нельзя назвать истово православными, понятия греха и праведности многим из них по-настоящему недоступны. Духовные категории во внутреннем мире бунинских персонажей существуют в виде обыденных житейских представлений о чистоте и порочности. Так, герой «Жизни Арсеньева» испытывает религиозный восторг во время богослужения, мысли о вере в сознании одержимого любовным на-

важдением Мити («Митина любовь») случайно возникают в ряду разнообразных жизненных впечатлений и без следа в них исчезают. В то же время бунинским героям ведом и страх Божий, и смиренное отношение к жизни, хотя они часто, как Тихон Красов из «Деревни», желали бы «уклониться от дум и разговора о Боге»⁴.

В отличие от Шмелёва, в творчестве Бунина «своеобычно освещены разные грани христианского учения» [8, с. 375], а религиозное чувство героев находит выражение в общем строе мироощущения, проявляясь иногда на подсознательном уровне. Однако именно память о Боге, по мысли писателя, составляет основу национального характера, даже если почти растворяется в далёком от христианских принципов чувственно-языческом восприятии мира. Рассказы «Лирник Родион» (1913), «Худая трава» (1913), «Иоанн рыдалец» (1913), «Пост» (1916), «Поруганный Спас» (1926) и многие другие демонстрируют, как непросто, разными путями приходят герои Бунина к пониманию вечных истин. Светлая кончина старика Аверкия («Худая трава») обнаруживает важнейшие, с точки зрения писателя, свойства души русского человека: природную, близкую к языческой стихию и по-христиански смиренное отношение к своему уходу.

Своеобычна вера творчески одарённого героя из рассказа Бунина «Пост». Повествование о вечерней прогулке безымянного персонажа начинается и заканчивается словами молитвы, герой мысленно обращается к Богу, благодарит Его за силы и труд. Вроде бы закономерно, что в первые недели Великого поста «затворник», проводящий день за днём в напряжённой творческой работе, посещает деревенскую церковь. Однако в храме его занимает вовсе не моление. Впечатления внешнего мира, к которым оказывается невероятно восприимчивой поэтическая натура персонажа, занимают его и в церкви: «сложный, особый запах, «густое и пахучее» тепло, молодая девушка, едва вышедшая

¹ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 347.

² Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 10. М.: Сибирская Благовонница, 2008. С. 358.

³ Там же. С. 209.

⁴ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1967. С. 35.

из отроческого возраста. Вечер, проведённый за книгой, погружает героя в мир собственной души, где религиозные чувства неотделимы и от воздействий реальности, и от значимого для него пространства художественной литературы.

Знаменательно, что раздумья Бунина и Шмелёва о свойствах загадочной русской души тесно связаны с изображением крестьянской среды. Здесь особенно отчётливо проявляется разница представлений о национальной своеобразности народа, – ведь в некоторых случаях художники живописуют вроде бы сходные черты национального характера.

Захар Воробьёв из одноимённого рассказа Бунина, и лихой «озорник» Василий, герой произведений Шмелёва («Развязка», 1915; «Лихой кровельщик», 1915), в равной степени страдают от невозможности положительной реализации бьющих через край жизненных сил и неопределённых, но неуёмных желаний. Недюжинный человеческий потенциал обоих героев выливается в бессмысленные выходки и опасную лихость. Поражает концептуальное сходство обоих произведений, неожиданно тесно сближающее позиции Бунина и Шмелёва. «Жажда подвига», как путь к осмысленному существованию, неумелая попытка самоопределения роднят характеры героев. Недовольство собой, «смертельная тоска» и скука ведут их к печальному исходу. В то же время принципиально различны судьбы персонажей, казалось бы, неотвратимо влекомых к гибели. Финал рассказа «Захар Воробьёв» (1912) не просто печален, – он безнадёжен. Бессмысленный «подвиг» бунинского героя, на спор выпившего четверть водки, заканчивается нелепой смертью от разрыва сердца. Напротив, военное приключение кровельщика Василия, от скуки вызвавшегося на рискованную поимку немецкого «языка», радикально его переменяло: «В огне и грохоте показалась ему новая жизнь»¹.

Неприкаянность крестьянских героев Бунина связана с такими неприглядными чертами национального характера, как

«лютое отвращение ко всякому труду»², экзистенциальная тоска и отвращение к будням [5, с. 164]. Вектор духовного развития героя Шмелёва ярче всего обнаруживается в просьбе, с которой он обращается в письме с фронта к жене и матери: «Молитесь обо мне»³. Горемычные герои Шмелёва – горькие плоды социального угнетения. «Устройства нету настоящего», – жалуется на жизнь пропивший душу печник Иван из рассказа «За семью печатями». – Выпил – просох, а то никакой возможности»⁴.

Бунин и Шмелёв расходились в художественных принципах изображения героев из народа. Внешние проявления внутренних переживаний – отличительная особенность бунинской манеры письма, тогда как Шмелёв умел угадывать душевные движения в обыденных поступках, каждодневном поведении. Несмотря на очевидные различия, в понимании значения и характера «русского естества» Бунин и Шмелёв во многом совпадали. Обстоятельства трагической оторванности от Родины воскрешали в памяти многие черты народной психологии и картины родной природы. В контексте размышлений о загадке русской души в творчестве Бунина и Шмелёва органично возникала тема памяти, утрат для будущих поколений, которые будут лишены и знаний о прошлом: «Наши дети, внуки не будут в состоянии даже представить себе ту Россию, в которой мы когда-то (то есть вчера) жили, которую мы не ценили, не понимали, – всю эту мощь, сложность, богатство, счастье...»⁵, – печалился Бунин.

Ностальгическая память о прошлом – центральный мотив в эмигрантском творчестве каждого из двух писателей. Для Бунина это, прежде всего, повышенный интерес к истории рода, семьи, ощущение кровной связи с предками. Для Шмелёва –

¹ Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 189.

² Бунин И.А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 329.

³ Шмелёв И.С. Собр. соч.: В 12 т. Т. 5. М: Сибирская Благозвонница, 2008. С. 154.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Бунин И.А. Стихотворения; Рассказы; Окаянные дни; Тёмные аллеи. М.: ОЛМА-ПРЕСС; Звёздный мир, 2004. С. 332.

атмосфера детства, мир неброской русской природы, приметы «укладливого» московского быта. В творчестве Бунина «страшный в своей обыденности» быт русской деревни, ставил под сомнение «доброкачественность» самой природы человека, «особенно русского народного, массового человека» [2, с. 42]. Далёкий от идеализации крестьянства автор «Суходола» изобразил его вековую отсталость, косность и бескультурие. Образованных героев Бунина бытовая повседневность отпугивала отсутствием духовности. Идеал писателя связывался со стародворянской жизнью («Антоновские яблоки», 1900), которая на его глазах вырождалась и нищала. Обречённый на угасание бытовой уклад опозитизирован Буниным в лирико-автобиографическом повествовании «Жизнь Арсеньева».

Шмелёв, названный И. А. Ильиным бытописателем «русского национально-го акта»¹, как никто из представителей эмиграции, сумел показать красоту обыденной повседневности. Материальные и духовные установления, привычки, поведение русского человека демонстрируют особенности характера и потенциальные возможности загадочной русской души. Герои Шмелёва одухотворяют, поэтизируют быт, и в этом есть доля идеализации, суть которой, по мнению М. М. Дунаева, заключается в стремлении «показать те идеальные взаимоотношения между людьми, которые порою в скрытой форме уже существуют в реальности» [3, с. 173].

Бунин более Шмелёва был склонен видеть трагические изломы русского естества, полноценное осмысление которого невозможно без понимания отношений крестьянина и помещика как основных действующих лиц отечественной истории. Размышления о трудностях жизненного выбора, истоках заблуждений и ошибок на этом пути приводят Бунина к горькому выводу о потере кровной связи мужика и барина, исчезновении целого сословия,

определявшего формирование национальной культуры.

В известной книге «О тьме и просветлении» Ильин писал о Шмелёве, что он – «изобразитель русского, исторически сложившегося душевного и духовного уклада <...>. Это русский художник пишет о русском естестве. Это национальное трактование национального»².

Для Шмелёва сословная принадлежность – явление вторичное, напрямую не связанное с вопросами национальной самобытности. На первом месте для его персонажей не классовые интересы, а объединяющие всех чувства служения и долга, привязанности к родному, готовности к подвигу и состраданию. По мысли писателя, это следствия уроков истории, прочно усвоенных и мужиком, и баринном. Герой «Приятной прогулки», все слуги которого остались в поместье после Манифеста, не без гордости рассуждает о крепкой «спайке» с народом: «Клевещут на нашу аристократию, на наш народ. Наша аристократия, может быть, лучшая из всех аристократий, и наш народ как-то хранит в себе врождённый аристократизм духа...»³.

Заключение

Таким образом, разные по тональности художественные открытия Бунина и Шмелёва в отношении загадочной русской души сошлись в констатации противоречивости национального характера. Однако если для автора «Деревни» это была тревожащая неуловимость, непредсказуемая многоликость, то для автора «Богомолья» – воодушевляющая возможностями многогранность. В обоих случаях творческие усилия художников питались самоотверженной любовью к Родине, её духовному идеалу и верой в исконно благие начала русской национальной стихии.

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

¹ Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. I. М.: Русская книга, 1996. С. 336.

² Ильин И. А. О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин – Ремизов – Шмелёв // Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 6. Кн. I. М.: Русская книга, 1996. С. 138.

³ Шмелёв И. С. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Русская книга, 1999. С. 347.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырева Е. М. Миф о России в эмигрантском творчестве И. С. Шмелёва // Мир русскоговорящих стран. 2019. № 1. С. 85–91.
2. Гачева А. Г., Казнина О. А., Семенова С. Г. Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2003. 400 с.
3. Дунаев М. М. Своеобразие творчества И. С. Шмелёва (К проблеме «бытовизма» в произведениях писателя) // Русская литература. 1978. № 1. С. 163–175.
4. Кузнецова М. А. Национальный характер в прозе И. А. Бунина // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2015. №3 (71). С. 20–22.
5. Мальцев Ю. В. Бунин. Frankfurt a. Main; Moskau: Посев, 1994. 432 с.
6. С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, 2002. 824 с.
7. Смелковская М. Ю. Нравственно-философский потенциал русского национального характера в рассказах И. А. Бунина // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. №01 (55) Часть 3. С. 95–97 [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/languages/nravstvenno-filosofskij-potencial-russkogo-nacionalnogo-karaktera-v-rasskazax-i-a-bunina/> (дата обращения: 13.07.2020).
8. Смирнова Л. А. Золотой сон души: О русской литературе рубежа XIX–XX вв. М.: Водолей, 2009. 392 с.
9. Чернышева Н. С., Агафонова Г. И. Русский национальный характер в романе И. С. Шмелёва «Лето Господне» // Мир образования – образование в мире. №3 (59). 2015. С. 110–118.
10. Шешунова С. В. Национальный образ мира и межкультурная коммуникация в творчестве И. С. Шмелёва. М.: ЛЕНАНД, 2017. 194 с.
11. Юзефович И. В. Художественная модель национального мира в прозе первой трети XX в.: И. С. Шмелёв, Ш. Й. Агнон, И. Э. Бабель: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2018. 20 с.

REFERENCES

1. Boldyreva E. M. [The myth about Russia in the emigre creativity of I. Shmelev]. In: *Mir russkogovoryashchikh stran* [The world of Russian-speaking countries], 2019, no. 1, pp. 85–91.
2. Gacheva A. G., Kaznina O. A., Semenova S. G. *Filosofskii kontekst russkoi literatury 1920–1930-kh godov* [The philosophical context of Russian literature of the 1920s–1930s]. Moscow, Gorky Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2003. 400 p.
3. Dunaev M. M. [The originality of I. Shmelev (On the problem of "everyday life" in the writer)]. In: *Russkaya literatura* [Russian literature], 1978, no. 1, pp. 163–175.
4. Kuznetsova M. A. [National character in the prose of I. Bunin]. In: *Vestnik Ul'yanovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Ulyanovsk State Technical University], 2015, no. 3 (71), pp. 20–22.
5. Mal'tsev Yu. V. [Bunin]. Frankfurt a. Main; Moscow, Posev Publ., 1994. 432 p.
6. S dvukh beregov. *Russkaya literatura XX veka v Rossii i za rubezhom* [From two banks. Russian literature of the 20th century in Russia and abroad]. Moscow, Gorky Institute of world literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 824 p.
7. Smelkovskaya M. Yu. [The moral and philosophical potential of the Russian national character in the stories of I. Bunin]. In: *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal* [International research journal], 2017, no. 01 (55), part 3, pp. 95–97 [Electronic resource]. Available at: <https://research-journal.org/languages/nravstvenno-filosofskij-potencial-russkogo-nacionalnogo-karaktera-v-rasskazax-i-a-bunina/> (accessed: 13.07.2020).
8. Smirnova L. A. *Zolotoi son dushi: O russkoi literature rubezha XIX–XX vv.* [Golden Dream of the Soul: On Russian Literature at the Turn of the 19th–20th Centuries]. Moscow, Vodolei Publ., 2009. 392 p.
9. Chernysheva N. S., Agafonova G. I. [Russian national character in the novel by I. Shmelev "Summer of the Lord"]. In: *Mir obrazovaniya – obrazovanie v mire* [World of education – education in the world], no. 3 (59), 2015, pp. 110–118.
10. Sheshunova S. V. *Natsional'nyi obraz mira i mezhkul'turnaya kommunikatsiya v tvorchestve I. S. Shmeleva* [National image of the world and intercultural communication in the works of I. Shmelev]. Moscow, LENAND Publ., 2017. 194 p.

11. Yuzefovich I. V. *Khudozhestvennaya model' natsional'nogo mira v proze pervoi treti XX v.: I. S. Shmelev, Sh. I. Agnon, I. E. Babel': avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The artistic model of the national world in prose of the first third of the 20th century: I. Shmelev, S. Agnon, I. Babel: abstract of PhD thesis in Philological sciences]. Moscow, 2018. 20 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гудзова Ярослава Олеговна – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного института культуры;
e-mail: disava@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yaroslava O. Gudzova – Dr. Sci. (Philology), Professor, Department of literature, Moscow State Institute of Culture;
e-mail: disava@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Гудзова Я. О. «Русский художник пишет о русском естестве»: И. А. Бунин и И. С. Шмелёв о загадке русской души // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-93-100

FOR CITATION

Gudzova Ya. O. «The Russian Artist Describes the Russian Character»: I. Bunin and I. Shmelev on the Mystery of the Russian Soul. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 93–100.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-93-100

УДК(82-4)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-101-108

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ И. А. БУНИНА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Кознова Н. Н.*Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель данного исследования – проанализировать литературные портреты И. А. Бунина, созданные его современниками, и выявить жанрово-стилевую специфику литературного мемуарного портрета.

Процедура и методы исследования. Объектом изучения в данной работе стали литературные портреты И. Бунина, воссозданные в мемуарных произведениях Б. Зайцевым, Г. Адамовичем и Ф. Степуном. Особое внимание было сосредоточено на определении жанрово-композиционных и стилистических особенностей литературного портрета, обнаруживающих индивидуальный подход автора к воссозданию облика творческой личности. При анализе мемуарных текстов были применены культурно-исторический, сравнительно-сопоставительный и биографический методы.

Результаты. В ходе анализа литературных портретов И. А. Бунина была выяснена их видовая типологическая принадлежность, доказана её взаимосвязь с авторским выбором жанрово-композиционной структуры.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья вносит вклад как в постижение творческого облика выдающегося отечественного классика – И. А. Бунина, так и в разработку теоретических вопросов, связанных с определением жанровой принадлежности и стилистики литературного портрета как художественного явления.

Ключевые слова: литературный портрет, И. А. Бунин, жанр, композиция, стиль повествования, автор, мемуары

LITERARY PORTRAIT OF I. BUNIN IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES

N. Koznova*Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
18 Bolshaya Morskaya ul., Saint-Petersburg 191186, Russian Federation***Abstract.**

Aim is to analyze the literary portraits of I. Bunin created by his contemporaries and to identify the genre and style specifics of the literary memoir portrait.

Methodology. The object of study in this work is the literary portraits of I. Bunin, recreated in memoirs by B. Zaitsev, G. Adamovich, and F. Stepun. Special attention was focused on defining genre-compositional and stylistic features of the literary portrait, revealing the author's approach to recreating a creative personality image. In the analysis of memoir texts, cultural-historical, comparative, and biographical methods were used.

Results. During the analysis of literary portraits of I. Bunin, their specific typological affiliation was clarified, and its relationship with the author's choice of genre and composition structure was proved.

Research implications. The article contributes both to the understanding of the creative image of the outstanding Russian classic – I. Bunin and the development of theoretical issues related to the definition of genre belonging and stylistics of the literary portrait as an artistic phenomenon.

Keywords: literary portrait, I. Bunin, genre, composition, narrative style, author, memoirs

Введение

Жанровая типология литературного портрета достаточно неоднородна и, несмотря на почти полуторавековую историю существования данного художественного явления, до конца не сформирована. Часть исследователей по традиции относят литературный портрет к разновидности мемуарной литературы, причисляя его к одному из видов мемуарного очерка (Л. Гинзбург, Д. Жуков)¹. Другие – уверенно включают литературный портрет в жанровый корпус литературной критики (В. Баранов, А. Бочаров)². Им противостоят те учёные, которые убеждены в отсутствии единства мнений по данному вопросу: «литературный портрет как специфический жанр литературной критики является предметом полемических диалогов учёных» (Т. Затеева) [4, с. 4]. А. Кудряшова предлагает считать литературный портрет одним из жанров литературной биографии, при этом разделяя очерк и литературный портрет по наличию признаков научного или художественного подхода к интерпретации фактов [7]. К необходимости создания единой классификации литературного портрета призывает научное сообщество О. Катренко, напоминая о том, что «с конца XIX века и до настоящего времени вопрос о классификации портрета персонажа в художественном произведении остаётся актуальным» [5, с. 203].

Все рассмотренные выше точки зрения убеждают нас в комплексном, синтетическом жанрово-композиционном характере литературного портрета и признании в нём наличия как художественной, так и публицистической составляющей. Однако и в этом случае литературный портрет, совмещающий «в своём содержании и структуре элементы документальных и художественных жанров, продолжает оставаться

полем для дискуссий о принадлежности его к системе публицистических или художественных жанров» (Базылова Б. К.) [1, с. 154].

Таким образом, внутрижанровая типология литературного портрета и по сей день остаётся затруднённой и не имеет чётких дефиниций. Мы же будем придерживаться традиционного подхода к изучению литературного портрета как разновидности мемуаристики, не исключая синкретичности жанров в мемуарном повествовании. *Стоит отдельно подчеркнуть, что в литературном мемуарном портрете писателя, где героем является творческая личность, невозможно избежать анализа творчества и исключить субъективность взглядов автора-мемуариста. Несмотря на убедительную документальную основу мемуарного текста, нам кажется вполне справедливым утверждение М. Г. Уртминцевой о том, что у мемуариста складывается «собственная концепция характера героя», а его путь постижения личности направлен от факта к его художественному осмыслению, но, с другой стороны, «внутренний мир автора-повествователя также становится предметом изображения» [9, с. 158], поэтому совмещение художественной и публицистической составляющей в литературном портрете вполне оправдано.*

Этому вопросу посвящён целый ряд серьёзных исследований, также опирающихся на мемуарные и документальные источники. Как, например, одна из последних академических работ о творчестве И. Бунина – монография Е. Р. Пономарева (2019), созданная на основе черновых, мемуарных записей Бунина, материалов и документов, хранящихся в Русском архиве в Лидсе (Великобритания), что ещё раз подтверждает тесную взаимосвязь документалистики как с художественными, так и с научными текстами. Особенно важной для нашего исследования оказалась глава «Воспоминания» о литераторах и случайных людях», где речь идёт и о мемуарных портретах, созданных писателем [8, с. 139–160].

¹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1977. 443 с.; Жуков Д. Биография биографии. Размышления о жанре. М.: Советская Россия, 1980. 135 с.

² Баранов В., Бочаров А., Суровцев Ю. Литературно-художественная критика. М.: Советский писатель, 1982. 240 с.

Известно, что И. А. Бунин, неоднократно обращавшийся к литературному портретированию творческих личностей, оставил богатое мемуарное наследие: книги «Воспоминания», «Освобождение Толстого», «О Чехове» и др., – большая часть из которых была создана в эмиграции. Однако и сам писатель нередко становился объектом художественных исследований в воспоминаниях собратьев по перу. Эта тема на сегодняшний день недостаточно широко представлена в буниноведении, что и объясняет актуальность нашей работы. Современные литературоведы чаще обращаются к мастерству создания портретов персонажей писателем И. А. Буниным (М.Д. Жигачева, С.Н. Колосова [3; 6] и др.). Но именно литературно-мемуарные портреты самого И. А. Бунина, созданные его современниками, дают нам уникальную возможность не только полнее представить его многогранную художественную личность, но и проникнуть в творческую лабораторию писателей-мемуаристов.

И. А. Бунин в очерках Б. К. Зайцева

Б. К. Зайцев к созданию портрета И. А. Бунина обращается в книгах «Москва» и «Далёкое». Обе книги составлены из мемуарных очерков, публиковавшихся в эмигрантской печати 1920–1960 гг. В книге «Москва» Зайцев возвращается к началу своей дружбы с Буниным, периоду творческого становления и вступления обоих в большую литературную жизнь. В мемуарном сборнике «Далёкое» писатель восстанавливает события сравнительно недавнего, для момента создания книги, прошлого – эмигрантской жизни в Париже и его окрестностях.

Первый очерк имеет характерное для выбранной темы название «Молодость – Иван Бунин». Здесь мемуарист возвращается к этапу становления взаимоотношений двух начинающих писателей, их вхождению в большую литературу и молодёжную литературную среду Москвы начала XX века. Такой литературный портрет,

можно охарактеризовать как мемуарно-биографический.

Приступая к рассказу о Бунине, Зайцев использует приём, характерный для его художественной прозы, – прежде всего, создаёт фон (пейзаж, интерьер), атмосферу (культурную, духовную), своего рода «рамку», в которую чуть позже будет вписан облик главного персонажа. Например: «Неопалимовский переулок, звёзды на ночном небе, огненно-сухая снежная пыль из-под копыт резвого. Яркий свет, тепло, запах шуб в передней профессора Р. \...\ В столовой молодёжь – не то художники, не то студенты, не то поэты, не весьма основательные дамы, и с чёрными кудерьками, карими чудесными глазами сама хозяйка, Любочка Р.»¹. Именно здесь произошла первая встреча двух писателей. Причём для мемуариста не важен день или год этой встречи, но особенно значимы ощущения и впечатления того момента. Их особенно ярко передают художественные детали: свет, цвет, запах, одежда, формы окружающих предметов и т. п.

После подробного воссоздания бытовой и психологической атмосферы дома, взгляд повествователя, наконец, обращается к главному герою – И. А. Бунину: «Он сидел за стаканом чая, под ярким светом, в сюртуке, треугольных воротничках, с бородкой, боковым пробором всем теперь известной остроугольной головы, тогда русо-каштановой, – изящный, суховатый, худощавый»². Такая точная детализация передаёт не только внешность (треугольные воротнички, бородка, остроугольная голова, изящный, суховатый, худощавый), но и некоторые черты намечающегося характера нового знакомого. Буквально несколькими штрихами Б. Зайцеву удаётся высветить внутреннюю суть своего персонажа: некую неуживчивость, колкость, «остроту углов», сдержанность в общении и изящность в манерах.

Вспоминая о чтении своих и чужих произведений на литературных «Средах»,

¹ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература; ТЕРРА, 1993. С. 379.

² Там же. Т. 2, с. 380.

Зайцев признаётся, что именно Бунин его «стеснял», «была в нём строгость и зоркость художника, острое чувство слова, острая ненависть к излишеству»¹. Зайцев подчёркивает, что уже тогда Бунин был «опытнее и сильнее», в нём было «обаяние художника», но его «боялись». «Когда Бунин слушал, иногда фразы застревали в горле», – сознаётся мемуарист. Зайцев-повествователь старается придерживаться чёткой границы между «Я» и «Он», рассказывая о своём герое, но ему не удаётся быть до конца объективным. Читатель воспринимает главного героя через призму взглядов и ощущений автора-мемуариста.

Точная и меткая художественная деталь, однажды подмеченная Зайцевым в бунинском портрете, имеет свойство повторяться, развиваться в других микросюжетах и завершать повествование верными ёмкими выводами. Так, первая встреча с Буниным связана для Зайцева, с одной стороны, с «ощущением остро-поэтическим», а с другой, – со светом, теплом, молодостью, оживлением, морозной ночью и звёздами. Несмотря на *колкость* и *остроту* бунинских слов, порой резких, критичных литературных отзывов, сопряжённых по ощущению с *морозным*, *колким зимним* воздухом, писатель-современник оставил в душе *тёплый* и *светлый* след. И по прошествии многих лет Зайцев утверждал, что Бунин вошёл в его жизнь «под знаком поэзии и литературы», «с этой стороны и остался в памяти»². Творческая составляющая для писателя Б. Зайцева оказалась на первом месте, остальные характеристики – второстепенны, если перед нами действительно великий художник. Именно этот тезис положен в основу литературного портрета молодого И. Бунина.

Другой литературный портрет И. Бунина Б. Зайцев создаёт в мемуарном сборнике «Далёкое». Как и другие очерки, собранные в этой книге, очерк «Памяти Ивана и Веры Буниных» является последним прощальным «приветом ушедшей из

земной жизни душе». Здесь, бесспорно, автор создаёт литературный портрет мемуарно-автобиографического характера, по классификации В. С. Барахова [2, с. 7–8], в основном, повествует о личных взаимоотношениях, грасских (парижских) встречах с Иваном Алексеевичем и Верой Николаевной Буниными.

Б. Зайцев остаётся верен точности художественной детали. Прежде всего, мемуарист несколькими яркими штрихами очерчивает психологический портрет И. Бунина, что является основой для следующих размышлений. Строгость в отношении к себе и окружающим, энергичность, лёгкость в движениях, серьёзность и ироничность в общении, требовательность и непримиримость к фальши в творчестве, поэтическое восприятие мира – именно эти черты ещё раз отмечены и акцентированы Зайцевым. Отдельно выделяется деталь, имеющая мотивный характер. С бунинским обликом у Зайцева ассоциируется «свет», «золото», «солнце», символизирующие яркость таланта. Не случайно Грасс, где жили Бунины в эмиграции, у Зайцева через много лет ассоциируется с «солнцем, миром, красотой». Солнечные тёплые дни освещают последние встречи давних друзей.

В отличие от первого портрета, поздний его вариант не столько открывает нам «нового Бунина», сколько закрепляет представление о хорошо знакомом. Зайцев его хорошо знает и уже не стесняется, «не боится» его суждений, чувствуя себя уверенным, равноправным художником слова. Но, в отличие от всегда яркого, «золотого», «солнечного» Бунина, предпочитает тихое «серебро» светлого дня, покой пустынных мест Прованса. Кажется, намеренно автор противопоставляет бунинской неуёмной энергии, страстности, резкости собственную размеренность, спокойствие, уравновешенность. Зайцевский портрет-воспоминание о Бунине создан по принципу психологического контраста, но и одновременного снятия конфликтности, противоречивости между автором и героем. Завершает бунинский очерк-портрет

¹ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 2. М.: Художественная литература; ТЕРРА, 1993. С. 381.

² Там же. Т. 2, с. 380.

Зайцев тихой, умиротворённой картинкой, утверждая, что Иван и Вера Бунины «в памяти тогдашние остались, как и Прованс в солнце и золоте...»¹.

Портрет И. А. Бунина в воспоминаниях Г. Адамовича

Г. Адамович – известный поэт, литературный критик – в своих воспоминаниях также создаёт творческий, мемуарный портрет Бунина. Как и предыдущий автор, Адамович создаёт фон, показывает близкое окружение своего главного персонажа, но фигура Бунина не воспринимается в слитности, единстве с окружающим миром. Напротив, она резко очерчена, выделена из него. Место, где впервые встретились Г. Адамович и И. Бунин – петербургский клуб «Привал комедиантов». «Бунин стоял у стены, против входной двери, рассеянно и хмуро глядя по сторонам, всем своим видом показывая, что ничто ему тут не по душе»², – вспоминает Адамович. Прибежище русского модернизма, по мнению автора очерка, было чуждо Бунину и даже враждебно, что ярко проявилось и в мимике, и в манере держаться: «Он демонстративно молчал. Усмешка изредка кривила его губы»³. Адамович сосредоточивает своё внимание в основном на литературных беседах с Буниным, на оценках творчества Флобера, Толстого, Достоевского, Гоголя, Пушкина, Лермонтова. Через суждения о литературе и литераторах, по мнению автора, более чётко проступают собственные взгляды Бунина на литературу и искусство.

Между мемуаристом, критиком Адамовичем и известным писателем Буниным складываются совершенно другие, отличные от Зайцева, отношения. Для Адамовича Бунин – старший, мастер, классик, стоящий на литературном Олимпе. Характерно, что это отношение со временем не меняется. Далее обнаруживаем

такую портретную зарисовку: «С возрастом он стал красивее и как бы породистее. Седина шла ему, шло и то, что он сбрил бороду и усы. Появилось в его облике что-то величавое, римски-сенаторское, усилившееся с течением дальнейших лет»⁴.

Адамович стремится уловить и выделить главное в творческой личности Бунина: его незаурядный ум, способность видеть людей насквозь, улавливать малейшее притворство, фальшь и в литературе, и в жизни, требование чистоты языка и стиля, склонность к импровизации.

Адамович рассказывает о своих встречах с Буниным от начала 1910-х годов до осени 1953 года. Однако в очерке-портрете запечатлено не столько течение времени, сколько то, особенное, постоянно-устойчивое в характере Бунина, что успел понять и выявить в минуты общения автор. Несмотря на присутствие в тексте постоянных отсылок к важнейшим историческим событиям: революции, войнам XX в., оккупации Парижа, репрессиям в Советском союзе, послевоенному времени в Европе и России, – все они сами по себе являются лишь фоном. Единственно значимой для мемуариста становится реакция главного героя – Бунина – на эти события. Свои собственные оценки и суждения автор пытается скрыть, комментируя происходящее сдержанно, сухо.

Г. Адамовичу удалось представить литературный портрет И. Бунина «от первого лица», где герой рассказывает о себе сам. Его повествование изобилует диалогами, многочисленными цитатами, реминисценциями, отсылками к литературе прошлых лет и периода эмиграции. Авторские комментарии всегда уместно вплетены, встроены в размышления портретируемого персонажа. Адамович проявил в данной работе высочайшее мастерство публициста, владеющего приёмами интервьюирования, рецензирования, обзора и литературного анализа.

¹ Зайцев Б. К. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература; ТЕРРА, 1993. С. 440.

² Адамович Г. В. Сомнения и надежды. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 111.

³ Там же. С. 111.

⁴ Адамович Г. В. Сомнения и надежды. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 112.

Образ И. А. Бунина в очерках Ф. Степуна

К жанру литературного портрета в своих воспоминаниях о Бунине обращается и Ф. Степун, который также на протяжении длительного времени был знаком с писателем. Впервые очерк Степуна «Иван Бунин» был опубликован в «Современных записках» в 1934 г. Позже этот очерк вошёл в книгу «Встречи», куда помимо воспоминаний о Бунине включены размышления о творчестве Достоевского, Толстого и воспроизведено общение автора с известными литераторами-современниками Б. Зайцевым, А. Белым, В. Ивановым.

Этот бунинский литературный портрет можно отнести к разновидности мемуарно-философских портретов. Автор с первых строк включает своего читателя в систему философских размышлений о сути таланта и творчества, человеке и мире, ходе истории и роли личности художника в ней. Интерес Степуна к Бунину-писателю и человеку остаётся первостепенным, внимание к внутреннему миру личности преобладает. Композиционно очерк построен в соответствии с логикой написания научного сочинения: тезис – доказательство – вывод.

Автор в самом начале повествования ставит перед собой определённую задачу, проблемный вопрос: «Допустим, что Нобелевская премия присуждена была Бунину самой историей, и, допустив это, спросим себя: чем оправдан выбор Бунина, что хотела история сказать нам этим решением»¹. Далее путём серьёзных философских рассуждений приходит к поиску ответа на поставленный вопрос, а несколько позже следует вывод: «... Талант и оригинальность его (Бунина. – Н. К.), конечно, весьма значительны, но... не это самое главное в нём, а та подлинность, или, ещё лучше, первозданность его таланта, которой в мире становится всё меньше, хотя сознание, что без неё ни жить, ни творить дальше нельзя, всюду растёт. Вот тот смысл, в котором выделение Бунина мне

представляется не случайным, а симптоматически существенным»².

Размышляя о формировании Бунина-художника, автор восстанавливает важнейшие особенности исторической эпохи, культурную атмосферу и политическую обстановку в России начала XX века. С подобным приёмом, созданием «фона» в портрете, мы встречались в очерках Зайцева и Адамовича, но у Степуна этот «фон» представлен в расширенном, укрупнённом виде. В связи с этим и главный герой, И. Бунин, и его талант представлены не только как выдающееся явление искусства, но и как значимая часть духовной и культурной составляющей России и мира в целом.

Ф. Степун не боится показаться субъективным в оценке бунинского мастерства и встаёт на защиту такой черты его таланта, как созерцательность, в которой его нередко упрекали критики. Слово теория, вспоминает Степун, в переводе с греческого означает не мышление, а созерцание. «Талант Бунина это помнит, – пишет Степун. – Бунин думает глазами, и лучшие страницы его наиболее глубоких вещей являются живым доказательством того, что созерцание мира умными глазами стоит любой мирозерцательной глубины»³.

Нужно признать, что образ Бунина в очерке Степуна не лишён идеализации и, благодаря склонности мемуариста к художественной гиперболе, часто обретает почти мифологические черты. Например, «ему отпущены не только орлиные глаза для дня, но и совиные глаза для ночи»⁴. «Бунин не учит мир совершенству, а усовершенствует его своим искусством»⁵ и др. Вместе с тем Степун отмечает и ошибки, и заблуждения своего героя, но не ограничивается простой констатацией фактов, а пытается найти причины и объяснить их. Анализ и рассуждение становятся ведущими приёмами в повествовательной манере Ф. Степуна.

² Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 681.

³ Там же. С. 683.

⁴ Там же. С. 683.

⁵ Там же. С. 684.

¹ Степун Ф. А. Сочинения. М.: РОССПЭН, 2000. С. 680.

Заключение

Итак, обратившись к анализу литературных портретов И. А. Бунина, созданных его современниками-писателями, можем охарактеризовать их как высокохудожественное литературное явление, особенно близкое к мемуаристике. В них личность писателя воспроизведена глубоко и многогранно, все характеристики глубоко аргументированы, фактографичны,

по возможности объективны. Каждый из представленных выше литературных портретов имеет чёткую типологическую принадлежность: мемуарно-биографический, мемуарно-творческий и мемуарно-философский портрет, что, бесспорно, влияет как на выбор жанрово-композиционной формы, так и на стилистические способы авторского повествования.

Статья поступила в редакцию 16.07.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылова Б. К. Модель жанра литературного портрета и его структура // Международный журнал экспериментального образования. 2015. №2 (часть 2). С. 153–156.
2. Барахов В. С. Искусство литературного портрета: Горький о В. И. Ленине, Л. Н. Толстом, А. П. Чехове. М.: Наука, 1976. 184 с.
3. Жигачева М. Д. Портрет героя в прозе И. А. Бунина и В. Набокова // Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2015. С. 69–74.
4. Затева Т.В., Айкашева О. А. Литературный портрет конца XIX – первой половины XX века: внутржанровая типология. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2016. 144 с.
5. Катренко О. Н. Типология литературного портрета в современных научных исследованиях // Пушкинские чтения-2015. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст: материалы XX Междунар. науч. конф. / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2015. С. 202–206.
6. Колосова С. Н. Роль живописных средств создания портрета и пейзажа в лирике И. А. Бунина // Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сборник научных трудов. Елец: Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, 2015. С. 81–90.
7. Кудряшова А. А. Теоретические основы жанра в русской автобиографической прозе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2013. 36 с.
8. Пономарев Е. Р. Преодолевший модернизм: Творчество И. А. Бунина эмигрантского периода: монография. М.: Литфакт, 2019. 340 с.
9. Уртминцева М. Г. Литературный портрет в русской литературе второй половины XIX века: генезис, поэтика, жанр: монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2005. 232 с.

REFERENCES

1. Bazylova B. K. [Model of the genre of literary portrait and its structure]. In: *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya* [International journal of experimental education], 2015, no. 2 (part 2), pp. 153–156.
2. Barakhov V. S. *Iskusstvo literaturnogo portreta: Gor'kii o V. I. Lenine, L. N. Tolstom, A. P. Chekhove* [The art of literary portrait: Gorky about V. Lenin, L. Tolstoy, A. Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 184 p.
3. Zhigacheva M. D. *Portret geroya v proze I. A. Bunina i V. Nabokova* [Portrait of a Hero in Prose by I. Bunin and V. Nabokov]. In: *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina v kontekste sovremennykh humanitarnykh issledovaniy* [The creative heritage of I. Bunin in the context of modern humanitarian research]: a collection of scientific works. Yelets: Yelets State University named after I. A. Bunin Publ., 2015, pp. 69–74.
4. Zateeva T. V., Aikasheva O. A. *Literaturnyi portret kontsa XIX – pervoi poloviny XX veka: vnutrizhanrovaya tipologiya* [Literary portrait of the late 19th – first half of the 20th century: intra-genre typology]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 2016. 144 p.
5. Katrenko O. N. *Tipologiya literaturnogo portreta v sovremennykh nauchnykh issledovaniyakh* [Typology of literary portrait in modern scientific research]. In: *Pushkinskie chteniya-2015. Khudozhestvennye*

- strategii klassicheskoi i novoi literatury: zhanr, avtor, tekst* [Pushkin Readings-2015. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text]: materials of the XX Intern. scientific. conf. / under total. ed. V. N. Skvortsova; executive editor T. V. Maltseva. St. Petersburg, A. S. Pushkin Leningrad State University Publ., 2015, pp. 202–206.
6. Kolosova S. N. *Rol' zhivopisnykh sredstv sozdaniya portreta i peizazha v lirike I. A. Bunina* [The role of stylistic devices in creating a portrait and landscape in the lyrics of I. Bunin]. In: *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina v kontekste sovremennykh gumanitarnykh issledovaniy* [The creative heritage of I. Bunin in the context of modern humanitarian research]: a collection of scientific works. Yelets: Yelets Bunin State University Publ., 2015, pp. 81–90.
 7. Kudryashova A. A. *Teoreticheskie osnovy zhanra v russkoi avtobiograficheskoi proze: avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Theoretical foundations of the genre in Russian autobiographical prose: abstract of D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2013. 36 p.
 8. Ponomarev E. R. *Preodolevshii modernizm: Tvorchestvo I. A. Bunina emigrantskogo perioda: monografiya* [Overcome modernism: the work of I. Bunin of the emigrant period: monograph]. M.: Litfakt Publ., 2019. 340 p.
 9. Urtmintseva M. G. *Literaturnyi portret v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: genezis, poetika, zhanr: monografiya* [Literary portrait in Russian literature of the second half of the 19th century: genesis, poetics, genre: monograph]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State University Publ., 2005. 232 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кознова Наталья Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и медиатехнологий СМИ Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна;
e-mail: nkoznova@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia N. Koznova – Dr. Sci. (Philology), Prof., Department of Journalism and Media Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design;
e-mail: nkoznova@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кознова Н. Н. Литературный портрет И. А. Бунина в воспоминаниях современников // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 101–108.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-101-108

FOR CITATION

Koznova N. N. Literary Portrait of I. Bunin in the Memoirs of Contemporaries. In: Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology, 2020, no. 4, pp. 101–108.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-101-108

УДК(821.161.1)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-109-115

МОСКВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ИВАНА БУНИНА

Новикова Е. А.*Военная академия Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации
119571, г. Москва, проспект Вернадского, д. 100, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель данного исследования заключается в рассмотрении образа Москвы в прозаическом наследии И. А. Бунина.

Процедура и методы исследования. В статье рассматривается несколько оригинальных картин Москвы в прозаических произведениях И. А. Бунина, их место в образной системе его рассказов и повестей, с учётом биографических и историко-литературных реалий. Анализируются художественные детали в изображении Москвы начала XX века, специфика конкретных локусов города в различные периоды жизни писателя и исторического существования древней столицы России. Особое внимание уделено интерпретации образа Москвы в прозаических произведениях разных периодов создания. При анализе текстов используется культурно-исторический и психологический метод.

Результаты. В ходе анализа произведений раскрывается значение образа Москвы для самого писателя, его персонажей и творчества в целом.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья вносит вклад в изучение одной из граней литературно-художественного наследия прозаика Ивана Бунина.

Ключевые слова: И. Бунин, Москва, творческое видение, язык революционной эпохи

MOSCOW IN THE WORKS OF IVAN BUNIN

E. Novikova*General Staff Military Academy of Armed Forces of Russian Federation
100 Vernadskogo prospect, Moscow 119571, Russian Federation***Abstract.**

Aim is to examine Moscow's image in the prosaic legacy of I. Bunin.

Methodology. The article deals with Moscow's image in the works of I. Bunin through the prism of the cultural and historical chronotope and the philosophical and Orthodox context. The author analyzes the means of contrasting Moscow at the beginning of the 20th century, the specificity of representing the city in different periods of the writer's life and the historical existence of the city. Special attention is paid to the interpretation of Moscow's image in prose works of different periods of creation. When analyzing texts, the cultural-historical method.

Results. The works' analysis reveals the significance of Moscow's image for the writer, his characters, and creativity in general.

Research implications. The article contributes to the study of the legacy of Ivan Bunin.

Keywords: I. Bunin, Moscow, creative vision, language of the revolutionary era

Введение

Изображение Москвы в разных произведениях Бунина имеет разнообразную, но в каждом произведении ощутимую направленность [3; 4; 6], что часто мотивировалось художественной необходимостью конкретного сюжета, тонким раскрытием характеров,

стремлениями и переживаниями персонажей, чаще всего от лица которых ведётся повествование.

Можно выделить ряд характерных признаков, которые постоянно доминируют в образе Москвы, вновь и вновь возникают в различных звеньях развития действия и композиции произведений. Это создаёт богатый, пёстрый, многоцветный портрет древней и современной автору Москвы. С каждым вновь прочитанным рассказом или повестью он обогащается, поскольку в следующем добавляются новые краски и оттенки, неожиданные экскурсы в прошлое, описываются новые улицы и закоулки, здания, скверы, сады, особняки, театры, гостиницы, храмы, монастыри, панорамные виды города, открывающиеся с высоты.

Образы древней и новой столицы в контексте прозы И. Бунина

Описания Москвы в художественном мире Бунина, как правило, живописны и многозвучны, воспринимаются то с импрессионистической лиричностью, размытостью пастельных тонов, то с графической отчётливостью, резкостью силуэтов.

Бунинский дневник 1895 года запечатлел воспоминания о первом приезде в Москву зимой 1889 года. «*Старая, огромная, людная Москва*» обрушила на него поток впечатлений и ощущений. «*Так встретила меня Москва когда-то впервые и осталась в моей памяти сложной, пёстрой, громоздкой картиной – как нечто похожее на сновидение*» [1, с. 14].

В книге «Жизнь Арсеньева» (1929, 1933) так детально описан приезд на один день героя в Москву, что предстаёт своеобразным вариантом собственных впечатлений Бунина, его биографии. Герой наблюдает, что Тверская и Большая Никитская улицы были заполнены «*громом и грохотом конок, шумной бестолочью идущих и едущих, удивительным количеством тяжело нагруженных товарами ломовых розвальней*»¹. Алексей Арсеньев дивился на храм

Василия Блаженного, ходил по соборам в Кремле, завтракал в трактире Егорова в Охотном ряду...

Наиболее ярким произведением о Москве является рассказ «Казимир Станиславович» (1916). Главный герой этого рассказа приезжает из Киева в Москву на свадьбу своей дочери, с которой давно расстался. В этом рассказе Бунин воспроизвёл гостиницу «Версаль», ресторан «Прагу», кондитерскую Филиппова на Тверской, Страстную площадь: «*Вечерело, воздух был тёплый, зеленели чёрные деревья на бульварах, всюду было много народа... Одиноко человеку, прожившему и погубившему свою жизнь, в весенний вечер в чужом людном городе! Казимир Станиславович нешком прошёл весь Тверской бульвар, снова увидел вдали чугунную фигуру задумавшегося Пушкина, золотые и сиреневые главы Страстного монастыря...*»².

Последнее место жительства Ивана Алексеевича Бунина в Москве – дом №26 (квартира №2), расположен на улице Поварской. Здесь писатель жил с осени 1917 года до поздней весны 1918 года в доме отца Веры Николаевны Муромцевой.

Весна 1918 года была последней, которую Бунин провёл в ставшей для него родной Москве. Пасха приходилась в тот год на первые майские дни. Иван Алексеевич с Верой Николаевной ходили к заутрене в церковь Николая Чудотворца на Курьих ножках (первая половина XVII века), что стояла на Большой Молчановке между Борисоглебским и Большим Ржевским переулками (Большая Молчановка, 26; Большой Ржевский пер., дом 1).

В 1929 году храм ещё действовал. В 1934 году он был разобран, а в 1918-ом он ещё стоял рядом с доходным домом И. С. Баскакова (Поварская, 26), где тогда жил будущий эмигрант. Бунин запечатлел, как за те полгода, которые прошли с Октябрьского переворота, Москва сильно изменилась [2]. На газонах, где прежде по весне желтели одуванчики, теперь парами грелись на солнышке люди и лузгали семечки.

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 6. Жизнь Арсеньева. М.: Художественная литература, 1988. С. 80.

² Бунин И. А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1988. С. 300.

Бунин описывал события первого времени новой власти с нескрываемым раздражением. Его гневные слова направлены против новой, наследующей все пороки прежней власти. Бунин видел в победителях революции самозванцев, «ряженных», оголтелых грешников, которым не дано раскаяться. Революционное время писатель называл землетрясением, чумой, а участников революции уподоблял скотской толпе, преступникам, грабителям, властвующим и в Москве, и в Петрограде, и в провинциальных областях: «... Толпа, наполняющая теперь улицы, невыносима физически, я устал от этой скотской толпы до изнеможения... Теперь даже на Большой Фонтан проехать, и то безумная мечта: и нельзя без разрешения, и убить могут, как собаку»¹.

«Окаянные дни» (1925) написаны как наизидание потомкам. Бунин воспроизводит на страницах этой книги серьёзные уроки русской истории. Страшные это были дни для Москвы. Достоверность описаниям придают публицистически заострённые картины и факты, отражённые в газетах революционного времени: «Народ возненавидел всё. Положение нельзя понять. Читал только «Социал-демократ». Потрясающий номер! Но о событиях нельзя составить представления»² (запись 2 ноября 1917 г.). В записи от 7 марта 1918 г. цитируется пушкинское горькое высказывание о России: «Шли ночью по Тверскому бульвару: горестно и низко клонит голову Пушкин под облачным с просветами небом, точно опять говорит: «Боже, как грустна моя Россия!» И ни души кругом, только изредка солдаты и б-и»³.

Боль за Россию выражена с кинематографической динамичностью изображения, но без звуков и голосов, как будто в немом кино: «<...> Вломились молодые солдаты с винтовками в наш вестибюль – требовать оружие. Всем существом поняв, что такое вступление скота и зверя побе-

дителя в город. <...> Лица хамов, сразу заполнивших Москву, потрясающе скотски и мерзки. День тёмный, грязный. Москва мерзка как никогда. Ходил по переулкам возле Арбата. Разбитые стёкла и т. д. <...> Сильно плакал. Восемь месяцев страха, рабства, унижений, оскорблений! Этот день венец всего! Разгромили людоеды Москву!»⁴.

Трагическую суть происходящего поняли и те, кто прежде сочувствовал либеральным идеям. В пасху 1919 года многие покаянно и скорбно плакали: «Сколько стояло тогда в этих церквах людей, прежде никогда не бывавших в них, сколько плакавших!»⁵ Странное впечатление производит эта книга. Она завораживает, пугает, поражает точностью определений и характеристик, но всё же не лишает надежды.

Безвозвратно уходящее прошлое привлекало Бунина-художника [5], скорбящего о том, что на смену красоте и мощи, истинной культуре приходит неприглядное убожество, но и за ним, сквозь него просвечивает бессмертное величие эпохи, несмотря на то, что многое в настоящем ломают и оскверняют строительным мусором: «... В жаркий майский день ходил в село Измайлово, вотчину царя Алексея Михайловича. Выйдя за город, не знал, какой дорогой идти. Встречный мужик сказал: «Это должно быть, туда, где церква с синим кумолом. <...> Увидал, наконец, древний собор, с зелёными главами, которые мужик называл синими, весенний сквозной лес, в лесу стены, древнюю башню, ворота и храм Иосифа, нежно сиявший в небе среди голых деревьев позолотой, – в небе, которое было особенно прекрасно от кое-где стоявших в нём синих и лазурных облаков...»⁶. Это строчки из книги «Под серпом и молотом» (1930). Разумеется, к «серпу и молоту», к «казармам имени Баумана» у писателя сложилось вполне определённое отрицательное отношение.

Москва отчасти является местом действия, ареалом юного весеннего вос-

¹ Бунин И. А. Окаянные дни; Воспоминания; Статьи. М.: Советский писатель, 1990. С. 91.

² Там же. С. 91–92.

³ Там же. С. 92.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1988. С. 11.

торга для героя повести «Митина любовь» (1924): «... Они с Катей шли в двенадцатом часу утра вверх по Тверскому бульвару. Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко. Как будто правда прилетели жаворонки и принесли с собой тепло, радость. Всё было мокро, всё таяло, с домов капали капли, дворники скалывали лёд с тротуаров, сбрасывали липкий снег с крыш, всюду было многолюдно, оживлённо. <...> Вдали, с благостной задумчивостью высился Пушкин, сиял Страстной монастырь...»¹.

Многие описания связаны с авторским вниманием к ресторанам, к проведению времени за рюмкой в компании интересных собеседников, каковыми были писатели, актёры, художники, композиторы, меценаты, знакомые по Харькову и Одессе. Сам Бунин любил эту аристократическую атмосферу ночной Москвы. Пьяницей он не был, но изысканные застолья любил. С большим увлечением и мастерской детализировкой изображает он питейное заведение в рассказе «Ида» (1925): «... По случаю праздника в Большом Московском было пусто и прохладно. Мы прошли старый зал, бледно освещённый серым морозным днём, и приостановились в дверях нового, выбирая, где поуютней сесть, оглядывая столы, только что покрытые белоснежными тугими скатертями. Сияющий чистотой и любезностью распорядитель сделал скромный и изысканный жест в дальний угол, к круглому столу с полукруглым диваном. Пошли туда <...>. И через минуту появились перед нами рюмки и фужеры, бутылки с разноцветными водками, розовая сёмга, смуглотелесный балык, блюдо с раскрытыми на ледяных осколках раковинами, оранжевый квадрат честера, чёрная блестящая глыба паюсной икры, белый и потный от холода ушат с шампанским... Начали с перцовки...»².

В рассказе «Благосклонное участие» (1929) пересказывается, отчасти цитируется содержание афиш, освещающих

театральную, литературную и концертную деятельность артистической интеллигенции Москвы: «Великое множество афиш всех цветов и размеров пестрит на всех её улицах и перекрёстках: «На дне», «Синяя птица», «Три сестры», Шаляпин в «Русалке», Собинов в «Снегурочке», Шор, Крейн и Эрлих, опера Зимина, вечер Игоря Северянина...»³.

В рассказах книги «Тёмные аллеи» (1937–1945, 1953) до боли трогательно и достоверно писатель вспоминал Москву – город, который уже утратил прежние очертания. Он писал о тех ресторанах и гостиницах, которые сразу же после революции 1917 года были закрыты, об улицах и домах, которые по плану реконструкции Москвы 1935 года подлежали уничтожению. Но в рассказах писателя они существовали, да и поныне напоминают о себе – такими, какими сохранила их память Бунина. В книге Бунина мы видим Москву практически в любое время года.

Например, осенью Московские улицы запомнились грязными и сумрачными, они «мокро и чёрно блестели раскрытыми зонтами прохожих и поднятыми, дрожащими на бегу верхами извозчицких пролёток...»⁴.

Восприятие города во многом обусловлено личными обстоятельствами и чувствами персонажей, не умеющих найти себя, определить свой путь в жизни, реализоваться в любви. В рассказе «Кавказ» (1937) герой окружён тяготящей его обстановкой чуждого и бесперспективного пространства: «Приехав в Москву, я воровски остановился в незаметных номерах в переулке Арбата и жил томительно, затворником – от свидания до свидания с нею...»⁵.

А вот – уже зимой – главный герой рассказа «Генрих» (1940) уезжает не только из Москвы, но покидает и страну в предвкушении красот и экзотических очарований Италии и Швейцарии: «В сказочный морозный вечер с сиреневым инеем в садах лихач Касаткин мчал Глебова на высоких, узких

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 4. М.: Художественная литература, 1988. С. 152.

² Там же. Т. 4, с. 211.

³ Там же. Т. 4, с. 346.

⁴ Там же. Т. 5, с. 11.

⁵ Там же. Т. 5, с. 10.

санках вниз по Тверской в Лоскутную гостиницу – заезжали к Елисееву за фруктами и вином. Над Москвой было ещё светло, зеленело к западу чистое и прозрачное небо, тонко сквозили пролётами верхи колоколен, но внизу, в сизой морозной дымке, уже темнело и неподвижно и нежно сияли огни только что зажжённых фонарей...»¹

«Лоскутная», одна из самых-самых известных гостиниц в дореволюционной Москве, располагалась недалеко от Красной площади, в Лоскутном переулке, названном так по рынку, который шёл от Большой Никитской улицы. В этой гостинице не раз останавливался и сам Бунин, а потом передавал свои наблюдения повествователю. Москва в эмигрантских рассказах часто представлена праздным городом, утопающим в греховных развлечениях, ночном ажиотаже вокруг искусства и пиршеств. Это прекрасно иллюстрирует рассказ «Речной трактир» (1943), где Бунин прибегает к символически ёмким строчкам: «Было пусто и тихо – до нового оживления к полночи, до разъезда из театров и ужинов по ресторанам, в городе и за городом»².

Тем не менее, если сложить многочисленные картины города и ощутить их как единый текст, приходишь к заключению, что бунинская Москва любима автором, неповторимо увлекательна, таит в себе жизнеспособное начало.

В рассказе «Чистый Понедельник» (1944) можно пережить ещё одну встречу с Москвой накануне катастрофических для всего населения страны событий: «Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – и разгоралась вечерняя, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь: гуще и бодрей неслись извозчики санки, тяжелей гремели переполненные, ныряющие трамваи – в сумраке уже видно было, как с шипеньем сыпались с проводов зелёные звёзды – оживлённее спешили по снежным тротуарам смутно чернеющие прохожие...»³

Несмотря на то, что повествователь возил героиню в «Прагу», «Эрмитаж», «Метрополь», в театры, на концерты к «Яру», с самого начала среди городских достопримечательностей выделяется Храм Христа Спасителя, как будто предопределяющий судьбу молодой красавицы. Героиня рассказа говорит о старообрядческом кладбище, о своей поездке в Новодевичий монастырь: «Вот вчера утром я была на Рогожском кладбище... раскольничьем. Допетровская Русь! Хоронили ихнего архиепископа. И вот представьте себе: гроб – дубовая колода, как в древности, золотая нарча будто кованая, лик усопшего закрыт белым «воздухом», шитый крупной чёрной вязью – красота и ужас...»⁴ К утончённому чувству героини примешивается осознание социальной разницы в интерпретации исторического прошлого: «Вы – барин, вы не можете понимать так, как я, всю эту Москву»⁵.

Здесь Москва не только древняя, но и духовно таинственная, хранящая старину в её живом обличье, вопреки новым веяниям и законам. Панорама города, открывающаяся взору гостя с высоты пятого этажа, включает и снежно-сизую заречную часть, и громадный храм, и часть Кремля, и отражающихся в золотом куполе галок. «Станный город! – говорил я себе, думая об Охотном ряде, об Иверской, о Василии Блаженном. – Василий Блаженный – и Спасна-Бору, итальянские соборы – и что-то киргизское в остриях башен на кремлевских стенах...»⁶

Почти через тридцать лет после отъезда из России Бунин вспоминал посещение Новодевичьего кладбища, и место погребения многих поколений русских людей смотрится светло и почти празднично, несмотря на грустную тональность картины, напоминающей финифть: «Вечер был мирный, солнечный, с инеем на деревьях... Дивно рисовались на золотой эмали заката серым кораллом сучья в инее, и таинственно теплились вокруг нас спокойными,

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5, с. 111.

² Там же. Т. 5, с. 156.

³ Там же. Т. 5, с. 205.

⁴ Там же. Т. 5, с. 210.

⁵ Там же. Т. 5, с. 211.

⁶ Там же. Т. 5, с. 207–208.

*грустными огоньками неугасимые лампадки, рассеянные над могилами...*¹

Рассказ «В одной знакомой улице» (1944) погружает читателя в атмосферу знакомой по другим рассказам Бунина эпохи, но его художественный мир водворяется на драматический сюжет лирического стихотворения Я. П. Полонского. Для повествователя времена разведены непреодолимой преградой, за которой прошлое неразлично: «... и я, студент, какой-то тот я, в существование которого уже не верится...»² Далёкая, памятная Москва... Мучительно больно рассказчику вспоминать зимний город, уже не существующего человека, легкомысленно навсегда утратившего себя прежнего, свою любовь.

Этот рассказ с цитированной поэтической строчкой в названии уникален тем, что в нём тесно переплелись стихотворение и жизненная история. Бунин сумел объединить стихи и прозу так, что стихотворение стало стержнем, вокруг которого вьётся красивая проза. Слово – нежное, милое, музыкальное. С помощью стихов Я. Полонского Бунин подводит читателя к финальной горькой сцене прощания двух любящих людей.

В рассказе «Памятный бал» (1944) – иная Москва, ликующая на рождественском празднике, нарядная, многолюдная: «... всё мне казалось в тот вечер особенным: это всё увеличивающееся к полночи нарядное, возбуждённое многолюдство, пьянящий шум движения толпы на нарядной лестнице, теснота танцующих в двухцветном

зале с дробящимися хрусталём люстрами и эти всё покрывающие раскаты духовой музыки, торжествующе гремевшей с хор»³. Здесь Москва как будто выплеснувшаяся из «Войны и мира» Льва Толстого: и лестница, и героиня, и герой, который «боялся её породистого тела, великолепных волос, полных губ, звука голоса, дыхания, боялся, будучи тридцатилетним сильным человеком, только что вышедшим в отставку гвардейским офицером!..»⁴ Страх перед женской красотой, удивительно совершенным телом – особенная черта бунинской прозы.

Заключение

Детали огромного мира, который описал, а быть может, отчасти и создал в своих рассказах Иван Алексеевич Бунин, делают портрет Москвы, её людей, изображения замечательных общественных и частных заведений города необычайно колоритными, экзотичными и одновременно очень знакомыми, узнаваемыми теперешними жителями и гостями столицы. Под пером художника Москва подобна прекрасному женскому образу, выглядит свежей и удивительно живой, непостижимо очаровательной – при всех изъянах и достоинствах, идущих от сочетания восточных и западных традиций, от аскетической старины и раскрепощённости последующих времён.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабореко А. Бунин. Жизнеописание. М.: Молодая Гвардия, 2009. 458 с. (Жизнь замечательных людей; вып. 1203).
2. Гачев Г. Национальные образы мира. Общие вопросы. Русский. Болгарский. Киргизский. Грузинский. Армянский. М.: Советский писатель, 1984. 445 с.
3. Пикулева Г. Московская быль Ивана Бунина. 2-е доп. изд. М.: Музей Человека, 2005. 161 с.
4. Степун Ф. Литературные заметки. И. Бунин. По поводу «Митиной любви» // Современные записки. Париж, 1926. №27. С. 333–344.
5. Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / Ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Литфакт, 2019. 896 с. (Академический Бунин; вып. 1).

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений. В 6 т. Т. 5, с. 210.

² Там же. Т. 5, с. 149.

³ Там же. Т. 5, с. 275.

⁴ Там же. Т. 5, с. 275.

6. Чумакова Т. В. Образ Москвы в художественном пространстве рассказа И. А. Бунина «Чистый понедельник» // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. №2. С. 584–588.

REFERENCES

1. Baboreko A. *Bunin. Zhizneopisanie* [Bunin. Biography]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2009. 458 p. (Life of Remarkable People; issue 1203).
2. Gachev G. *Natsional'nye obrazy mira. Obshchie voprosy. Russkii. Bolgarskii. Kirgizskii. Gruzinskii. Armyanskii* [National images of the world. General issues. Russian. Bulgarian. Kyrgyz. Georgian. Armenian]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1984. 445 p.
3. Pikuleva G. *Moskovskaya byl' Ivana Bunina* [Moscow story of Ivan Bunin]. 2nd additional ed. Moscow, Muzei Cheloveka Publ., 2005. 161 p.
4. Stepun F. *Literaturnye zametki. I. Bunin. Po povodu «Mitinoi lyubvi»* [Literary notes. I. Bunin. About "Mitya's love"]. In: *Sovremennye zapiski* [Contemporary notes]. Paris, 1926, no. 27, pp. 333–344.
5. *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)* [Bunin in a historical and literary context (biography, source study, textual criticism)] / Ed.-comp. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. Moscow, Litfakt Publ., 2019. 896 p. (*Akademicheskii Bunin*; issue 1).
6. Chumakova T. V. [The image of Moscow in the artistic space of I. Bunin's short story "Clean Monday"]. In: *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Bulletin of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2015, no. 2, pp. 584–588.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новикова Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных и русского языков Военной академии Генерального штаба Вооружённых Сил Российской Федерации; e-mail: lenanov70@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena A. Novikova – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign and Russian Languages, General Staff Military Academy of Armed Forces of Russian Federation; e-mail: lenanov70@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новикова Е. А. Москва в произведениях Ивана Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 109–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-109-115

FOR CITATION

Novikova E. A. Moscow in the Works of Ivan Bunin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 109–115.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-109-115

УДК(821.161.1)

DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-116-127

И. А. БУНИН О М. А. ВОЛОШИНЕ: ЗА И ПРОТИВ

Яковлев М. В.*Московский государственный областной университет**141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 34, Российская Федерация**Государственный гуманитарно-технологический университет**142611, Московская обл., г. Орехово-Зуево, Зелёная ул., д. 22, Российская Федерация***Аннотация.**

Цель данной работы заключается в прояснении полемического отношения И. А. Бунина к личности и поэзии М. А. Волошина в послереволюционный период.

Процедура и методы исследования. Особое внимание уделено интерпретации воспоминаний И. А. Бунина о М. А. Волошине и их художественной концепции послереволюционной России. При анализе поэтических текстов используются биографический, культурно-исторический и герменевтический методы.

Результаты. В ходе анализа стихотворений раскрываются двойственный образ послереволюционной России в творчестве обоих поэтов.

Теоретическая и / или практическая значимость. Статья вносит вклад в изучение наследия двух ярких поэтов первой трети XX века.

Ключевые слова: И. А. Бунин, М. А. Волошин, образ России, историзм, мифологизм, апокалиптика, метаисторизм

I. BUNIN ABOUT M. VOLOSHIN: PROS AND CONS

M. Yakovlev*Moscow Region State University**24 Veri Voloshinoy ul., Mytichshi 141014, Moscow Region, Russian Federation**State University of Humanities and Technology**22, Zelyonaya ul., Orekhovo-Zuevo, Moscow Region, Russian Federation***Abstract.**

Aim is to clarify the polemical attitude of I. Bunin to the personality and poetry of M. Voloshin in the post-revolutionary period.

Methodology. Special attention is paid to interpreting the late poetic works of I. Bunin and M. Voloshin and their artistic concept of post-revolutionary Russia. Biographical, cultural-historical, and hermeneutical methods are used in the analysis of poetic texts.

Results. The analysis of poems reveals the dual image of post-revolutionary Russia in the works of both poets.

Research implications. The article contributes to studying the legacy of one of the brightest poets of the first third of the twentieth century.

Keywords: I. Bunin, M. Voloshin, the image of the Russia, historicism, mythologism, Apocalyptic, metahistory

Введение

Русская мемуаристика и другие формы автобиографического и биографического жанров в послереволюционный период достигают небывалого расцвета. Мемуарная проза опровергала полемический тезис О. Э. Мандельштама, который в одноимённой статье 1922 года предрекал «Конец романа», объясняя кризис классического жанра «катастро-

фической гибелью биографии», утратой «чувства времени»¹, дающего перспективу движения жизни и определяющего границы художественного хронотопа. По мнению Мандельштама, «композиционная мера романа – человеческая биография»². Однако мемуарный антропоцентризм начала XX века, подобно житийному жанру древнерусской литературы, возвращал в исторический поток человеческую личность. Воспоминания И. А. Бунина о М. А. Волошине – яркий образец такого биографического антропоцентризма.

Творчество И. А. Бунина в современном литературоведении исследовано достаточно подробно, однако художественный мир писателя неизменно сохраняет читательскую и научную притягательность. В рамках данного исследования можно назвать ряд статей последних лет. Проблему стиля И. А. Бунина рассматривают В. А. Гавриков [1], О. А. Коростелев [2], Е. В. Кузнецова [3]. Е. Р. Пономарев исследует мемуарную природу текста дневника «Окаянные дни» [6].

Богатый мемуарный и историко-литературный материал содержат изданная в 2019 году книга В. Н. Муромцевой-Буниной «Беседы с памятью»³. Опубликованы фундаментальные коллективные книги «Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология)» [9], «Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сб. науч. трудов» [8]. В 2019 году ИМЛИ подготовил объёмный научный труд «Литературное наследство. Т. 110: И. А. Бунин. Новые исследования и материалы. В 4-х кн. Кн. 1» [4]. В рамках научно-исследовательского проекта, финансируемого Российским научным фондом (проект №17-18-01410), международным коллективом учёных разработан специализированный сайт «Академический Бунин» [7]. Для осмыс-

ления роли М. А. Волошина в литературном процессе большой интерес представляет книга «М. А. Волошин: Pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. А. Волошина в оценках отечественных писателей, мыслителей, исследователей», подготовленная Т. А. Кошемчук [5].

Цель данной работы состоит в прояснении отдельных аспектов творческой эволюции И. А. Бунина и М. А. Волошина 1917 – начала 1920-х годов, в установлении идейно-стилевой специфики мемуаров Бунина о Волошине и особенностей образа России, озаменованного событиями революции и гражданской войны.

Основной ход исследования

В 1932 году в Париже, в год смерти М. А. Волошина, И. А. Бунин написал воспоминания о поэте. В послереволюционные годы о Волошине были созданы мемуары Г. А. Шенгели «Киммерийские Афины»⁴, М. И. Цветаевой «Живое о живом»⁵, воспоминания Е. С. Кругликовой⁶, Е. К. Герцык⁷ и других современников. В 1954 году по-немецки были написаны мемуары первой жены поэта М. В. Сабашниковой «Зелёная змея» (опубликована в Штутгарте в 1968 г., русский перевод и издание – 1993 год)⁸. Вследствие различных причин до «перестройки» имя и творчество М. А. Волошина были известны по преимуществу специалистам, подтверждая его собственное наблюдение в автобиографии 1925 года: «Сам же я остаюсь всё в том же положении писателя вне литературы, как это было и до войны»⁹.

⁴ Шенгели Г. А. Киммерийские Афины // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 444–448.

⁵ Цветаева М. И. Живое о живом // Там же. С. 383–437.

⁶ Кругликова Е. С. Из воспоминаний о Максe Волошине // Там же. С. 363–365.

⁷ Герцык Е. К. Волошин // Там же. С. 366–381.

⁸ Сабашникова М. В. Зелёная Змея. История одной жизни / пер. с нем. М. Н. Жемчужниковой; вступ. ст. С. О. Прокофьева. М.: Энигма, 1993. 413 с.

⁹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 253.

¹ Мандельштам О. Э. Собрание сочинений. В 4-х т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1991. С. 269.

² Там же. С. 269.

³ Муромцева-Бунина В. Н. Беседы с памятью [вступ. ст., примеч. А. К. Бабореко]. М.: ПРОЗАиК, 2019. 557 [2] с. Библиогр. С. 541–557.

Это «положение» сохранилось на долгие годы.

В этой связи небольшое мемуарное произведение И. А. Бунина «Волошин»¹ в историко-литературном плане интересно по ряду причин.

Во-первых, это отражение-преломление образов двух самобытных мастеров первой трети XX века, своеобразное «двойное зеркало», «портрет в автопортрете», в духе «Воспоминаний о Блоке» (Берлин, 1922) А. Белого², где главное внимание уделяется не столько Блоку, сколько самому автору воспоминаний. В результате получается своеобразный жанр «автопортрета» на фоне ускользающего во времени «портрета» другого человека. В воспоминаниях Бунина о Волошине также важны и интересны оба персонажа – и автор, и герой.

Во-вторых, наблюдения и размышления Бунина о личности, судьбе и послеоктябрьском творчестве Волошина предлагают для читателя две художественные «картины мира», два «образа реальности». В результате возникает двойственная и многозначная версия исторического образа России в послереволюционном литературном процессе, два вектора художественного историзма. Оба они также сохраняются в современной жизни и в исторической концепции русской литературы XX века. Поэтому научно ценным представляется увидеть и осмыслить их в историческом потоке, вернуться к их истокам.

Стилистически воспоминания И. А. Бунина «Волошин» изначально получают полемически-провокационный, иронический характер, напоминая манеру литературно-критических статей В. В. Розанова и язвительно-обличительную стилистику публицистического дневника «Окаянные дни», созданного в период

пребывания в Одессе с 1918 по 1919-й год (записи января 1920 года, по признанию Бунина, были утеряны). Хронологически именно этот период и был временем сближения Бунина и Волошина, и в воспоминаниях автор также обращается к материалам дневника. Бунин сообщает: «Я лично знал Волошина со времён довольно давних, но до наших последних встреч в Одессе зимой и весной девятнадцатого года, не близко»³.

Прежний образ Волошина для Бунина сформировался в дореволюционный период. Он во многом стереотипный и включает общие негативные и иронические характеристики русского декаданта: эстетизм, снобизм, символизм, увлечение европейской поэзией⁴. Н. Н. Берберова в воспоминаниях «Курсив мой» (1969, 1972) приводит характерный бунинский перечень «кретинов», среди которых были Бальмонт, Сологуб, Вячеслав Иванов. Поэзия Гиппиус вызывала злую насмешку. Брюсова предлагалось повесить за его «коммунизм». Псевдоним поэта «Андрей Белый» объяснялся его «белой горячкой», а сам он воспринимался как «опасный сумасшедший». Всех «мерзостнее» для Бунина был А. Блок⁵.

Отметим, что психологически любой наблюдатель замечает прежде всего то, что есть в нём самом, и свойства «эстетизма» и «снобизма» были также и качествами так называемого «неореализма», с которым биографически и эстетически был связан Бунин. К этому можно добавить и специфический бунинский нарциссизм. Н. Н. Берберова в воспоминаниях приводит показательные, до смешного завистливые слова: «И совсем он был некрасивый, – однажды воскликнул Бунин, говоря о Блоке, – я был красивее его!»⁶. Заметим,

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохро-ника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

² Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке / под ред. В. М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 510 с.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохро-ника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

⁴ Там же. С. 451.

⁵ Берберова Н. Н. Курсив мой [Электронный ре-сурс]. URL: <https://libking.ru/books/nonf-/nonf-biography/185919-2-nina-berberova-kursiv-moy.html#book>. (дата обращения: 15.07.2020).

⁶ Там же.

что в списке «кретинов»-символистов из книги Берберовой имя М. А. Волошина отсутствует.

Как реалист, Бунин в мемуарах ставит задачу максимально точно воссоздать образ запомнившегося ему Волошина. При этом лексика и стилевые акценты выражают сугубо авторскую точку зрения, раскрывают картину мира самого неореалиста. Почти карикатурными предстают в воспоминаниях внешность Волошина, его одежда, манера чтения стихов, общения с людьми. Приём портретирования получает карнавальную направленность.

Так, завершая информативную портретную характеристику периода «Весов» и «Золотого руна», Бунин подчёркивает некую искусственность, «сделанность» его облика и в итоге сообщает, что в нём соединились черты «русского мужика и античного грека». Но этого автору ещё недостаточно, и он добавляет, что в нём было «что-то бычье и вместе с тем круторогобаранье»¹. Среди колоритных портретных деталей облика Волошина отмечаются «почти женские груди» под блузой и ставшая одиозной крымская одежда поэта, его, по выражению М. И. Цветаевой, знаменитый «парусиновый балахон»², или, как пишет Бунин, «туника» – то есть «длинная рубаха без рукавов» (*рукава, к слову, были. – М. Я.*). Что кажется ему очень смешно при «его толстой фигуре и коротких волосатых ногах»³.

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 452.

² Цветаева М. И. Живое о живом // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 383.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 453.

После Парижа, по свидетельству Бунина, у Волошина появляются дополнительные божественные черты, «что-то очень изысканное, жеманное и «очаровательное»»⁴. Бунин пишет, что во время чтения стихов Волошин делал «лицо олимпийца, громовержца и начинал мощно и томно завывать», а после чтения снимал «грозную и важную маску» и становился «салонным» человеком с «вкрадчивой улыбкой» и «неутолимимым сладострастием аппетита»⁵. Чтение стихов в одном частном клубе в Одессе 1919 г., «среди пивших и евших в зале < ... > “недорезанных буржуев”», Бунин называет «кошунственным словоизвержением»⁶.

Если сложить эти портретные фрагменты и характеристики, получится странное пышнотелое существо в блузе (или рубахе) с почти женскими грудями, на коротких волосатых ногах. К этому добавляются густые, «завивающиеся кольцами» волосы, разделённые «на прямой пробор», и объёмная борода, которая «чудесно круглится»⁷. Не доверяя фантазии читателя, Бунин вопросительно подсказывает: «Кряжистый мужик русских крепостных времён? Приап? Кашалот?»⁸. Возникает законный вопрос: что же так раздражало И. А. Бунина?

После революции парадоксальным образом русский традиционалист, реалист и патриот Бунин оказывается в Париже, а салонный модернист, «парижанин» и «карикатурный» европеец Волошин осознанно остаётся на родине. В автобиографии Максимилиан Александрович писал: «Вернувшись весной 1917 г. в Крым, я уже более не покидаю его: ни от кого не спасаюсь, никуда не эмигрирую – и все волны гражданской войны и смены правительств проходят над моей головой»⁹. Здесь читатель воспоминаний Бунина сталкивается с разными версиями русской жизни, с раз-

⁴ Там же. С. 452.

⁵ Там же. С. 452.

⁶ Там же. С. 453.

⁷ Там же. С. 453.

⁸ Там же. С. 453.

⁹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 252.

ными *Россиями*, разными картинами мира и пониманием русской истории.

В самом начале воспоминаний Бунин проговаривается о причинах развёрнутой авторской иронии. Его задевает оценка Волошина как пророка! Иван Алексеевич пишет: «... возвели и его в пророки, в провидцы “грядущего русского катаклизма”, хотя для многих из таких пророков достаточно было в этом случае только некоторого знания начальных учебников русской истории»¹. Вероятно, как и в случае отношения к А. Блоку, Бунин был убеждён в собственном превосходстве, в личной пророческой миссии. В другом месте воспоминаний он с удовлетворением приводит факт своей прозорливости в оценке попытки Волошина опубликовать в большевистской Одессе полемическое открытое письмо: «Письмо, конечно, не напечатали. Я и это ему предсказывал»². Слово «предсказывал» в данном контексте звучит несколько преувеличенно, однако свою правоту Бунин явно оценивает как своеобразное интеллектуальное ясновидение.

Действительно, в восприятии Буниным и Волошиным современной послереволюционной России мы имеем дело с пророческим служением двух типов. Для дневника «Окаянные дни» и «Воспоминаний» о Волошине характерна обличительная задача. В случае с историософской позицией и поэзией Волошина мы имеем дело и с обличением современности, и с откровением внеисторической реальности, с мессианизмом и апокалиптикой. При всей разнице позиций в итоге оба русских интеллектуала и художника сходятся в единстве общегуманистических ценностей. В воспоминаниях Бунин приводит сцену прощания с Волошиным, с риском для жизни отправляющимся из Одессы в Крым: «Беседовали долго и на этот раз почти во всем согласно, мирно. <...>

Прощаясь, взволновались, обнялись»³. И далее автор цитирует открытку, полученную от Волошина из Крыма. В частности, Максимилиан Александрович писал: «Очень приятно вспоминать последний вечер, у вас проведённый, который так хорошо закончил весь нехороший одесский период»⁴. Каковы же вехи сближения и отталкивания двух этих ярких и самобытных художников, писавших о послереволюционной России?

В воспоминаниях Бунина есть несколько знаковых произведений и суждений Волошина, позволяющих обозначить и проследить точки притяжения и отталкивания двух литературных миров.

Отмечая в ранней поэзии тенденцию к игре со словом, «влечение к словам», Бунин приводит цитаты из стихотворений «В вагоне» (1901), в котором фонетически имитируется стук колес, и «Кастаньеты» (1901), образ которых сам по себе является культурологической эмблемой ритма. В тот же культурологический ряд Бунин помещает и неомифологическое стихотворение 1910 года «Склоняясь ниц, овевая ночи синью...» из цикла «Блуждания», книги «*Selva oscura*» (1910–1914), в котором преломляется мифологема Матери-Земли. Этот символический образ также развивается в стихотворениях «Быть чёрною землёй...» (1906) цикла «Звезда Полюнь», «Полюнь» (1906) цикла «Киммерийские сумерки», «Материнство» (1917) цикла «Блуждания» и др. Для Волошина эти произведения выражали мифологию Родины как Женственного начала.

Символ Матери-Земли в художественном пространстве Волошина вступает в сложные мифопоэтические отношения с образом Богородицы, в частности, в стихотворении «Таноб» цикла «Путями Каина» (1915–1926). А через софиологическую символику образа Богородицы в поэме

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

² Там же. С. 455.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 456.

⁴ Там же. С. 457.

«Святой Серафим» (1918) и стихотворении «Владимирская Богоматерь» (1929) – с метаисторическим образом России, его проекцией мифологемы Царствия Божия на земле как откровения Софии. В докладе «Россия распятая», прочитанном как автокомментарий к стихам, созданным к маю 1920 года, Волошин формулировал свой историзм как метаисторизм, а историософию как апокалиптику: «Мой единственный идеал – это Град Божий. Но он находится не только за гранью политики и социологии, но даже за гранью времён. Путь к нему – вся крестная, страстная история человечества»¹. К 1923 году произведения этих лет были объединены в книгу «о войне и революции» «Неопалимая Купина». Библейский образ и одноимённая икона Богородицы стали для поэта апокалиптическими символами России.

И. А. Бунину подобная «внеполитичность» казалась непростительной, оценивалась почти как безнравственный идеализм, едва ли не как салонный снобизм. В воспоминаниях он с возмущением дважды приводит слова Волошина, раскрывающие его мистический антропологизм, его иррациональную, апокалиптическую веру в человека. Сначала эта мифологема приводится как свидетельство принадлежности к антропософским кругам и учению: «Он антропософ, уверяет, будто «люди суть ангелы десятого круга, которые приняли на себя облик людей вместе со всеми их грехами, так что всегда надо помнить, что в каждом самом худшем человеке сокрыт ангел...»². Вспомним знаменитую булгаковскую концепцию, вложенную Мастером в уста Иешуа Га-Ноцри о том, что все люди «добрые». В другом месте Бунин нарочито противопоставляет волошинскую веру в человека реальности современной большевистской Одессы: «Я напоминаю ему, что в

этом самом городе, который он собирает украшать (к *Первому мая*. – М. Я.), уже нет ни воды, ни хлеба, идут непрерывные облавы, обыски, аресты, расстрелы, по ночам – непроглядная тьма, разбой, ужас...» И далее приводит те же слова Волошина об ангеле внутри человека: «Он мне в ответ опять о том, что в каждом из нас, даже в убийце, в крестине сокрыт *страждущий Серафим...*» (курсив Бунина. – М. Я.)³. Этот полемический диалог во многом напоминает разговор на пароме рационалиста и скептика Андрея Болконского и вдохновлённого мистикой масонства Пьера Безухова. В обоих случаях сталкиваются не люди, а разные мировоззрения, разные версии реальности. В подтверждение наивности «антропософа» Бунин приводит слова из газеты «Известия»: «К нам лезет Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам»⁴.

Теперь уже не нужно доказывать, что Волошин не принадлежал к движению «сменовеховцев», как в начале воспоминаний иронически предполагает Бунин⁵. Напротив, Волошин был консервативно верен своей апокалиптической позиции «вне политики», по словам М. И. Цветаевой, спасая «красных от белых и белых от красных», то есть «человека от своры»⁶, защищая личность от потерявшей человеческий облик толпы. Об этом он впоследствии написал в автобиографическом стихотворении 1926 г. «Дом Поэта»: «Я ж делал всё, чтоб братьям помешать / Себя губить, друг друга истреблять...»⁷.

³ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 455.

⁴ Там же. С. 455.

⁵ Там же. С. 451.

⁶ Цветаева М. И. Живое о живом // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 436.

⁷ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 81.

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 503.

² Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 454.

Разными концепциями реальности объясняется и второй «грех» Волошина, который Бунин ставит ему в вину в начале воспоминания, а именно: «... слишком литературное воспевание самых страшных, самых зверских злодеяний русской революции»¹. Слово «воспевание» – это отголосок традиции классицизма и романтизма в понимании целей поэзии. Вспомним недоумение А. Блока, которого также обвиняли в «восхвалении» революции в поэме «Двенадцать». В дневнике от 10 марта (25 февраля) 1918 года, ссылаясь на оценку комиссара Театрального отдела О. Д. Каменевой, он с удивлением писал: «Разве я “восхвалял”? (Каменева). Я только констатировал факт: если взглянуть в столбы метели на этом пути, то увидишь “Исуса Христа”. Но я иногда сам глубоко ненавижу этот женственный призрак»². Апокалиптически озаменованная поэтика произведений В. Брюсова, А. Блока, А. Белого, М. Волошина, В. Сумбатова, С. Бехтеева, С. Есенина, П. Карпова, Н. Клюева, да и самого И. А. Бунина предполагала пророческий реализм, а не выражение партийной идеологии.

В автобиографии Волошин пояснял свою литературную задачу послереволюционных лет так: «Но так как темой моей является Россия во всём её историческом единстве, т. к. дух партийности мне ненавистен, т. к. всякую борьбу я не могу рассматривать иначе, как момент духовного единства борющихся врагов в едином деле...»³. При этом в докладе «Россия распята» поэт говорит об объективном «ужасе, который представляет собою русская история во все

века»⁴. Этот «ужас» – свойство апокалиптических текстов. Однако он преодолевается верой в Град Божий, в осознанность страданий, формируя в рамках художественного историзма психологию «трагического оптимизма». Поэт продолжает: «Сквозь дыбу и застенки, сквозь молодецкую работу заплочных дел мастеров, сквозь хирургические опыты гениальных операторов выносили мы свою веру в конечное преобразование земного царства в церковь, во взыскуемый Град Божий, в наш сказочный Китеж – в Град Невидимый...»⁵. В стихотворении 1919 года «Китеж» Волошин заявляет: «Вся Русь – костёр. Неугасимый пламень / Из края в край, из века в век / Гудит, ревёт... И трескается камень. / И каждый факел – человек»⁶.

Метафизическая символика Огня трактуется поэтом не только в смысле «очищающего» или «карающего» Огня, но и в смысле Огненного Богоявления Духа. Отсюда в стихотворениях «Неопалимая купина» (1919) и «Благословенье» (1923) та образность, которая, шокировала Бунина и других свидетелей Революции как Апокалипсиса. Шокирует она и современного читателя. В воспоминаниях Иван Алексеевич приводит строчки из стихотворения «Ангел Мщенья», завершающего статью «Пророки и мстители» 1906 года (журнал «Перевал») и переизданную в 1914 году:

Народу русскому: я скорбный ангел
мщенья!

Я в раны чёрные – в распаханную новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.

И голос мой – набат! Хоругвь моя – как
кровь!⁷

(Курсив Бунина. – М. Я.)

¹ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 451.

² Блок А. А. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 5. Лирическая проза. 1906–1921. Автобиография. 1915. Из дневников и записных книжек. 1901–1921. Последние дни императорской власти. 1918. Л.: Художественная литература, 1982. С. 246.

³ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 7. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 252–253.

⁴ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 492.

⁵ Там же. С. 492.

⁶ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 492.

⁷ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 453.

Волошин называет этого духа революции «Ангелом Справедливости и Отмщения, кровавым Ангелом тамплиэров»¹. В сентябре 1919 года И. А. Бунин пишет стихотворение «Михаил», в котором также слышны апокалиптические интонации:

Архангел в сияющих латах
И с красным мечом из огня
Стоял в клубах синева
И дивно глядел на меня.

<...>

Дух гнева, возмездия, кары!
Я помню тебя, Михаил,
И храм этот, тёмный и старый,
Где ты моё сердце пленил!²

Образ архангела Михаила является одним из ключевых в видениях «Апокалипсиса Иоанна Богослова». Михаил предстаёт как архистратиг небесного воинства в духовной войне с дьяволом (Откр. 12: 7–9).

В стихотворении И. А. Бунина «Потерянный Рай» (1919) видна переключка с поэмой Волошина «Протопоп Аввакум» 1918 года. У обоих поэтов используется своеобразное сентиментально-трогательное молитвенное обращение к Иисусу Христу, свойственное как самому Аввакуму, так и старообрядческой устной традиции в целом. В финале поэмы Волошина из загоревшегося сруба Аввакум так обращается к Богу: «Святая Троица! Христос мой миленькой! / Обратно к Вам – в Ерусалим небесный! / Родясь – погас, / Да снова разгорелся!»³. Разговорное прилагательное «миленькой» по отношению к Богочеловеку звучит и в молитве Адама и Евы из стихотворения Бунина. Праотец человечества просит за своих заблудших чад, убиенных Антихристом: «Со духи праведных, / Убиенных Антихристом: / – Иисусе Христе, Миленький! / Прости душу непотребную! / Вороти в обитель Отчую!»⁴.

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 303.

² Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 367.

³ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 317.

⁴ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 368.

Старообрядческая форма имени «Исус» (с одной буквой «и») используется и в поэме А. Блока «Двенадцать».

Бунин высоко оценил поэму Волошина, завершённую 18 мая 1918 года. После живого авторского чтения «Аввакума» Бунину 18 (5) апреля 1919 года он записал в дневнике: «Справился с ним хорошо, фигура написана выпукло. Техника стиха превосходна»⁵. Проблема религиозного противостояния эпох и людей сближала Бунина и Волошина в восприятии современности. Работа над поэмой «Святой Серафим» упоминается Буниным в цитируемом письме от Волошина как диптих с «Аввакумом»⁶.

Стилистически близкими представляются стихотворения И. А. Бунина и М. А. Волошина, изображающие послереволюционную Москву. В цикле «Пути России» есть стихотворение марта 1917 года «Москва», которое, по воспоминаниям Волошина, воплотило своеобразный метаисторический транс, пережитый им на Красной площади. Революционный парад проходил под кремлёвскими стенами рядом с Лобным местом, заполненным слепцами, «заунывными голосами» певшими «древнерусские стихи о Голубиной книге и об Алексее – человеке Божьем»⁷. Знамена на параде показали поэту «кровью, проступившей из-под этих вещей камней Красной площади, обогрённых кровью Всея Руси». И далее он продолжает: «И тут внезапно и до ужаса отчётливо стало понятно, что это только начало, что Русская Революция будет долгой, безумной, кровавой, что мы стоим на пороге новой Великой Разрухи Русской земли, нового Смутного времени»⁸. В стихотворении

⁵ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 539.

⁶ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 457.

⁷ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 459.

⁸ Там же. С. 459.

«Москва» этот опыт запечатлелся так: «Ни свечи не засвечены, / К обедне не звонят. / Все груди красным мечены, / И плещет красный плат»¹. Очевидно, что послереволюционная неомифология Волошина была не интеллектуальной игрой поэта-модерниста, а опытом ясновидения истории, следствием его апокалиптического реализма, уходящего в народную духовную традицию: «По грязи ноги хлюпают. / Молчат. Подходят. Ждут. / На паперти слепцы поют / Про кровь, про казнь, про суд»².

Тема отступничества и наказания за него была близка и И. А. Бунину. В стихотворении «Москва 1919 года» (12 сентября 1919) мы видим почти ту же реальность, что и в произведении Волошина: «В храме стены потом плачут, / Тусклы ризы алтарей. / Нищие в лохмотьях руки прячут, / Робко жмутся у дверей». И далее: «Темень, холод, буйных галок / Ранний крик. / Снежный город древен, мрачен, жалок, / Нищ и дик»³. Разница лишь в пейзажных деталях.

Массовое религиозное отступничество народа стало одной из причин бегства значительной части русских людей на чужбину. По аналогии с концепцией Конца Света чувство «конца» России формировало новую эсхатологию. В стихотворениях Бунина 1922 года появляются мотивы, созвучные с христианской эсхатологией Волошина, в частности, стихотворения 1915 года «Усталость»⁴. Так, в произведении Бунина «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...»⁵ евангельская аллюзия выражает не только «странничество» и одиночество Сына Божьего на земле (Мф. 8: 20), но и автобиографические переживания. В контексте эмиграции из антихри-

стианского государства лирический герой Бунина понимает своё состояние как верность пути Христову, как нежелание поклониться утверждающемуся Антихристу. Приводимая в стихотворении цитата в Евангелии начинается 19 стихом, где один из почитателей Иисуса эмоционально говорит о своей верности Учителю: «Тогда один книжник подошед сказал Ему: Учитель! Я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошёл» (Мф. 8: 19). На этот порыв Христос предупреждает о трудностях Его пути, о том, что «Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Мф. 8: 20). В стихотворении «Вход в Иерусалим» (29 августа 1922) Бунин подчёркивает конфликт между приветствием Иисусу «Осанна!» и Его «восхождением» не на мессианский трон, а «на позор, на пропятье»⁶. Поэтому финал стихотворения «У птицы есть гнездо, у зверя есть нора...» передаёт жертвенное чувство духовной свободы, закономерность пути того, чей подлинный дом на небесах: «Как бьётся сердце, горестно и громко, / Когда вхожу, крестясь, в чужой, наёмный дом / С своею ветхою котомкой»⁷. Вспомним многозначное название статьи и цикла «Пути России» Волошина, которые приводит Бунин в воспоминаниях. Образ пути и страннического «узелка» возникает в близком по художественной концепции стихотворении В. В. Набокова «Когда по лестнице алмазной...» 1923 года.

Эсхатологический мотив утраты Родины как грехопадения возникает в стихотворении И. А. Бунина «России», датированном 22 августа 1922 года. В нём появляется важный для апокалиптического метатекста образ Блудницы. В частности, у Волошина это стихотворения из цикла «Возношения» «Видение Иезекииля» (1918) и цикла «Пути России» – «Русь гуляющая» (1923). И если в стихотворении «Русь гуляющая» поэт призывает помиловать падшую грешницу, отсылая читателя к эпизодам из Евангелия (Ин. 8: 3–11) и (Лк. 7: 37–48), то видение Иезекииля, так же как видение Апокалипсиса (Откр. 17: 1–18; 18:

¹ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 6. Кн. 2. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 460.

² Там же. С. 460.

³ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 368.

⁴ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 236.

⁵ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 370.

⁶ Там же. С. 375.

⁷ Там же. С. 370.

1–24), изображает Суд и Кару над силами Блуда, уводящими от Бога. Это место Апокалипсиса использовалось Буниным как эпиграф к «антибуржуазному» рассказу «Господин из Сан-Франциско» (1915), где Америка может восприниматься как новая версия символа Вавилонской Блудницы, отсюда и роль пророческого предупреждения: «Горе тебе Вавилон, город крепкий!» В тексте Откровения он завершается так: «...ибо в один час пришёл суд твой» (Откр. 18: 10). Собственно, в Апокалипсисе здесь идёт речь не о конкретном «городе» или стране, а о собирательном образе духовного блуда. В стихотворении 1922 года «России» Бунин также обращается к ней как к Блуднице: «Блажен, кто раздробит о камень / Твоих, Блудница, новых чад, / Рождённых в лютые мгновенья / Твоих утех – и наших мук»¹. Грозная сила Гнева Божьего в границах традиционной христианской этики, учащей милосердию, в стихах Бунина и Волошина звучит эпатирующе.

Апокалиптическая антиномия тьмы и света раскрывается в пейзажном стихотворении И. А. Бунина «Радуга» (1922). Образ «чёрной тучи» являет «свод радуги» как символ Божьего «благоволения». Это сияние открывается «избранникам» Творца, которые «на закате» жизни, «пред концом», сами «зажгутся», подобно радуге². Философский пейзаж также выражает надежду на победу над тьмой, художественно воплощает веру в преображение, сближая поэтику Бунина и Волошина.

Также очевидно, что сближение и полемика И. А. Бунина и М. А. Волошина одесского периода 1918–1919 гг. повлияли на ряд произведений книги «Неопалимая купина». Одноимённое стихотворение книги имеет подзаголовок: «В эпоху бегства французов из Одессы»³. Также это стихотворения «Плаванье» (1919)

и «Бегство» (1919), передающее путь Волошина и его спутников из Одессы в Коктебель, о чём позже он напишет в цитируемом Буниным письме. В этот же ряд включаются стихотворения «Матрос» (1918), «Красногвардеец» (1917), «Спекулянт» (1919) и другие произведения цикла «Личины» – «Большевик» (1918), «Феодосия» (1918), «Буржуй» (1919). В письме Волошина Бунину эти произведения как бы адресованы ему как критику и отчасти вдохновителю. Волошин интересуется мнением оппонента⁴, так как они написаны не в мистико-религиозном, а в «реалистическом» стиле. Хотя и эти реалистические «личины», по Волошину, только «маски», скрывающие, ангельскую сущность человека.

В стихотворении «Потомкам», созданном в 1921 году в Симферополе и завершающем цикл «Усобица», очевидно присутствуют темы полемики с Буниным. Опыт периода гражданской войны и «террора» Волошин переживает как духовный подвиг, как откровение сущности истории: «Мы выучились верить и молиться / За палачей. Мы поняли, что каждый / Есть пленный ангел в дьявольской личине, / В огне застенков выплавили радость / О преосуществленье человека...»⁵. Обезличиванию и озверению человека поэт противопоставлял святость как явление Бога в человеке, преображающее его «Я», выявляющее Лик его личности. Очевидно, что индивидуализм, консерватизм, интеллектуализм, критицизм, нравственная встревоженность И. А. Бунина также поддерживали и привлекали к себе творческое сознание Волошина периода его пребывания в Одессе 1918–1919 годов. Воспоминания Бунина дают богатый материал для сопоставления социальных, философских и эстетических позиций ярких представи-

¹ Бунин И. А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 1. Стихотворения 1882–1952. М.: Московский рабочий, 1993. С. 371.

² Там же. С. 370.

³ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 293.

⁴ Бунин И. А. Волошин // Волошин М. А. «Жизнь – бесконечное познание»: Стихотворения и поэмы. Проза. Воспоминания современников. Посвящения / сост., подгот. текстов, вступ. ст., краткая биохроника, комм. В. П. Купченко. М.: Педагогика-Пресс, 1995. С. 457.

⁵ Волошин М. А. Собрание сочинений в 10 т. Т. 1. М.: Эллис Лак 2000, 2008. С. 350.

телей русской литературы первой трети XX века, встретившихся на перекрёстке истории и послереволюционной современности России.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод о глубинном влиянии И. А. Бунина и М. А. Волошина друг на друга, на творчество этого периода и их дальнейшую эво-

люцию. Противопоставление и сближение идейно-художественных концепций позволяло им определиться в сложном историко-культурном процессе, формировало характерные черты литературного стиля, соединяющего документальный историзм и апокалиптический символизм в восприятии и художественной интерпретации послереволюционной России.

Статья поступила в редакцию 10.08.2020.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гавриков В. А. «Чудесный реализм» в прозе Зайцева, Шмелёва, Бунина (в контексте магического реализма, фантастического реализма, мистического реализма, духовного реализма и т. д.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. №1. С. 35–42.
2. Коростелев О. А., Кузнецова Е. В. Поэтические принципы Ивана Бунина и Александра Блока (на материале маргиналий И. Бунина на одномомнике А. Блока 1946 г.) // Вестник Томского университета. Филология. 2019. №58. С. 196–224.
3. Кузнецова Е. В. Сборник И. А. Бунина «Избранные стихи» (1929): авторская концепция и художественное своеобразие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. №4. С. 56–71.
4. Литературное наследие. Т. 110: И. А. Бунин. Новые исследования и материалы. В 4-х кн. Кн. 1 / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов. М.: Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, 2019. 1183 с.
5. М. А. Волошин: Pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М. А. Волошина в оценках отечественных писателей, мыслителей, исследователей: Антология / сост., вступ. статья, коммент. Т. А. Кошемчук. СПб.: Центр содействия образованию, 2017. 800 с.
6. Пономарев Е. Р. «Окаянные дни» И. А. Бунина: история текста // Русская литература. 2019. №3. С. 196–210.
7. Академический Бунин [сайт]. Научно-исследовательский проект (проект №17-18-01410). Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН. URL: <http://ivbunin.ru/> (дата обращения: 15.07.2020).
8. Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований: сб. науч. трудов / ред. коллегия: Н. А. Трубицина (отв. ред.) и др. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 491 с.
9. Творчество И. А. Бунина в историко-литературном контексте (биография, источниковедение, текстология) / ред.-сост. О. А. Коростелев, С. Н. Морозов; ред. З. С. Закружная, М. А. Фролов. М.: Литфакт, 2019 (Академический Бунин; вып. 1). 877 с.
10. Яковлев М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века: монография. Орехово-Зуево: Ред.-изд. отдел Московского государственного областного гуманитарного института, 2015. 312 с.

REFERENCES

1. Gavrikov V. A. ["Wonderful realism" in the prose of Zaitsev, Shmelev, Bunin (in the context of magical realism, fantastic realism, mystical realism, spiritual realism, etc.)]. In: *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], 2019, Vol. 24, no. 1, pp. 35–42.
2. Korostelev O. A., Kuznetsova E. V. [Poetic principles of Ivan Bunin and Alexander Blok (based on the marginals of I. Bunin on the one-volume book by A. Blok in 1946)]. In: *Vestnik Tomskogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of Tomsk University. Series: Philology], 2019, no. 58, pp. 196–224.
3. Kuznetsova E. V., Sbornik I. A. [I. Bunin's collection "Selected poems" (1929): author's concept and artistic originality]. In: *Izvestiya RAS. Literature and language series*, 2019, Vol. 78, no. 4, pp. 56–71.

4. *Literaturnoe nasledstvo. T. 110: I. A. Bunin. Novye issledovaniya i materialy* [Literary heritage. T. 110: I. Bunin. New research and materials]. In 4 books. Book 1 / ed.-comp. O. A. Korostelev, S. N. Morozov. Moscow, Institute of world literature named after A. M. Gorky of RAS. Publ., 2019. 1183 p.
5. [M. Voloshin: Pro et contra. The personality and ideological and artistic heritage of M. Voloshin in the assessments of Russian writers, thinkers, researchers: Anthology / comp., introductory article, comments of T. A. Koshemchuk]. St. Petersburg: Center for Education Promotion, 2017. 800 p.
6. Ponomarev E. R. ["Cursed Days" by I. Bunin: the history of the text]. In: [Russian literature], 2019, no. 3, pp. 196–210.
7. *Akademicheskii Bunin* [Site]. *Nauchno-issledovatel'skii projekt* [Research project (project no. 17-18-01410)]. Gorky Institute of World Literature of RAS. Available at: <http://ivbunin.ru/> (accessed: 15.07.2020).
8. *Tvorcheskoe nasledie I. A. Bunina v kontekste sovremennykh gumanitarnykh issledovaniy* [The creative heritage of I. Bunin in the context of modern humanitarian studies]: collection of scientific works / editorial board N. A. Trubitsina (editor-in-chief) et al. 2nd ed., stereotype. Moscow, Flinta Publ., 2019. 491 p.
9. *Tvorchestvo I. A. Bunina v istoriko-literaturnom kontekste (biografiya, istochnikovedenie, tekstologiya)* [Bunin in a historical and literary context (biography, source study, textual criticism)] / ed.-comp. O. A. Korostelev, S. N. Morozov; ed. Z. S. Zakruzhnaya, M. A. Frolov. Moscow, Litfakt Publ., 2019 (Akademicheskii Bunin; Issue 1). 877 p.
10. Yakovlev M. V. *Apokalipticheskoe napravlenie v russkoi poezii XX veka: monografiya* [Apocalyptic direction in Russian poetry of the twentieth century: monograph]. Orekhovo-Zuyevo, Editorial and publishing Department of Moscow State Regional Humanitarian Institute Publ., 2015. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яковлев Михаил Владимирович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета; профессор кафедры русского языка и литературы Государственного гуманитарно-технологического университета; e-mail: 79104310619@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Yakovlev – Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Russian Literature of the 20th Century, Moscow Region State University; Prof., Department of the Russian Language and Literature, State University of Humanities and Technology; e-mail: 79104310619@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Яковлев М. В. И. А. Бунин о М. А. Волошине: за и против // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. №4. С. 116–127.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-116-127

FOR CITATION

Yakovlev M. V. I. A. Bunin about M. A. Voloshin: for and against. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2020, no. 4, pp. 116–127.
DOI: 10.18384/2310-7278-2020-4-116-127

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайте Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (<https://cyberleninka.ru>).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2020. № 4

Над номером работали:

Литературный редактор Е. О. Духовнова
Переводчик И. С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка В. А. Кулакова

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»
Информационно-издательского управления МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 доб. 6101
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п.л. 8, уч.-изд. л. 10.

Подписано в печать: 30.09.2020 г. Дата выхода в свет: 05.10.2020 г. Заказ №2020/09-02.

Отпечатано в ИИУ МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, 10А